

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

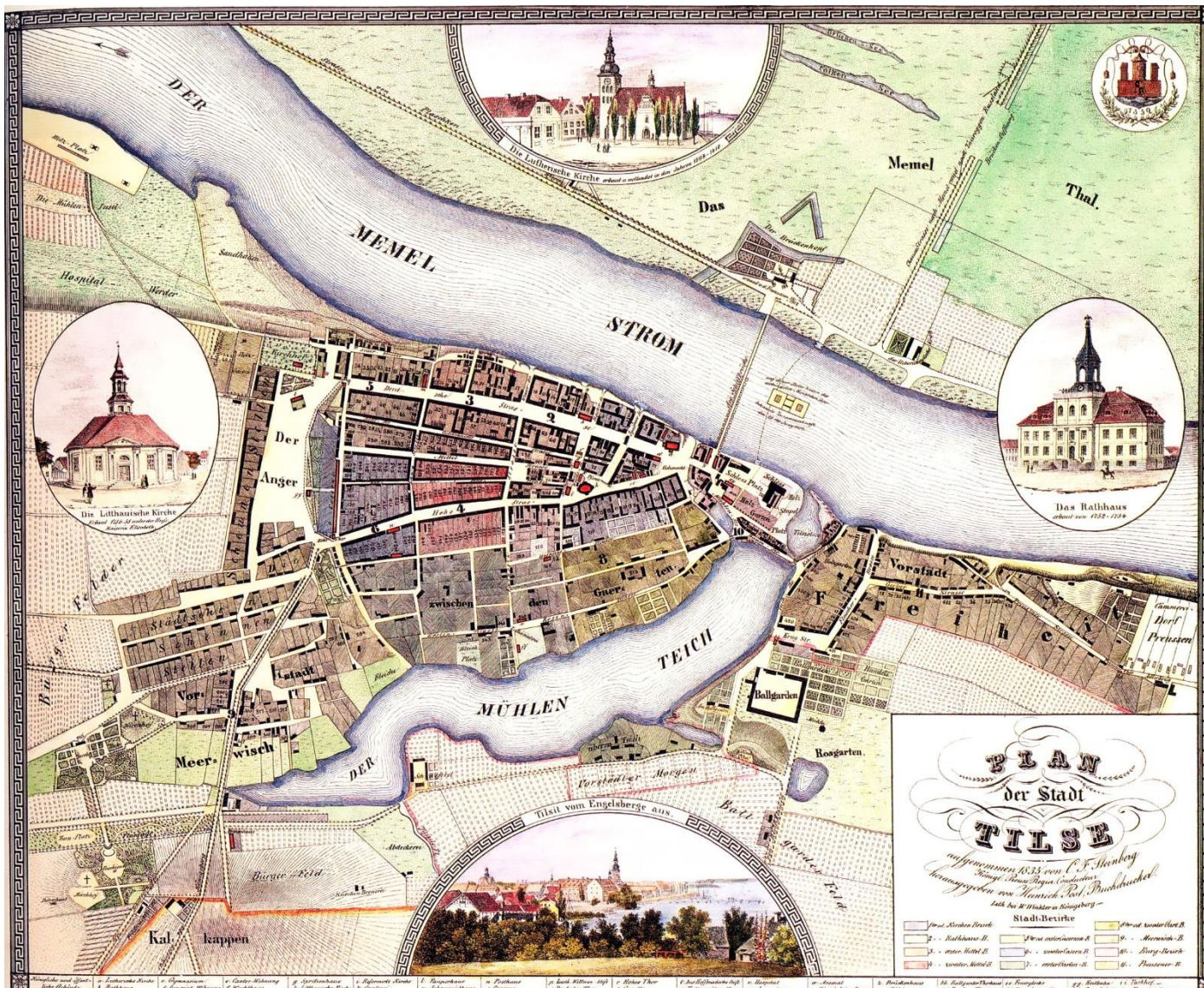
«История. Люди. Память» – серия видеофильмов с субтитрами об историческом наследии, проблемные репортажи с субтитрами об исчезающих объектах истории и культуры на территории Калининградской области»

№ 19-1-026322

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по Советскому району

«Встреча на Немане. Вокруг Тильзитского мира»

1. От Фридланда до Гильзита.

«Так, вместо того, чтобы разбить и уничтожить слабый неприятельский корпус, которому за отдалением не могла армия дать скорой помощи, мы потеряли главное сражение. Не могу не повторить еще, что, если бы при самом начале сражения главнокомандующий не испытал припадка болезни, дела наши были бы совсем в другом положении. Нами в продолжение сражения наконец командовал генерал-лейтенант князь Горчаков (Алекс [андр] Иван [ович]). Но ни он в себе не нашел, ни войска к нему не могли иметь доверенности.

3-го июня поутру арриергард прибыл в Алленбург. Еще застал он остатки выступавшей далее армии, и беспорядок был ужаснейший. Неприятель занимался построением мостов и потому им не воспользовался. По обеим сторонам реки видны были части его кавалерии, но они не имели между собою сообщения.

Без препятствий дошли мы до Велау. Не знаю, справедлива ли молва, что главнокомандующий намеревался дать сражение, но видно было, что строились редуты; однако сближающийся неприятель не допустил их кончить.

При отступлении арриергарда посланные разъезды открыли отряд генерала графа Каменского, идущий от Кенигсберга, и за ним неприятеля в силах. В нескольких местах позади соединялись дороги, и граф Каменский, прошедши прежде, мог привести за собою неприятеля, который занял бы нашу дорогу. Князь Багратион, благосклонно выслушивающий мои рассуждения, позволил мне сделать

предложение, чтобы всю нашу кавалерию послать на левый фланг преследующего нас неприятеля, новостью сего движения остановить или, по крайней мере, умедлить ход его и, с пехотою пройдя поспешнейшим образом соединение дорог, ожидать графа Каменского. Князь Багратион приказал привести сие в исполнение, и мы едва могли предупредить графа Каменского, а потом кавалерия наша прибыла в одно время с последними его войсками. Он отправился к армии, и арриергард остался один.

При селении Таплакен, по удобству местоположения, дождались мы неприятеля, и довольно горячая сшибка с передовыми его войсками была совершенно в пользу нашу.

В двенадцати верстах не доходя Гильзита, нашли мы дожидающиеся полки кавалерии и приказание главнокомандующего удерживать неприятеля, дабы армия имела время перейти за Неман. Широкая река сия протекает у самого Гильзита, и на ней только один мост. Нельзя было по обширности города превратить его в мостовое укрепление (*tête du pont*), и потому каждый из нас видел, сколько трудное поручение

возложено на князя Багратиона и какой опасности подвержено отступление арриергарда, имея один мост и такое множество кавалерии. Арриергард расположился в боевой порядок, дано повеление, во что бы то ни стало удерживаться до ночи. Князь Багратион, оставив при арриергарде прежнюю его конницу и казаков, к общему всех удовольствию отпустил всю прочую кавалерию, дабы она не сделала препятствий при переправе. Мы готовились к последнему сражению на земле союзников! Передовые наши посты, отстреливаясь, привели наконец неприятеля довольно на близкое расстояние. Решительность, с которою мы его ожидали, надобно думать, внушила к нам уважение, и конечно неприятель одного был с нами мнения, что неравными силами преодолеть нас было невозможно, а потому остаток дня провел в бездействии. Он ожидал прибытия своей армии, мы нетерпеливо ожидали приближения ночи.

Арриергард пришел поутру в Тильзит, и тотчас вся конница. Казаки и артиллерия отправлены за Неман, за ними перешла линейная пехота. В городе остались одни егерские полки, мост приготовлен к скорейшему сожжению. Около девяти часов утра неприятель в больших весьма силах подошел к городу и начал обозрение. Мы оставили его, и едва успели егерские полки перейти мост, как на оном явился с кавалериею маршал принц Мюрат, и мост загорелся почти под самую его лошадью.

Неприятель занял город. По берегу, несравненно возвышенному над нашим, стала многочисленная артиллерия; в продолжение дня собралась вся армия и охватила всю окрестность, и мы, не угадывая последствий, не без страха ожидали происшествий.

«Вид на город Тильзит». Шперберг Иван Яковлевич. 1807 год

Армия наша была малочисленна и в беспорядке. Ее крайне ослабили отлучившиеся от полков люди при отступлении от Фридланда и по пути до Немана. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежом себе пропитание, и в числе нескольких тысяч перешли Неман в Юрбурге, Олите, Мерече и некоторые даже в Гродне. В доказательство беспорядка приведу следующие примеры.

Изюмский гусарский полк забыт в Пруссии на квартирах, где находился для поправления лошадей; узнавши от жителей о Фридландском сражении, пошел он к армии, но встречающиеся повсюду наши и французские мародеры истолковали ему, что армия отступает, и полк отправился за Неман и перешел его благополучно. Также забыт полковник Сысоев с донскими полками, но гораздо далее. Он встречался с

войсками неприятеля, дрался с ними, проходил их квартирами, брал пленных и за Неманом присоединился к армии. Не исключая и самой артиллерии, часть которой, не получившая во время приказа, сама избрала направление, и отдельно следуя от армии, перешла в Юрбурге через Неман, изыскавши брод, который до того был неизвестен.

Армия не в большом расстоянии от берега расположилась лагерем; лесистое пространство местоположения весьма к стати ее бессилию. Авангарду приказано стать на самом берегу. Князь Багратион по приказанию главнокомандующего послал от имени своего адъютанта с предложением перемирия. Он представлен к принцу Мюрату, потом к принцу Бертье, и ему объявлено, что Наполеон желает мира, не перемирия! На другой день с объяснением о том приехал в главную квартиру принц Бертье, и послано донесение государю, который находился в местечке Шавле. Через два дня прибыл государь к армии, и генерал от инфантерии князь Лобанов-Ростовский отправлен к Наполеону, вскоре после чего заключено перемирие и приступлено к переговорам о мире.

Между тем положено свидание государя с Наполеоном, и оно приурочено на середине Немана, где съехались они в одно время. Король прусский находился с ними на берегу! Через несколько дней государь переехал в Тильзит, где среди французской армии караул его состоял из одного батальона гвардии Преображенского полка и двух эскадронов лейб-гусарского полка. Вскоре заключен мир; все выгоды одного были на стороне Наполеона; им все изъявления почтения, то есть, все оно наружности оказаны государю. Не отказано желание, чтобы был принят и король прусский. Наполеон показывал маневры своих войск. Государь в лагере их был принят с блистательною почестью, каковая отдается самому Наполеону. Свиту государя составляли все маршалы и множество генералов. Наконец приглашаема к обеду королева прусская. Красавица с наполненными слез глазами, стараясь казаться веселою, предстала победителю, против которого возбуждала она к войне свои ополчения. Между тем армии начали возвращаться в свои пределы и назначен день прощания. Вся гвардия Наполеона в новой одежде (благодаря Пруссии), в блистательнейшем порядке, и в голове колонны батальон Преображенского полка, прошла мимо обоих императоров, и они, простившись, в одно время выехали из Тильзита.

Войска арриергарда возвращены в дивизии, коим они принадлежали; мы все, служившие под командою генерала князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлением искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения

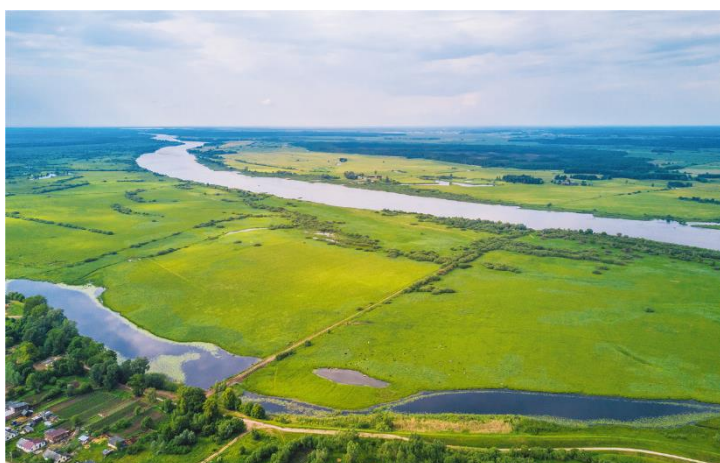

его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том подчиненных. Солдатами он был любим чрезвычайно. Я, простясь с товарищами, отправился в Россию.

Записки артиллерии полковника Ермолова, с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени [1801–1807 гг.]

http://militera.lib.ru/memo/russian/ermolov_ap/02.html?fbclid=IwAR0i0AIFLmZzetoGqhEKX_QHAZbFzu8TPgPWphB616vYXzENaMEZ2nO6-1U

2. Река Неман

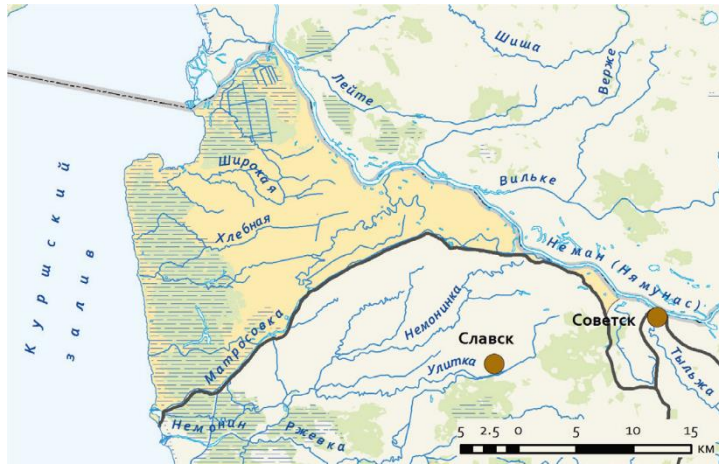
Река Неман в своем нижнем течении образует обширную дельту. Вершина дельты расположена ниже г. Советска в месте разделения основного русла реки на два рукава — Русне и Матросовку. Русне в свою очередь тоже имеет небольшую дельту, состоящую из трех рукавов. Левый рукав Скирвите (Северная) протекает на территории России, но по нему проходит

государственная граница, рукав Пакальне и рукав Атмата — на территории Литвы.

Левобережье Немана защищено от затоплений во время половодья высокими дамбами. Высота дамб в вершине дельты составляет около 6 м, на побережье залива — 2 м. Русло рукава Матросовки также отделено от прилегающей территории сооруженными высокими дамбами, поскольку уровень окружающей местности иногда лежит ниже уровня моря. Для улучшения условий судоходства русло реки Неман неоднократно подвергалось выпрямлению и сужению. Принятые меры сделали его более устойчивым, а в прошлом русло реки неоднократно меняло свое местоположение, о чем свидетельствует несколько сохранившихся старых мостов в районе г. Советска.

Ширина Немана в межень составляет 180—350 м, в нижнем течении — до 500 м, но во время половодья река разливается до 1,5 км. Глубина реки — до 6 м. Рукав Скирвите (Северная) — самый многоводный и глубоководный из рукавов дельты Немана, его глубина местами может достигать 17—18 м. В устье скорость течения уменьшается до 0,2 м/с.

Весеннее половодье начинается обычно в середине марта и может продолжаться до двух месяцев, поскольку снеготаяние в верховьях Немана начинается поздней, чем в устьевой части. В это время происходит затопление поймы. В районе города Советска ширина разлива достигает 5 км. В дельте Немана, особенно при нагонных ветрах с Куршского залива и ледяных заторах на его рукавах, половодье может иметь катастрофический характер.

Основные притоки Немана на территории Калининградской области — это реки Шешупе и Тыльжа.

Мост через реку Неман имеется в Советске (мост королевы Луизы). Построен также мост на обьездной дороге восточней Советска, но он не функционирует, поскольку при нем не завершено строительство пограничного автомобильного пункта пропуска.

Обширная акватория реки Неман и географическое положение создают благоприятные условия для обитания 36 видов рыб. Наиболее часто встречаются: плотва, окунь, голавль, елец, лещ, укляя, ерш, рыбец, жерех, язь, щука, густера. В верхнем участке реки в основном обитают жилые (оседлые) виды, в среднем и нижнем участках водоема видовой состав и количество рыб сильно меняются, особенно в период нерестовой миграции.

В дельту реки на нерест весной заходит в большом количестве корюшка, осенью — налим. Здесь же нерестятся лещ, щука, плотва, судак, окунь, ерш и другие местные рыбы. По реке к нерестилищам поднимаются лосось, кумжа, рыбец (сырть), морская и речная миноги.

Неман является судоходной рекой, которая активно использовалась в интересах народного хозяйства Калининградской области до 90-х годов прошлого века. Водный транспорт перевозил грузы от реки Неман по системе каналов, Дейме и Преголе до Калининграда и в обратном направлении. Особенно активно осуществлялись перевозки песка и песчано-гравийной смеси из карьера на реке Шешупе. В городе Советске действовал крупный речной порт.

Обширная дельта Немана, южная часть которой относится к Калининградской области, — уникальный природный ландшафт, обладающий сложной густой сетью небольших рек, рукавов и осушительных каналов. Здесь находится крупнейший в области массив польдерных земель. В древности тут были непроходимые болотные топи, луга и лесные чащи. Хозяйственное освоение территории началось с XVII века, когда были сооружены первые каналы и дамбы. В настоящее время территория дельты Немана представляет интерес не только в сельскохозяйственном, но и в рекреационном отношении. Богатство ихтиофауны рек и возможность малого судоходства на большинстве водотоков дельты Немана создают необходимые предпосылки для развития здесь экологического туризма. Возможности для отдыха предоставляют, например, рыбацкая усадьба «Гильге» и гостевой дом «FishDorf» в пос. Матросово на рукаве Матросовка.

Город Советск богат на памятники истории, культуры и архитектуры, их насчитывается около двухсот. В городе Неман можно увидеть руины Орденского

замка. В дельте Немана находятся две особо охраняемые природные территории — государственные природные заказники «Дюнный» (особенно интересно болото Козье) и «Громовский» (оборудована экологическая тропа на Большом Моховом болоте).

«Родники, озера, реки — изучаем и сохраняем!» реализуемого Фондом «Исток» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов https://istok39.ru/kart_vod_ob

3. Скальвы/скаловы/шалауэры

Группа племён, обобщенных названием «прусы», культурно родственна латышским, литовским и славянским народностям, и относится к западно-балтским племенам. Главной хозяйственной деятельностью пруссов были охота, рыболовство и подсечное земледелие. Кроме того, пруссы занимались и коневодством. Путешественники, побывавшие в Пруссии, отмечают высокую религиозность пруссов. У них было целое скопище всевозможных богов. Поклонялись пруссы и силам природы, и священному лесу, который давал им приют и пищу. Огромным авторитетом у пруссов пользовались жрецы, особенно верховный жрец, носивший титул Криве — Кривайтиса. Влиянию жрецов был подвержен весь жизненный уклад прусского общества.

Христианская цивилизация надвигалась на пруссов неумолимо. В 12 веке начались польско-пруссские столкновения. Польская экспансия в соседние земли, на север от княжества Мазовия, мотивировалась необходимостью христианизации язычников. Тем же обосновывалась булла папы Римского Иннокентия III от 26 октября 1206 г., фактически предоставившая широкие права на завоевание земель западных балтов европейским феодалам. Кроме поляков, завоевать Пруссию пытались и датчане. В 1210 году датская армия во главе с королем Вольдемаром II совершила набег на прусские земли, но была отбита отрядами пруссов. Польские феодалы в 1222—1223 годах пытались покорить пруссов, но тоже безрезультатно. В 1224 году прусские воины переходят р. Висла и вторгаются в Польшу. С этого времени прусские набеги на польские земли становятся постоянными.

княжества Мазовия, мотивировалась необходимостью христианизации язычников. Тем же обосновывалась булла папы Римского Иннокентия III от 26 октября 1206 г., фактически предоставившая широкие права на завоевание земель западных балтов европейским феодалам. Кроме поляков, завоевать Пруссию пытались и датчане. В 1210 году датская армия во главе с королем Вольдемаром II совершила

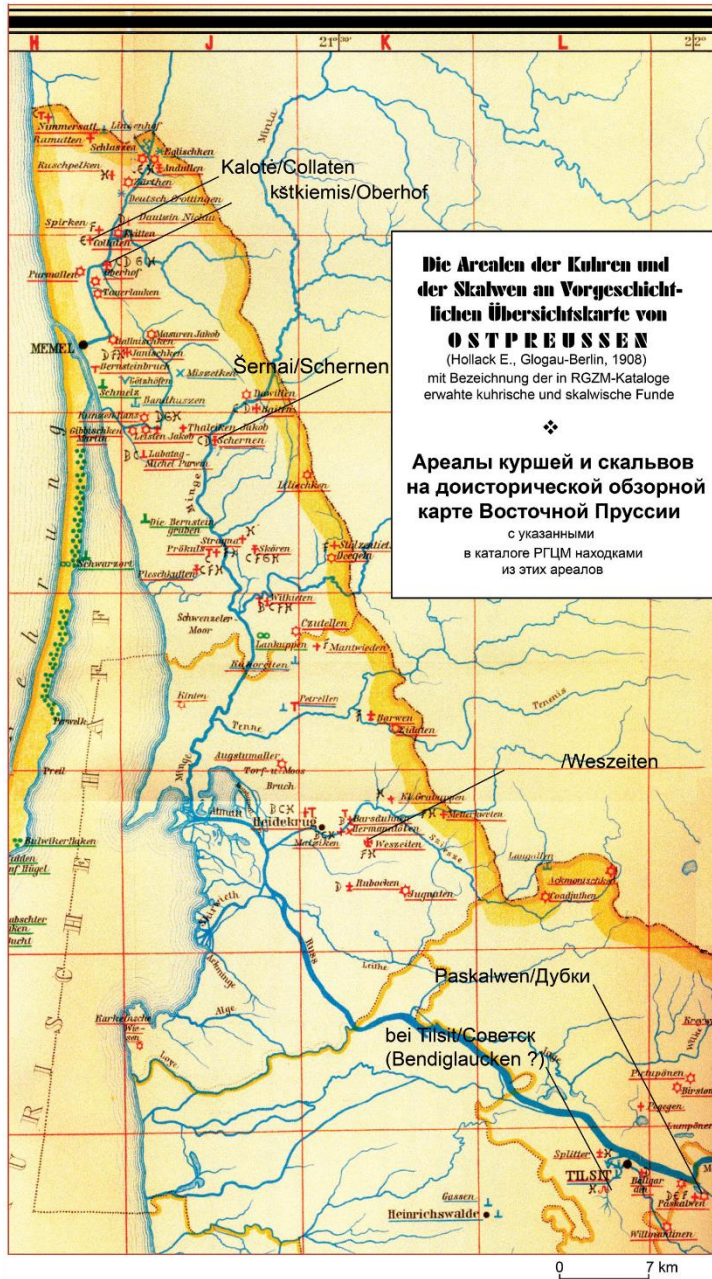
набег на прусские земли, но была отбита отрядами пруссов. Польские феодалы в 1222—1223 годах пытались покорить пруссов, но тоже безрезультатно. В 1224 году прусские воины переходят р. Висла и вторгаются в Польшу. С этого времени прусские набеги на польские земли становятся постоянными.

К 13 веку прусские племена объединились в своеобразную конфедерацию, состоящую из 11 земель: Бармии (Бартении), Вармии, Галиндии, Сасовии, Надрувии, Натангии, Погезании, Помезании, Самбии, Скаловии (Шалавии), Судовии (Ятвягии). На территории современных Неманского, Советского, Славского и Краснознаменского

районов в древности находилась земля Скаловия, на которой жили прусские племена — скальвы. К сожалению, о их жизни и быте почти ничего не известно.

Письменные источники времён Тевтонского ордена упоминают племя скаловов или скальвов, проживающих между пруссами, куршами и жемайтами, с центром близ Тильзита и Рагнита. Характер экономической жизни этого народа был направлен на

огромные усилия в демонстрации высокого статуса, принадлежности к военной элите – дружине. Об этом говорят богатства погребального инвентаря – комплексы дорогостоящего оружия и многочисленные предметы из бронзы, предварительно повредив их и исключив тем самым из повседневного употребления. Существовали небольшие административные ячейки – многочисленные укрепленные городища, расположенные вдоль течения Немана, подтверждают это предположения.

Выгодное стратегическое расположение – над подпойменной террасой Немана, недалеко от рукава старого русла реки, занимали поселения скальвов. Сейчас уже не существует многих притоков Немана в добавление к основным существующим рукавам дельты реки Неман – Рус (Русне) и южного ответвления Гильгетис (Гильге/Матросовка). Все эти рукава соединяются в одно целое лишь у Тильзита. Корабли входили в реку со стороны Балтийского моря, либо со стороны Куршского залива, не зависимо

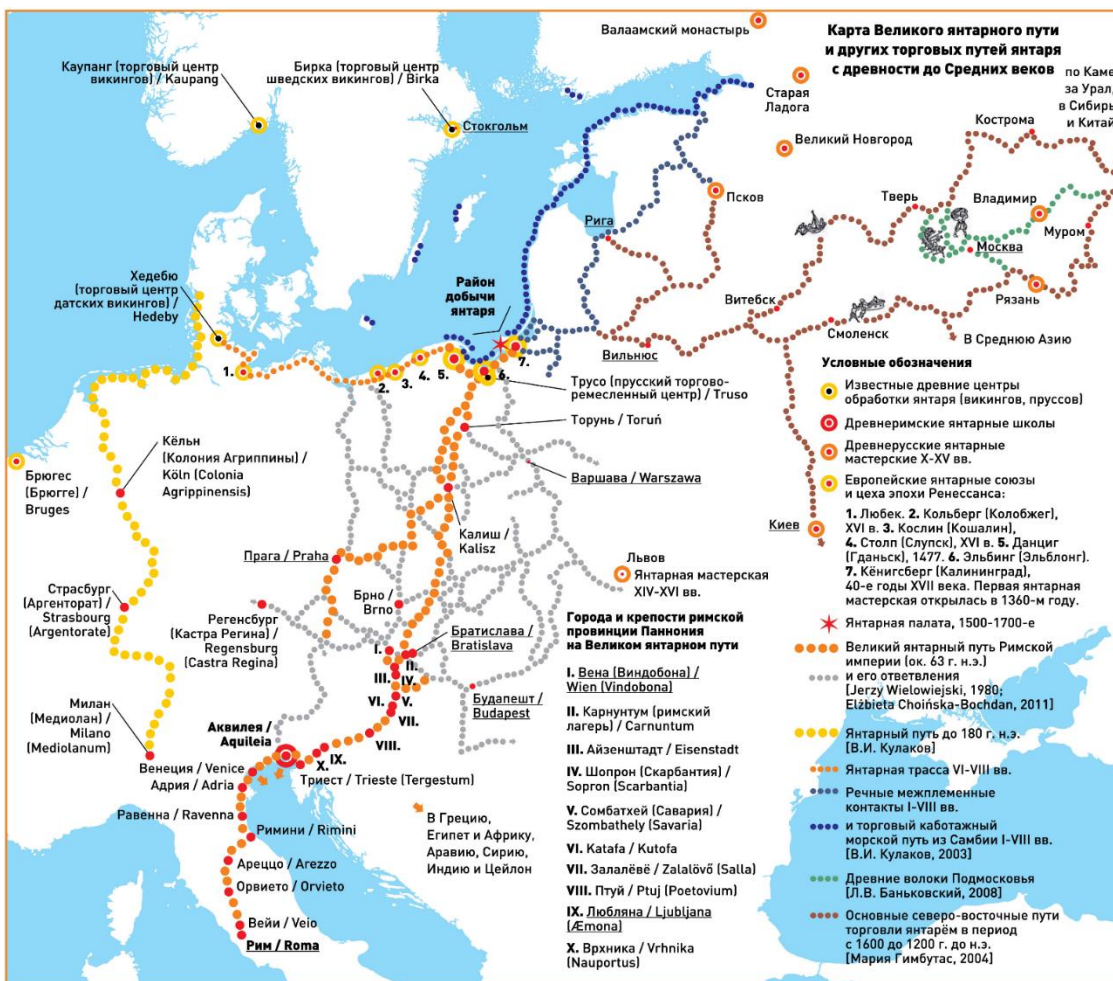
от того в какое из устьев Немана они изначально заходили, не могли миновать район Тильзита. Прохождение судов по реке Неман, таким образом, хорошо контролировалось.

В VIII – X веках Неманский путь был одной из возможных торговых дорог между Скандинавией и восточной частью Киевской Руси. Значение Немана, как водной артерии в южной части Балтики в эти времена, возросло с появлением устья, соединяющего современный Неман с Куршским заливом, 1000 – 1100 лет назад.

Есть вероятность, что в течение периода Римской Империи и эпохи Великого переселения народов, Неман мог впадать в Преголю, и, таким образом, не в Куршский залив, а в Вислинский. Получается, что течение реки Неман тогда направлялось не на запад в сторону Тильзита, а на юг, в район слияния с рекой Юра, далее на юг в Преголю и заключительно в Вислинский залив.

Даже при такой альтернативной возможности течения Немана, скальвы находились на стратегически важной позиции в первой половине первого тысячелетия, в V – VII веках нашей эры – на пересечении важных торговых путей, не зависимо от изменения пролегания русла Немана на протяжении столетий.

Исходя из выгодной стратегической позиции, представители элиты скальвов, вероятно, пытались извлечь выгоду из интенсивного движения по Неману. Возможно, они предоставляли эскортные суда или снабжали путешественников свежими продуктами до и после их перехода в Балтийское море. Жители этих мест могли иметь выгоду из межрегиональной торговли без непосредственного участия в ней. Это налоги, дань, взимаемые скальвами с транзита через свою территорию, постоянные контакты с купцами различных этнических групп. Ценилось скандинавское железо, оно имело большой спрос у западных балтов. На обратном пути в Скандинавию заинтересованность была в работоторговле, прежде женской, янтаре и мехах, особой

породе лошадей – маленькой (высотой в холке 1,20 – 1,36 м), исключительно выносливой, используемой в качестве боевой.

Последние и самые трагические страницы в истории скальвов связаны с нашествием на их землю Тевтонского ордена.

В 1226 году Орден получил приглашение от мазовецкого князя Конрада осесть на 20 лет в Хельминской земле для «умиротворения и христианизации» пруссов, которые досаждали князю своими набегами.

От Гонория III Орден получил 124 послания и 37 булл. Одна из них, датированная 1220 годом, за лицемерными утверждениями «о ростках добродетели» и «славе божьей»

почти не скрывала откровенного призыва, обращенного к Ордену, к приобретению «обильных плодов» в Центральной и Восточной Европе, проще говоря, — к открытому захвату и грабежу чужих земель. Не отставал от папы и Фридрих II Штауфен (король Германии с 1212 года и император Священной Римской империи с 1220 года, внук Фридриха I Барбароссы).

В 1226 году он направил Великому Магистру Ордена Герману Зальцу «золотую буллу» о закреплении за Орденом Хельминской земли. Фридриха не смутило то, что эта земля ему не принадлежала. Кроме того, булла ориентировала магистра на создание собственного государства на прусской земле, чего тот и добивался. Новый папа Григорий IX подтвердил привилегии, данные Ордену его предшественником, и ввел Орден под свое особое покровительство. С его благословения Орденские братья-рыцари начали в 1230 году покорение прусских земель. К 1239 году они захватили значительные территории вдоль реки Вислы. В 1255 году крестоносцы овладели Самбийским полуостровом.

Пятьдесят три года понадобилось крестоносцам, чтобы окончательно покорить пруссов. Пруссы и не думали сдаваться. То тут, то там вспыхивали народные восстания против захватчиков. Крестоносцы использовали не только оружие, но лесть и подкуп. Многие прусские вожди переходили на сторону крестоносцев и принимали христианство. Немцы называли таких «новообращенных» пруссов витингами.

В завоевании прусских земель крестоносцы использовали следующую тактику: захватив определенный район, они строили замки, обеспечив тем самым себе базу для дальнейшего продвижения в глубь территории. Замки строились из крепких дубовых бревен, насыпались валы и выкапывались рвы. Так появились замки, а в последствии города.

Вскоре после основания Кёнигсберга на владения ордена в Самбии напали надровы, скальвы и судовы, с которыми немцы столкнулись впервые. Только эти три больших племени на территории Пруссии оставались не завоёванными орденом, и жители справедливо опасались участи остальных племён.

Можно предположить, что инициаторами набега были воинствующие судовы (ятваги). Набег этот был типичный – внезапный и стремительный налёт и столь же стремительный отход с добычей и пленниками. Как раз в 1254 году галицкие и мазовецкие князья договорились с орденом о разделе Ятвугии. Недаром Дусбург пишет, что «соседние язычники очень обозлились».

Для безопасности окрестностей Кёнигсберга от частых набегов прусских племён, орденские рыцари брали с собой вспомогательные отряды самбов – впервые для войны против одних прусских племён использовались другие. Это была обычная практика в Ливонии рыцарей.

Наивысший подъем освободительной борьбы пруссов против Ордена пришелся на 60-е — 70-е годы 13 века. В 1260 году вспыхнуло самое крупное восстание, вошедшее в историю как «Великое восстание пруссов». Из одиннадцати союзов Пруссии в нем участвовали девять. Несмотря на успехи начала восстания, пруссы потерпели поражение, Великий магистр Хартман фон Гельдрунген, потеряв более половины своей армии, обратился к европейским феодалам за помощью. Получив подкрепление, крестоносцы стали расправляться с пруссами с невероятной жесткостью. К 1275 году пожар восстания полыхал в Галландии, Судовии и Надровии.

В 1277 году Орденом был предпринят очередной военный поход в Надровию. Возглавил его Ландмейстер Пруссии Конрад Тиерберг. Он отдает приказ Дитриху произвести разведывательную операцию на севере Пруссии — в Скаловии. Под командованием Дитриха был выделен отряд, состоящий из нескольких рыцарей и тысячи кнехтов (пехотинцев). Достигнув реки Неман, Дитрих напал на крупное поселение местных жителей — скальвов. В «Хронике завоевания Пруссии» Петра Дуйсбурга, написанной им в 1326 году, это поселение названо по латыни — «Раганита». Несколько раз крестоносцы пытались штурмом завладеть поселением. Скальвы яростно сопротивлялись, переходя в контратаки. Наконец крестоносцам удалось пробить брешь в деревянной стене поселения и выломать ворота. Ворвавшиеся внутрь рыцари учинили настоящую резню. Все защитники были перебиты, а женщины и дети взяты в плен. Но и крестоносцы понесли большие потери. Еще больше людей они лишились при штурме другого крупного поселения — Рамиге. Оно находилось на другом берегу Немана на горе Копелленберг (Рамбинас). В остальных поселениях, находящихся в округе, не стали дожидаться нападения. Их жители ушли вглубь территории — в леса. Как утверждает Петр Дуйсбургский, после разгрома, учиненного Дитрихом, в этом районе долго никто не жил. Отряд Дитриха с добычей и пленными вернулся в замок Лабиау.

Весной 1289 года в устье Немана вошла целая флотилия судов.

Поднявшись вверх по течению, крестоносцы высадились на берег. На месте сожженного прусского поселения «Раганита» ландмейстером Ордена Мейнхардом Кверфуртом (Куэрфуртом) был основан замок. Имя новому замку было дано «Ландесхут», что в переводе с немецкого означает «земельная шляпа». Случилось это в праздник святого Георгия 23 апреля 1289 года. Вот как это событие описано в «Scriptores Rerum Prussicarum» («Редкостные прусские письмена»), изданных в Лейпциге в 1861—1874 годах: «От рождества Христова в 1289 году тот же брат Мейнхард вместе с другими, жаждущими славы и земель, достиг Пруссии, и со всеми военными силами в день Святого Георгия Мартовского на земле скаловитов, на некоей горе над Мемелем к хвале Господа и славе его поставил лагерь Ландесхут, что ныне стоит на месте Рагнеты рядом с рекой».

Другую запись об этом событии можно найти у Николауса Ерошена — хрониста и записавшего на немецкий язык «Хроники земли прусской» Петра Дуйсбурга: «И когда мастер Мейнхард задумал добро сделать в борьбе и убеждении в земле шалауэрской, в день Святого Георгия построил при течении Мемеля на горе, во славу Господа, строение и назвал Ландесхут. Там она стоит и в наше время». Вместе с замком «Ландесхут» Орден основал и замок «Тильзит». Оба замка были обычными в ту пору дерево-земельными укреплениями. Перед замками был вырыт глубокий ров.

По материалам публикаций Сергея Липского <http://www.nemanvesty.ru/2000/08/nv65/>

и Романа Широхова «Могильник Линкунен (Ржевское)».

4. Тильзит

Тильзит – город прирожденной скромности и удивительной гармонии. Город издавна возник на пересечении древних торговых путей: сухопутной дороги связывающей восточные и западные славянские территории и водного пути по Мемелю. Через город прошли: отборное пшеничное зерно, корабельный лес, идеи шотландских реформаторов, библии литовцев, русские казаки, и газета «Искра» русской революции. Здесь сыпались римские монеты, сверкали мечи

прусских рыцарей, шведы здесь собирали налоги.

Ремесло и искусства не достигли здесь особенных высот. Но технические достижения применялись равномерно и настойчиво, создавая комфортное качество быта. Многими поколениями тильзитцев было организовано рациональное по

планировке пространство, и построен город масштабный человеку во всех отношениях. Ничего удивительного в этом нет, так как Тильзит грамотно перенес на свои улицы, площади и набережные многие выдающиеся образцы мирового градостроительного искусства Германии, Австрии, Италии, Голландии. И город сформировался как неповторимый памятник истории.

Много веков город жил в ритме всех изменений, происходящих в Европе – торговых, экономических и политических. Он заплатил за это страшной ценой. Вторая мировая война не пощадила Тильзит. Многие районы и улицы города исчезли с лица земли. Тильзит практически полностью потерял свой уникальный и неповторимый средневековый силуэт. Особенно пострадала его главная улица – дорога между Замками Тильзит и Шплиттер.

Несколько поколений города Советска выросло буквально на развалинах зданий и пустырях улиц Тильзита. Остатки старого города и сегодня бередают чувства и мысли его жителей. Разочарование, которое сопровождает туристов города Советска, еще больше ранит наши души. Но мы – оптимисты, потому что хотим по отдельным кусочкам возродить образ утерянного города. И сегодня приглашаем вас в странное и удивительное путешествие по улице, которой больше нет.

Там, где сегодня проходит улица Гагарина, раньше была самая старинная улица. Родилась она из дороги, которая соединяла замок Тильзит и замок Шплиттер. Но прошли века. Ушел в небытие замок Шплиттер, постепенно, по камешку, разбирают замок Тильзит, а дорога, пережив рыцарскую конницу, обустроилась домами и ее стали называть Лангассе. Вся тильзитская знать возводила здесь каменные дома.

На карте 16 века Дойчештрассе – длинная и самая широкая дорога. С 16 по 20 век она была переименована несколько раз. Сначала, в 1540 году называлась Lange Gasse (Длинный переулок), но вскоре, когда поселение Тильже получило городское право, в 1549, 1552 гг. она именуется Deutsche Gasse (Немецкий переулок), спустя время – стала Deutsche Strasse (Немецкая улица), после войны, когда подчистили руины, и улица превратилась в «бездомок», назвали соответственно – Широкая улица, потом, застроили пятиэтажками и переименовали в улицу Гагарина.

Здания построены удивительно лаконично и сдержанно, как и подобает старинной европейской торговой улице. Вся архитектура этой улицы была проникнута исключением чрезмерных пластических излишеств.

Фасады, выходящие на улицу лишены парадности. Архитекторы не увлекались античными формами и историцизмом. Но в качестве компенсации за это улица была вознаграждена изумительными пропорциями и равновесием архитектурных объемов. Высокие кровли и слабо расчлененные фасады домов создавали самобытный силуэт улицы, душой которой было совершенное спокойствие.

Abbildung 3: Tilsit, Straßenplan 1851, Rekonstruktion von W.Thalmann 1921 (aus Nr. 1849)

Прогулку по Советску в поисках Тильзита десять лет назад совершили краевед Светлана Белшевиц, совместно с Михаилом Кургановым, членом союза архитекторов России, в переводе с немецкого помог филолог и краевед Кирилл Сохлаков.

Мы пройдемся по улице Гагарина, бывшей Дойчештрасса в поисках домов, связанных с именами личностей, вошедших не только в историю Тильзита.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002832

Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Deutsche Str. vom Deutschen Tor Richtung Westen. (1890-1900), © O. v. Mauderode

5. Дойчештрассе. В поисках Дома Александра Первого.

Прогулку по Дойчештрассе, несуществующей сегодня улице в Советске, и начнём с дома № 21 – не сохранившегося в современном городе.

Здесь Александр I проживал с 25 мая по 14 июня в 1807 году – 21 день в доме №21!

Расположен дом на углу Дойчештрассе (ул. Гагарина) и Шприндгассе (ныне не существует) – самое старинное здание в Тильзите. В 1515 – 1516 годах на этом месте был построен францисканский монастырь, очень напоминающий крепость: толщина северной его стены составляла 1,63 метра. В 1524 году над зданием монастыря собирались возвести башню, но вместо этого – снесли сам монастырь, поскольку был он католическим. С реформацией пришло время протестантских, или лютеранских церквей.

Дому № 21 достались «в наследство» подвалы с крепкими и красивыми сводами. Владельцем нижней части дома в начале XVI века был Мориц фон Першкау, сын бургграфа Морийа Першкау, которому принадлежало имение Зентайнен (район посёлка Василевского).

Простояло здание четыре века, а значит, и облик, и собственники его менялись. С 1798 года дом принадлежал жене директора окружного суда Йоханне Шарлотте фон Лош. Ей и довелось быть хозяйкой, когда в доме поселился Александр I. Позднее, в 1811 году, владельцем дома стал купец Готфрид Хинтц. Помещения сдавались в аренду, и какое-то время в 20-е годы XIX века верхние комнаты занимала ложа «Луизы чистосердечной», а в 80-е годы в здании

размещался отель «Норд». С середины XIX века дом арендовала семья Шульц, имевшая поначалу столярную мастерскую, а затем мебельную фабрику. Владельцем другой мебельной фабрики – Францу Перлебаху суждено было в XX столетии стать последним довоенным собственником дома. Нижний этаж Перлебах занял под мебельный магазин, импозантный интерьер которого просматривался сквозь большие витрины, привлекая покупателей.

Судя по довоенной фотографии, двухэтажное здание являло собой органический синтез архитектуры и скульптуры и выглядело празднично.

Скорее всего, дом был похож на виллу каким-то образом попавшую в тесную городскую застройку для комфортного проживания богатой семьи с большими претензиями, не отступая ни на йоту от линии застройки, не нарушал градостроительной темы улицы.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 000635 / 2-9_635
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0
Deutsche Str. 21, Eingang Möbelgeschäft "W. Schulz Nachf.". (1920-1943), ©

Центр фасада был выделен глубоким ризалитом, завершённым фронтоном. Особенно памятными многим поколениям горожан стали каменные львы, охранявшие парадный вход.

Главному входу создавал впечатление загадочности неотесанный камень, который обрамлял овальный портал, а в глубине – таинственно пряталась деревянная дверь в дом.

Над входом находился эркер с большим окном, по сторонам которого располагались статуи с изображением человеческих фигур в полный рост. Пластическое убранство фасада включало в себя и треугольный сандриком над окном эркера, и картуш, – ещё выше над сандриком, и гирлянды.

Оформление эркера выполнено с применением архитектурных элементов классического стиля:

архитрава и кариатид, пилястр и пластичного декора в виде полувеночков. Эркер с окном в мелкую расстекловку и роскошный карниз придавали зданию неповторимый, запоминающийся облик.

На фронтоне, с каменными шпильями по краям, размещалась скульптурная группа, персонажи которой были объединены в характерную для классицизма пирамидальную композицию. Женская фигура в центре держала в правой руке поднятый кадуцей (кериксион) – магический жезл и атрибут Гермеса. Искусство той поры часто обращалось к иносказаниям, и образ Гермеса иногда замещался женской фигурой, символизирующей мир, согласие и доброе правление.

Когда пришло известие о сокрушительном поражении под Фридрихсландом и последовало отступление русской армии через реку Мемель, Александр I покинул и дом № 21, и Тильзит. Его ставка расположилась в местечке Баубельн.

После заключения перемирия начались переговоры. Они велись на нейтральной территории, которая стала река Мемель. На якорь были поставлены два плота с деревянными павильонами для государей и сопровождающих их лиц. 25-го июня, состоялись переговоры между Наполеоном и Александром I, было подписано перемирие между Францией и Пруссией.

Пока Россия заключала с Наполеоном сепаратный мир, на встрече прусский король Фридрих Вильгельм III был допущен лишь в качестве второстепенного лица. Когда условия мира были в основном оговорены, дальнейшие переговоры было решено вести в Тильзите.

Для этого город был объявлен нейтральным, и поделён на три части относительно Вассерштрассе (улицы Мамина-Сибиряка): западную французскую, среднюю русскую до моста через Тильже и восточную прусскую за мостом.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 000460 / 2-3_460
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0. Deutsche Str. mit Deutscher Ordenskirche. (1925-1943). ©

26 июня Александр I вернулся в Тильзит и поселился в доме № 3 на Дойчештрассе. Дом, в котором русский царь прожил 14 дней (9 июля он покинул город), стоял поблизости от Немецкой кирхи и вместе с ней входил в русскую часть города.

Дом № 3 двухэтажный угловой дом с роскошной четырехскатной крышей – скромное барокко. Балкон симметрично

делит фасад на две равные части: на первом этаже под ним, видимо, располагался главный вход в дом, другой вход устроен левее через два оконных проема. Этот дом принадлежал тильзитцу Хинцу в 1807 году во время переговоров перед подписанием Тильзитского мира, и служил резиденцией императора Александра I.

Можно пройти вдоль фасада и, увидев широкую деревянную дверь, заглянуть за неё. Времена менялись, а здесь ничего не усовершенствовано, и замечательно! Замкнутый цельный мир. Всё так же тянется вверх деревянная лестница, робко показывая таинственного назначения замурованную дверку. Длинный коридор заканчивается ещё одним выходом на лестницу, круто спускающуюся во двор.

Во дворе тильзитские стены могут доставить наслаждение, и оставить вас с вечными мыслями – здесь вначале XIX века делили карту Европы...

Таким образом, 35 дней жизни Александра I оказались связанными с Тильзитом.

По материалам статей Т. С. Урупиной (из книги «Тильзитские доминанты»)

и С. Белшевиц, совместно с М. Кургановым.

6. Александр Первый

23 декабря (по новому стилю, 12 декабря – по старому календарю) 1777 года в Санкт-Петербурге родился старший сын императора Павла I и Марии Фёдоровны.

Александр I – император и самодержец Всероссийский, протектор Мальтийского ордена, великий князь Финляндский, царь Польский, в официальной дореволюционной историографии именовался Благословенный.

«Вы говорите, — писала Екатерина барону Ф. М. Гримму (немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, многолетний корреспондент императрицы), — что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (Александр Македонскому) или святому (Александру Невскому). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твёрдым правителем и ловким политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю — святости или героизма».

«Тем самым уже выбором имени Екатерина предрекала внуку великое будущее и готовила его к монаршему призванию, чему должно было способствовать, по её мнению, прежде всего военизированное и ориентированное на античные образцы воспитание».

Имя «Александр» не было типичным для Романовых — до этого так лишь единожды был крещён рано умерший сын Петра Великого. Однако после Александра I оно прочно вошло в романовский именовослов.

Александровский дворец, построенный Екатериной Великой для внука.

Вырос Александр при интеллектуальном дворе Екатерины Великой; воспитатель — швейцарец-якобинец Фредерик Сезар Лагарп ознакомил его с принципами гуманности Руссо, военный учитель Николай Салтыков — с традициями русской аристократии, отец передал ему своё пристрастие к военному параду и научил его совмещать душевную любовь к человечеству с практической заботой о ближнем. Екатерина II считала своего сына Павла неспособным занять престол и планировала возвести на трон Александра, минуя его отца.

Многими чертами своего характера Александр был обязан бабушке, которая отобрала сына у матери и определила ему жить в Царском Селе, подле себя, вдалеке от родителей, которые проживали в своих дворцах (в Павловске и Гатчине) и редко появлялись при «большом дворе». Впрочем, ребёнок, как это видно из всех отзывов о нём, был мальчиком ласковым и нежным, так что возиться с ним для царственной бабушки было огромным удовольствием.

Юный Александр обладал умом и дарованиями, разделял либеральные идеи, но был ленивым, самолюбивым и поверхностным в усвоении знаний, не умея сосредоточиться на длительной и серьёзной работе.

17 (28) сентября 1793 года женился на дочери маркграфа Баденского Луизе Марии Августе, принявшей имя Елизаветы Алексеевны. Некоторое время проходил военную службу в гатчинских войсках, сформированных его отцом; здесь у него развилась глухота левого уха «от сильного гула пушек». 7 (18) ноября 1796 года был произведён в полковники гвардии.

В 1797 году Александр был петербургским военным губернатором, шефом гвардейского Семёновского полка, командующим столичной дивизией, председателем комиссии по поставкам продовольствия и выполнял ещё ряд других обязанностей. С 1798 года он, кроме того, председательствовал в военном парламенте, а, начиная со следующего года, заседал в Сенате.

В царствование Павла наследник любил вслух предаваться мечтам о том, как он, дав народу конституцию, покинет престол, чтобы проводить свои дни в покое в скромной лачуге на берегу Рейна. Лёгкое фронтёрство против отца обеспечило ему расположение высшего дворянства. Многие биографы Александра допускают, что он был осведомлён о намерении высшего дворянства свергнуть отца, но не допускал мысли о цареубийстве

Убийством Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 года кончается политическое XVIII столетие, это был последний дворцовый переворот в истории России.

Совершенное в Михайловском замке преступление будет тяготеть над продолжавшимся четверть века царствованием Александра I.

...Первые минуты и часы царствования Александра оказались самыми тяжелыми в его жизни. Пален Пётр Алексеевич, один из ближайших приближённых Павла I, возглавивший заговор против него, петербургский военный губернатор, до этого правитель Рижского

наместничества и первый генерал-губернатор Курляндии, провел Александра по темным коридорам Михайловского замка, заполненным пьяными, сильно возбужденными, громко говорящими офицерами. Некоторые из них держали в руках горящие факелы, и кровавый отсвет огня показался трепещущему, близкому к обмороку Александру зловещим.

Когда они вошли в спальню Павла, Александр увидел обезображенное ударами сапог лицо мертвого отца. Это зрелище потрясло его, но ещё более – коварство и безжалостность, с какою всё это было проделано. Ведь он надеялся, что отца только арестуют, а его убили, причем – жестоко, нисколько не думая о сыновних чувствах Александра, в глубине души всё же любившего отца. Ещё раз взглядевшись в синее, распухшее лицо покойного, Александр вскрикнул и, потеряв сознание, упал на спину, во весь рост, сильно стукнувшись головой об пол.

Чарторийский писал: «Я никогда ничего не слышал о первом свидании матери и сына после совершенного преступления. Что говорили они друг другу? Какие могли они дать объяснения по поводу того, что произошло? Похоже, они поняли и оправдали друг друга, но в эти первые страшные минуты император Александр, уничтоженный угрызениями совести и отчаянием, казалось, был не в состоянии произнести ни одного слова или о чём бы то ни было думать. С другой стороны, императрица, его мать, была в исступлении от горя и злобы, лишивших её всякого чувства меры и способности рассуждать.

Из членов императорской фамилии, среди ужасного беспорядка и смятения, царивших в эту ночь во дворце, только одна молодая императрица, по словам всех, сохранила присутствие духа. Император Александр часто говорил об этом. Она не оставляла его всю ночь и отходила от него лишь на минуту, чтобы успокоить свекровь, удержать ее в ее комнатах, уговорить ее прекратить свои вспышки, которые

могли стать опасными, когда заговорщики, опьяненные успехом и знавшие, как они должны опасаться ее мести, являлись хозяевами во дворце. Одним словом, в эту ночь только императрица Елизавета сохранила самообладание и проявила моральную силу, которую все признали. Она явилась тогда посредницей между мужем, свекровью и заговорщиками и старалась примирить одних и утешить других».

После всего увиденного Александр был близок к помешательству. Он плакал, ломал руки, обвинял заговорщиков в обмане и предательстве. Себя же он считал жертвой кровавого плутовства, низкого коварства, обернувшегося смертью любимого отца, которого он хотел всего лишь взять под опеку, поселив в Михайловском замке и предоставив ему для прогулок расположенный по соседству Летний сад. Но его обманули. Отец был мертв. Содеянного поправить было нельзя, и рационализм в конце концов взял верх над эмоциями.

Во втором часу ночи Александр вышел к преображенцам и семеновцам, всё ещё стоявшим в карауле, и после короткой встречи сел в сани и уехал в Зимний дворец.

12 марта был издан манифест, извещавший подданных, что Павел скончался нынешней ночью от апоплексического удара, и от имени нового государя обещавший «управлять страной по законам и по сердцу... Екатерины Великой».

Утром 12 марта в Зимнем дворце, а также во всех церквях, полках, присутственных местах, куда успел дойти манифест, состоялись церемонии присяги новому императору. Люди ликовали, но сам Александр был мрачен, говоря при случае, что царскую власть принимает, как тяжкое бремя, и будет нести, как крест, ибо такую судьбу уготовило ему провидение самим фактом его рождения.

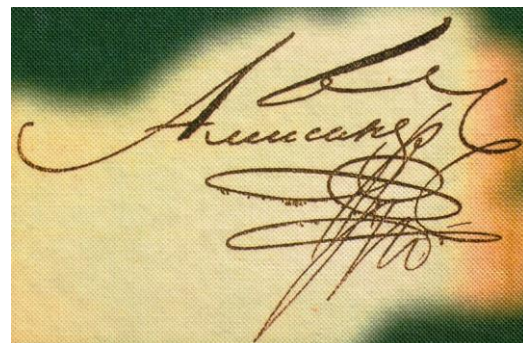
На четвертый день царствования Александр объявил амнистию для 536 человек, всем политзаключенным, которых содержали в Петропавловской крепости. По преданию, один из них — флигель-адъютант Александр Иванович Рибопьер, — выходя из каземата на волю, мелом написал на дверях: «Свободен от постоя». Теперь можно было выписывать заграничную прессу, для прессы своей установили самый свободный цензурный устав в отечественной истории. Лишенные дворянства и чинов были возведены в прежнее достоинство, всем им, в том числе и скрывавшимся в эмиграции, было разрешено жить где угодно, причем устранялся и существовавший ранее политический надзор, разрешается свободный выезд за границу.

В первые же недели были возвращены на службу либо вознаграждены пенсиями более 12 тысяч офицеров, генералов и чиновников, а 2 апреля была упразднена и

Тайная экспедиция (Тайная канцелярия при Екатерине и Павле называлась Тайной экспедицией).

Произошли перемены и в высших эшелонах власти. Д. П. Троицкий – один из статс-секретарей Екатерины II – был назначен «состоять при особе его величества у исправления дел, по особой доверенности государя на него возложенных». В должность статс-секретаря при нём был определен статский советник Михаил Михайлович Сперанский, вскоре начавший играть важную роль в истории страны.

Весь март и апрель были ознаменованы множеством новых законоположений, либерализовавших жизнь России, отменявших указы Павла и восстанавливающих привилегии, некогда дарованные Екатериной II.

23 марта в Петропавловском соборе было погребено тело Павла I, несколько дней перед тем выставленное для прощания с ним на таком высоком помосте, что нельзя было разглядеть лица покойного. К тому же придворные врачи и косметологи так поработали над обезображенным ударами лицом покойного и наложили такой густой грим, что Павел, если бы даже и был виден проходившим мимо него, все равно едва ли был бы ими узнан.

Первые годы нового царствования описывают поэтические восклицания. Самые известные — строки Пушкина: «Дней Александровых прекрасное начало».

Самый пригожий российский император — высокий, стройный, не в пример своему родителю. С чарующей улыбкой на ангельском лице, Александр, гуляя на бульваре, вызывает всеобщий восторг.

Историк Василий Ключевский резюмирует всеобщее настроение, царившее при восшествии Александра на престол: «Продолжительное напряжение нервов от страха разрешалось обильными слезами умиления: люди на улицах и в домах плакали от радости».

Из своих молодых друзей, отпрысков лучших родов — графа В.П. Кочубея (правнука того, о котором Пушкин писал в поэме «Полтава»: «Богат и славен Кочубей»), графа П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева, польского князя Адама Чарторыйского — Александр образовал Негласный комитет под собственным председательством. В Зимнем дворце за кофеем готовили план государственных реформ, говорили о неприкосновенности личности и даже об отмене крепостного права.

В результате уже в первые годы правления Александра I был реформирован Правительствующий сенат, учреждены министерства вместо коллегий, открыты 4 новых университета: Дерптский (ныне Тартуский, 1802-м — при шведах в Дерпте с 1632 года существовал университет, но после присоединения Эстляндии к России в 1721 году был упразднен), Виленский (1803-м — на основе существовавшей с 1579 года Виленской академии), Харьковский (1804-м) и Казанский (1804-м). В Петербурге был открыт Педагогический институт (1804-м), преобразованный в университет в 1819 году.

Крепостное право, однако, так и не было отменено. Согласно «Указу о вольных хлебопашцах» (1803) помещики получили право освобождать крепостных крестьян поодиночке и селениями с выдачей земельного участка. Однако вплоть до отмены крепостного права в 1861 году на основании этого указа освободилось лишь полтора процента крепостного населения. Князь Чарторыйский писал: «Император любит внешние формы свободы, как можно любить представление. Он любовался собой при внешнем виде либерального правления, потому что это льстило его тщеславию; но кроме формы и внешности, он ничего не хотел и ничуть не был расположен терпеть, чтобы они обратились в действительность; одним словом, он охотно согласился бы на то, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли одну только его волю».

От неподъемно тяжелых российских проблем зовет к себе путаная европейская политика. Александр мечтает о международной славе Екатерины Великой.

Еще в ночь убийства Павла Александр приказывает вернуть с полдороги казачьи полки, посланные воевать в Индии. Войскам Павел I дал следующий наказ: «Помните, что вам дело до англичан только, и мир со всеми теми, кто не будет им помогать; и так, проходя их, уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес».

С Англией заключен дружеский договор, с Францией — мирный, но Наполеон готовится к новой войне, а Англия организует новую антинаполеоновскую коалицию. Её главной силой будет Россия.

При Александре случилась первая в национальной истории Отечественная война. Она навсегда останется самой блестящей военной кампанией страны. На лаврах победы над Наполеоном власть и армия будут почивать сорок лет.

*По материалам работ Л. Парфёнова «Александр I»
и В. Балязина «Екатерина Великая и её семейство».*

7. Убийство Императора Павла

«Герои» и действующие лица.

Эпоха Александра I стала заметной вехой в истории государства российского. Годы правления сына Павла I, были отмечены знаковыми событиями для страны.

«Дней Александровых прекрасное начало» — так сказал об этом времени в стихотворении «Послание цензору» А.С. Пушкин.

(В первые годы правления Александр полагал, что страна нуждается в коренных реформах, для их реализации им был создан Негласный комитет)

И это действительно так, ведь Александр это и антифранцузская коалиция, и поражение под Аустерлицем, это Тильзитский мир, и «Битва народов» под Лейпцигом, это победа в войне с Ираном, и со Швецией, это присоединение Финляндии и Польши, создание Священного союза для обеспечения мира в Европе, в который вошли почти все европейские страны. Это и дворянские тайные общества — «Союз спасения», с целью введения в России республиканской конституции или конституционной монархией.

Но мы не об этом, мы о другом — Александр пришёл к власти в результате дворцового переворота и цареубийства: этот тяжкий грех всю жизнь преследовал императора. Эту страницу истории мы хотим прочесть. Она во многом определила судьбу Александра Павловича.

В публикуемой ниже статье (по материалам И. Теплова) мы постараемся проследить ход событий 11 марта 1801 года и всех лиц к нему причастных. Начнём с самого императора Павла.

Два с лишним столетия назад, в ночь с 11 на 12 марта (по новому стилю соответственно с 23-го на 24-е) 1801 г. в Михайловском (Инженерном) замке в Санкт-Петербурге был убит император Павел I.

Сын Екатерины Великой стал жертвой заговора, который вошел в историю как последний дворцовый переворот, завершивший целую эпоху самочинных захватов российского трона.

Вот главные действующие лица, место действия и хроника событий.

Император Павел I (1754-1801 царствовал с 1796 по 1801 г.). Родился 20 сентября (по старому стилю) 1754 г. в Петербурге, через 9 лет после свадьбы великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны. Новорожденный доводился внуком старшей дочери Петра Великого Анне и соответственно внучатым племянником царствовавшей тогда императрице Елизавете Петровне.

Появление на свет мальчика было важнейшим политическим событием, поскольку мужское колено дома Романовых пресеклось со смертью Петра II в 1730 г. и вопрос престолонаследия был для эпохи дворцовых переворотов насущен, как никакой другой. Впрочем, судя по всему, Петр Федорович

(будущий Петр III) вряд ли был отцом Павла. Сама Екатерина намекала на отцовство своего фаворита Сергея Салтыкова. Современники свидетельствовали и о портретном сходстве.

Новорожденный сразу же был отобран у родителей, и все заботы о ребенке взяла на себя царственная бабушка Елизавета. Есть немало свидетельств, что императрица хотела назначить малолетнего Павла своим преемником на русском престоле - в обход своего странного племянника Петра Федоровича. Но оформить это желание должным образом не успела.

Далее последовали недолгое царствование Петра III, дворцовый переворот, в результате которого на российский престол взошла мать Павла Екатерина II.

В воспитатели сыну ею был назначен граф Никита Панин.

42 года дождался Павел власти. Отношения с матерью были, мягко говоря, сложными. Екатерина не допускала сына к государственным делам. Более того, в последние годы вынашивала идею передачи престола через голову Павла его сыну Александру. Есть некоторые данные, что сразу после кончины императрицы примчавшийся из Гатчины Павел Петрович уничтожил некие документы, обнаруженные в личных покоях Екатерины.

Нрав «русского Гамлета», как поэтично называли Павла, был странен. Он получил прекрасное по тем временам образование, но увлекался, как и отец, прусскими военными порядками и боготворил короля Фридриха Великого. Был

ироничным, веселым светским львом, но временами впадал в ярость, по пустяковому поводу кричал, топал ногами, мог с тростью наперевес погнаться за кем-то, кто вызвал его гнев. Современные медики говорят, что скорее всего Павел страдал заболеванием, вызывавшим болевые спазмы. Эти резкие перепады настроения и породили множество легенд о самодурстве императора.

Первый брак Павла был неудачен – великая княгиня Наталья Алексеевна изменила мужу с его же закадычным приятелем графом Андреем Разумовским. Она скончалась при родах и погребена в Александро-Невской лавре.

Второй брак с вюртембергской принцессой Софией-Доротеей, ставшей по принятии православия Марией Федоровной, оказался вполне удачен и «плодотворен» – у супругов родилось 10 детей, будущее династии было обеспечено.

И вот этот человек, весьма немолодой по меркам XVIII века, всю жизнь пребывающий в вынужденном безделье, писавший «в стол» некие прожекты государственного устройства, развлекавшийся муштрой на прусский манер своих солдат в Гатчине, гневливый, подозрительный, мистически настроенный, романтически рыцарственный, нелюбимый матерью и потому почитавший отца, которого почти не знал, наконец-то становится императором.

Последние годы Екатерины II – не лучший период ее правления. Стареющая императрица уже не может всё и вся в империи держать под своим контролем. Среди её помощников уже нет такого гиганта, как светлейший князь Потемкин. В фаворитах и заправилах государственной власти бездарный рвач Платон Зубов со товарищи. Перемены назрели, пресловутая

вертикаль власти нуждается в укреплении.

И Павел взялся за это дело. Но вот уж воистину «застоявшийся конь всю конюшню развалит». За четыре года своего правления император предпринял целый ряд мер, действительно необходимых и получивших развитие в последующие царствования. Нет возможности рассказать об этом подробно. Но проблема в том, что изменения предпринимались стремительно, столь же стремительно могли быть отменены, как из рога изобилия сыпались регламентации – в том числе и мелочные. Чего стоят знаменитые запреты на ношение круглых шляп (признак сочувствия якобинцам, видите ли), на употребление некоторых слов, например, «общество», вместо «клуб» велено было употреблять слово «собрание», «отечество» – «государство», «стража» – «караул» и т.д.

Император культивировал гипертрофированное самовластье, если учесть его стремление вмешиваться во все и вся, включая мелочи, можно себе представить, сколь быстро рос ком глупостей, всевозможных недоразумений, а значит, и раздражения в обществе. Павел первым делом поссорился с гвардией (без поддержки и участия которой не обошелся ни один дворцовый переворот). Мало того, что он ввел форму по прусскому образцу, он заставил гвардию «служить», т.е. ежедневно чем-то заниматься, а поскольку в отсутствие войны да при тогдашнем техническом уровне вооружения заниматься особенно нечем, кроме несения караульной службы, то взялись обучать шагистике, пресловутому прусскому «гусиному» шагу. Эта традиция жива в российской армии поныне. Павел отменил запрет телесных наказаний для дворянства. Раздача титулов и наград привела к их девальвации. Установлено, что крепостные крестьяне должны работать на барщине не более трех дней в неделю, и в то же время 600 тысяч душ было раздарено приближенным.

Разлад с Австрией и Англией, сближение с Францией, присоединение к наполеоновской континентальной блокаде Британии ударили по интересам русского купечества – «туманный Альбион» был основным покупателем сырья, прежде всего леса – корабли великолепного английского флота строились из российской древесины. Понятно, что британцы были недовольны и готовы финансировать заговор против императора.

В преддверии убийства Павла, как свидетельствуют современники, вся атмосфера общественной жизни была наполнена ожиданием переворота. И он состоялся...

Великий князь Александр Павлович (1777-1825 гг., царствовал с 1801 по 1825 г.). Любимый внук Екатерины Великой. Сразу же по рождении был взят от родителей на попечение и воспитание бабушкой. С отцом, естественно, отношения были сложные. Воспитывался как бы в республиканском духе – один из учителей Фредерик Сезар де Лагарп, приверженец идей Просвещения, впоследствии один из крупнейших деятелей Швейцарской конфедерации. В то же время другим воспитателем Александра был князь Николай Иванович Салтыков – хитрый царедворец, одинаково близкий и к императрице, и к ее полуопальному сыну Павлу.

В связи с переворотом 11 марта 1801 г. всех интересует вопрос: дал ли наследник санкцию на убийство отца? И да и нет. Как человек несомненно разумный, Александр отдавал себе отчет в том, что отстранить отца от власти иначе, как посредством убийства, невозможно. Но в то же время он требовал от заговорщиков сохранения жизни императора. Таким образом, великий князь, с одной стороны, развязывал им руки, давал им возможность привлекать сторонников своим именем, но, с другой стороны, оставался в стороне и не нес перед мятежниками никакой ответственности. То есть и в случае неудачи он оставался как бы в стороне, всегда мог «дистанцироваться» от заговорщиков и в случае успеха оказывался как бы ничем не обязанным людям, добывшим ему трон.

Вот как писал о тех событиях М.А. Фонвизин (племянник Д.И. Фонвизина – автора комедии «Недоросль»). В заговоре против Павла I Михаил Фонвизин не участвовал: ему было тогда 14 лет. Но встречался с непосредственными участниками заговора. На основе бесед с ними он написал "Записки фон-Визина, очевидца смутных времен царствований Павла I, Александра I и Николая I")

«...Вступив в службу в гвардии в 1803 году, я лично знал многих, участвовавших в заговоре; много раз слышал я подробности преступной катастрофы, которая тогда была еще в свежей памяти и служила предметом самых живых рассказов в офицерских беседах. Не раз, стоя в карауле в Михайловском замке, я из любопытства заходил в комнаты, занимаемые Павлом, и в его спальню, которая долго оставалась в прежнем виде; видел и скрытую лестницу, по которой он спускался к любовнице своей, княгине Гагариной, бывшей Лопухиной. Очевидцы объясняли мне на самых местах, как все происходило. Сравнивая читанные мною в разных иностранных книгах повествования о смерти Павла с собственными воспоминаниями слышанного мною об этом, начну рассказ мой списком заговорщиков, которых имена мог припомнить. Всех их было до 60-ти человек, кроме большей части гвардейских офицеров, которые, собственно, не участвуя в заговоре, догадывались о его существовании и, по ненависти к Павлу, готовы были способствовать успеху. Вот кто были лица, мне и всем в то время известные: с.-петербургский военный ген.-губернатор граф фон-дер-Пален; вице-канцлер граф Н. П. Панин; князь Платон Зубов - шеф 1-го кадетского корпуса; братья его: Валерьян - шеф 2-го кадетского корпуса и Николай; генерал-майор Бенигсен и Талызин - командир Преображенского полка и инспектор с.-петербургской инспекции; шефы полков: Кексгольмского – Вердеревский; Сенатских батальонов – Ушаков; 1-го Артиллерийского полка – Тучков; командиры гвардейских полков: Уваров – Кавалергардского; Янкович-Демириево – Конногвардейского; Депрерадович – Семеновского, и князь Вяземский – шеф 4-го батальона Преображенского полка; того же полка полковники: Запольский и Аргамаков; капитан Шеншин и штабс-капитан

барон Розен; поручики: Марин и Леонтьев; два брата Аргамаковы; граф Толстой – Семеновского полка полковник; князь Волконский – адъютант в. к. Александра Павловича; поручики: Савельев, Кикин, Писарев, Полторацкий, Ефимович; Измайловского полка полковник Мансуров; поручики: Волховской, Скарятин и Кутузов, Кавалергардского полка полковник Голенищев-Кутузов; ротмистр Титов; поручик Горбатов; артиллеристы: полковник князь Яшвиль; поручик Татаринов; флотский капитан командор Клокачевъ. В заговоре, кроме военных, участвовали несколько придворных и гражданских лиц и даже отставных; имен их не припомню».

В "Записках" Фонвизин написал: «Александр I постепенно удалил... главарей переворота, – удалил не в силу того, что считал их опасными, но из чувства гадливости и отвращения, которое он испытывал при одном их виде».

В их числе был Панин (через полгода после убийства Павла, будет отправлен в трёхлетний отпуск и уедет за границу.)

По общепринятому мнению, цесаревич дал молчаливое согласие на свержение отца. Ланжерон писал: «Александр был поставлен между необходимостью свергнуть с престола своего отца и уверенностью, что отец его вскоре доведёт бы до гибели свою империю». Александр, по словам Палена, «знал — и не хотел знать», также Пален говорил Ланжерону: «Я обязан, в интересах правды, сказать, что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться на жизнь его отца; я дал ему слово,... я обнадежил его намерения, хотя был убеждён, что они не исполнятся. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать её и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдёт страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обagrит и столицу, и губернии».

Граф Ланжерон Александр Федорович (1763 – 1831), по происхождению француз, с 1799 года находился вне Петербурга. Прибыв в столицу через несколько недель после переворота, он постарался узнать как можно больше о том, что произошло. Его записки представляют собой изложение разговоров с Паленом, Беннигсенем и великим князем Константином.

О том, насколько точно Ланжерон передает слова очевидцев, участников событий, – судить трудно, так как Пален воспоминаний не оставил, а рассказы Беннигсена и Константина переданы очень лаконично.

Михайловский (Инженерный) замок построен на месте Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны (архитектор Б.-Ф. Растрелли), где будущий император Павел Петрович появился на свет в 1754 г.

1 февраля 1801 г. императорская фамилия переехала из Зимнего в новый дворец.

Личные покои Павла I располагались частично в бельэтаже, а в основном на втором этаже, окна выходили на Садовую улицу. Верхние апартаменты состояли из небольшой Прихожей, смежной с хорами церкви, Адъютантской, Библиотеки, где имелся вход на небольшую кухню (специальная кухарка здесь готовила кушанья, предназначенные для императора), кладовой для знамен (тут хранилось и оружие, отобранное у помещенных на гауптвахту офицеров), потайной лестницы, ведшей в покои первого этажа, и Углового овального будуара, смежного с покоями императрицы.

Наибольший интерес, естественно, представляет Опочивальня, где и произошло царевубийство 11 марта 1801 года.

Эта комната служила Павлу и кабинетом. Стены опочивальни были обшиты деревянными панелями, окрашенными в белый цвет. Два больших окна задрапированы голубой материей с серебряной вышивкой. По стенам были развешаны 22 картины – в основном французских художников. Здесь же находились живописный и скульптурный портреты прусского короля Фридриха II, почитателем которого был Павел. Великолепный письменный стол позднее переехал из Михайловского замка в Ковровый кабинет Павловского дворца. За невысокими ширмами располагалась походная железная кровать императора – безо всяких занавесей, балдахинов и т.п. После убийства Павла I замок перестал быть императорской резиденцией.

Здесь располагались различные учреждения, даже сдавались внаем квартиры крупным чиновникам. Затем тут обосновалось Инженерное училище (отсюда и бытующее поныне второе название замка). В советское время здание занимали различные учреждения, самое известное из которых Военно-морская библиотека.

Сейчас Михайловский замок передан Русскому музею.

Граф Петр Алексеевич фон дер Пален (1745-1826), блестящий карьерист, участвовал в Семилетней войне (на ее заключительной стадии), в первой Русско-турецкой войне, где отличился при Бендерах и заслужил Георгиевский крест 4-й степени, в польских походах. В 1787 г. получил чин генерал-майора. Во время второй Русско-турецкой войны отличился при штурме Очакова и получил Георгий уже 3-й степени. Был рижским наместником и добился присоединения Курляндии к России. При воцарении Павла подвергся опале. Но сумел путем придворных интриг вернуть расположение императора и в 1798 г. получил высший орден Российской империи, а также назначение петербургским военным губернатором и

титул графа. После ссылки графа Панина стал главным руководителем заговора против Павла. Внезапная смерть де Рибаса сделала его вообще самым главным заговорщиком. Самое замечательное в этой истории, что Павел знал о заговоре, но был убежден Паленом, что тот сам стоит во главе «предприятия», чтобы не допустить его успеха...

Именно Пален произнесет фразу: «нельзя приготовить омлет, не разбив яиц».

Это был сигнал к неумолимому убийству императора. Доживая свой век в курляндских имениях, в опале, граф и на смертном одре не сомневался в справедливости предпринятого им со товарищи царевубийства.

Хроника дня, с которого Россия, по сути начинала 19 век, хроника 11 марта 1801 г.

4.30 – императорский «подъем». С 5 до 9 часов - прием докладов высших сановников, «работа с документами» (подписано 6 новых законов Российской империи).

9.00 – Павел в сопровождении наследника совершает верховую прогулку.

10.00 – плац-парад, развод караула. Император не в духе. Досталось

семёновцам (шеф полка цесаревич Александр) и конногвардейцам (великий князь Константин).

11.00 – продолжение верховой прогулки по городу. Улицы Петербурга, как обычно, пустеют до 13 часов - «все боятся встречи с Павлом».

12.30 – император возвращается в Михайловский замок. На площадке парадной лестницы у статуи Клеопатры беседует с писателем Августом Коцебу, которому поручено составить описание новой царской резиденции.

13.00 – обед. Стол накрыт на восемь кувертов. Примерно в это время Пален рассылает «билеты» на вечернее офицерское собрание у Талызина, проверяет караулы, планирует поручения доверенным людям (изоляция тех, кто может помешать перевороту).

С 14.00 до 18.00 – государственные дела (бумаги, доклады, поручения). Императрица Мария в это время отправляется в Смольный монастырь.

В 18.00 императорская семья и избранные сановники собираются в гостиной Михайловского замка. Павел обсуждает с архитектором проект украшения Летнего сада.

21.00 – ужин, стол накрыт на 19 кувертов. Среди приглашенных супруга и дочь графа Палена, будущий фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов.

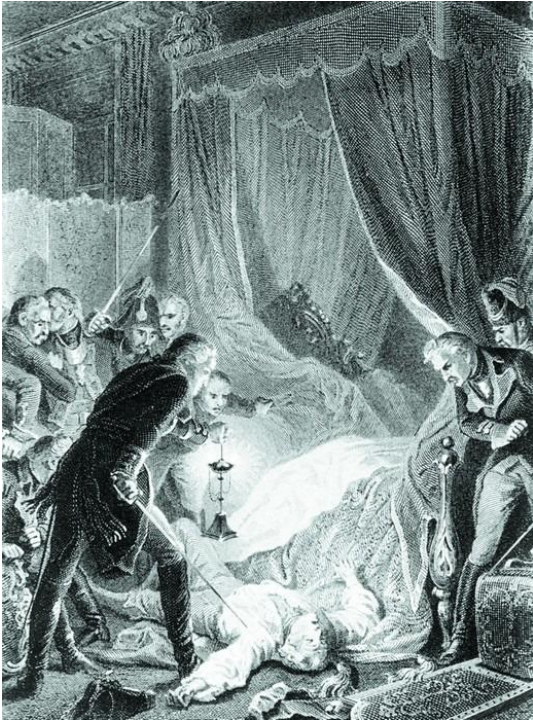
В 22.00 Павел обычно отправляется в свои покои. Кутузов вспоминал: «После ужина император взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: «Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины».

22.00 – Павел принимает пажей 1-го кадетского корпуса (начальник Платон Зубов). Сменяется караул, вызывавшие недовольство императора конногвардейцы (полк не задействован в заговоре, лоялен по отношению к Павлу) покидают замок. Царь отправляется в свою опочивальню. Некоторое время он молится пред иконой в прихожей. Затем лейб-медик Гриве дает Павлу какое-то лекарство.

Двери закрываются. Император по потайной лестнице спускается на первый этаж и час проводит в обществе своей фаворитки княгини Гагариной. В это же время на квартире Платона Зубова тайный советник Трощинский (будущий министр юстиции) составляет текст манифеста об отречении Павла от престола.

23.00 – офицеры (около 50 человек, всего в заговоре задействовано около 200 человек, о конкретных планах осведомлены единицы) пьют шампанское.

Около полуночи прибывают генералы – Пален, Зубовы, Беннигсен.

0.00 – Пален провозглашает тост за нового императора. Публика в смущении. Карты раскрыты. Платон Зубов обращается к собравшимся с речью, в которой в частности, говорит о желании Екатерины II видеть после себя на престоле внука Александра. Все старшие офицеры «при полном параде» - блеск золотого шитья мундиров, награды, орденские ленты. Что-то вроде присяги.

Как поступить с Павлом I? Звучит знамение «Чтобы приготовить омлет, нужно разбить яйца».

Докладывают, что батальоны Преображенского полка на подходе к Летнему саду, а батальоны Семеновского полка (его караулы несут охрану вокруг замка) находятся на Невском проспекте в районе Гостиного Двора. Цель - Михайловский

замок. Заговорщики разделяются на две группы. Во главе первой Пален, вторая под началом Зубовых и Беннигсена. Отправляются. От Зимнего дворца до Михайловского замка четверть часа ходу

Около 0.30 – 10–12 человек из группы Зубова – Беннигсена перед императорской спальней. Николай Зубов ударом сабли по затылку «выключает» караульного Агапеева. Под предлогом срочного доклада заставляют камердинера, находящегося в тамбуре между прихожей и спальней, открыть дверь. Сопротивление прислуги сломлено, но без шума не обошлось. Император просыпается. Офицеры налегают на дверь, считанные минуты – и они врываются в опочивальню. Павла в постели нет. Но его быстро обнаруживают спрятавшимся за ширмами. Он не успел воспользоваться потайной лестницей. Зубовы держатся в стороне, командует Беннигсен, замешательство, императору якобы предлагают отречься от престола в пользу сына, он отказывается, заминка, царь пытается объясниться с Платоном Зубовым (старшим по чину). «Ты больше не император», – заявляет князь. Павел отвечает ему затрепину. В этот момент Николай Зубов наносит императору удар золотой табакеркой в висок. Царь падает без чувств. Начинается свалка. Зубовы удаляются. Беннигсен со стороны наблюдает, как гвардейские офицеры бьют Павла. Чтобы прекратить отвратительную сцену и «довершить дело», предлагает воспользоваться шарфом. По одним данным, это был шарф штабс-капитана Скарятин, по другим – воспользовались шарфом самого императора. Кончено...

Докладывают Александру. Истерика. Пален: «Хватит ребячиться, государь, ступайте царствовать».

Доподлинно известно, что непосредственно в убийстве императора Павла участвовали: князь Василий Яшвиль (полковник конного батальона), Владимир Мансуров (полковник Измайловского полка), Яков Скарятин (штабс-капитан

Измайловского полка), Иван Татаринов (полковник артиллерии), князь Иван Вяземский (полковник Измайловского полка), Евсей Горданов (подпоручик Кавалергардского полка).

8. Дорога между замками

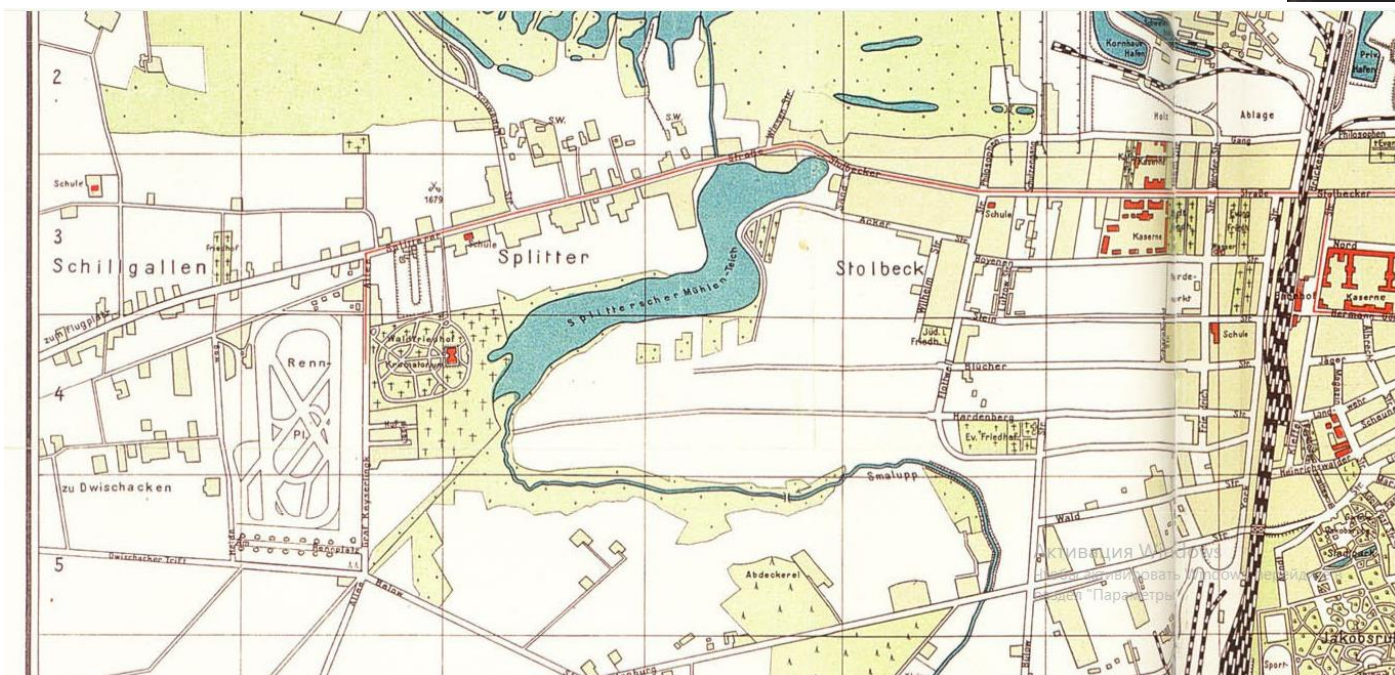
www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 000609 / 2-9_609

Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Deutsche Str. in der Nähe des Deutschen Tores. (1900-1916), © Heiss, Cöln-Lindenthal

«Поход на Шплиттер».

Дело было давно... Всю ночь перед 29 января 1679 года в замке Лабиау, тот что в нынешнем Полесске, ярко горели факелы. Многочисленное войско, расположившееся вокруг замка, не спало, предчувствуя треволнения грядущего дня. А как только засветало, из ворот замка выкатили большие деревянные сани, на которых восседал главный человек государства – Великий курфюрст Фридрих Вильгельм, а за ним огромная череда санных тележек, запряженных лошадьми. Кромсая холодный снег, они медленно двинулась на Куршский залив, затянутый серо-синим льдом. «Вперед, на Шплиттер», – властно скомандовал Великий курфюрст и войска двинулись в сторону Тильзита... Шплиттер. В современном Советске это слово уже ни о чём не говорит. А когда-то это был довольно большой пригород Тильзита, который развивался самостоятельно, вне зависимости от Тильзита, и только в начале XX века Шплиттер стал частью города.

Планировка района не изменилась. Теперь это улицы Чапаева, Героев, Речная, Чапаевское озеро (бывший Мельничный пруд) и Лесное кладбище – мемориал солдатам Первой и Второй Мировых войн. Своё название район получил от располагавшийся здесь в давние времена крепости Шплиттер. Попытка перевести слово Шплиттер с немецкого языка, а это будет осколок стекла или заноза, не раскрывает тайну названия района. Но обо всем по порядку.

Вы не знаете речку Узкую? Без речки Узкой не могло бы существовать Чапаевское озеро, но речка на карте никак не обозначается и, скорее, она безымянная. Своё начало берёт она неподалеку от того места, где заканчивается Жилинское шоссе. Путь её длиной в 18 км проходит среди множества живописных лесных массивов и вливается в реку Неман. Раньше эта речка Узкая-Безымянная называлась Смалупп. Когда-то давно-давно здесь устроили запруду. Построили мельницу. Образовался причудливого изгиба пруд, который странным образом повторяет форму городского в центре города. Сток пруда крутил жернова мельницы, а после запруды обрывается вниз на 4 метра и несёт свои воды напрямик в реку Неман.

С правой стороны, не доходя до запруды, ответвлялась к Неману улочка Висенштрассе (сегодня у неё нет названия). Улочка проходила мимо кожевенного производства «Knocks» и направлялась к купальному месту при песчаном бережке. Здесь всегда можно было увидеть рыбаков, вытягивающих сети, в которые, среди множества серебристых уклек, попадались и судаки.

Зимой на этом месте пилили лёд и заготавливали его для пивоварен.

Сегодня, к сожалению, больше нет этого прекрасного доступа к Неману.

В течение многих лет деятельности ЦБЗ, вдоль тогдашнего ивового склона Немана образовался большой вал из древесных опилок и коры, сквозь который пробивает свой путь речка Узкая и узенькая тропинка вдоль неё.

Вот от запруды и начиналась Шплиттер-штрассе, а ныне – улица Чапаева. Когда-то на этом месте находилась развилка трамвая и встречного транспорта. Трамвай следовал с горы Энгельсберг на Рагнитерштрассе (улица Тимирязева), потом шёл через весь город, сворачивал на аллею графа Кейзерлинга (улица Героев) и доходил до Лесного кладбища. Давно уже нет трамвайных путей, но на мостовой, если внимательно приглядеться, можно заметить «незатягивающиеся шрамы» трамвайной колеи. А по обочинам дороги – покореженные остатки трамвайных столбов, которые были спилены в 90-х годах.

Справа от моста, по тильзитскому старому адресу – Шплиттерштрассе, 1 находилась зерновая мельница Иоганна Франка Брудера второе по величине предприятие района. Вообще, она была основана еще в 1812 году. К началу Второй Мировой войны зерновая мельница уже занимала комплекс размером в пятиэтажное здание и работала на паровом двигателе. На крыше находилась, виднеющаяся издалека, вывеска с метровыми буквами «Mihle Splitter» — Мельница Шплиттер.

На левой стороне улицы, по старому адресу Шплиттерштрассе, 44 под раскидистыми тенистыми деревьями днём и ночью гудел популярный среди местного населения танцлокал «Knitsch». Старшие жители Советска, возможно,

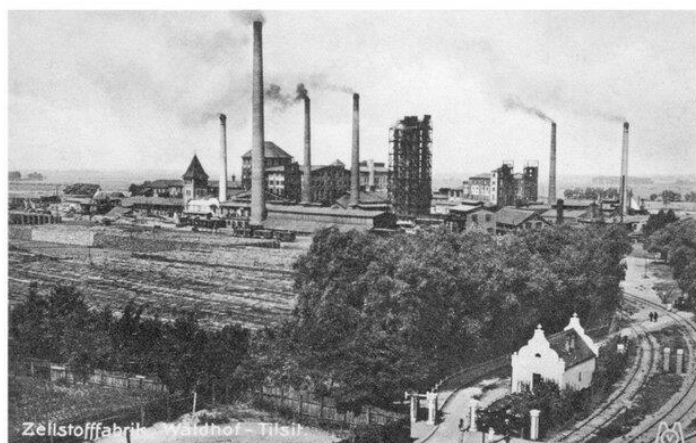
помнят это здание, похожий на большой фахверковый коттедж под покатой черепичной крышей. В этом доме, сразу после войны, на первом этаже располагался кинотеатр «Чапаев» с двумя фойе и буфетом. А верхние этажи занимало городское управление. Некоторое время спустя управление переехало, а на втором этаже и чердачном помещении сделали жилые квартиры. Кроме этого, в доме был маленький

магазинчик. Из года в год дом подвергался постоянным перепланировкам, и в итоге пришёл в негодность, и в 90-х годах его разобрали. Сейчас на этом месте пустырь.

А вот остатки бывшего сада можно найти и сегодня: сразу за тем местом, где стоял дом, идут в сторону озера две аллеи из липы. За танцлокалом «Knitsch» находилось стрельбище стрелкового общества.

До середины 30-х годов Шплиттер-штрассе была покрыта булыжником. Примерно с 1937 года её расширили, устлали брусчаткой, и она обрела теперешний вид.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 015299
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0. Zellstoff-Fabrik Waldhof IX. (1930-1940), © O. v. Mauderode, Tilsit

По правую сторону улицы, сразу за мельницей Брудера и до Шведенштрассе (улица Речная) находились пять лесопильных заводов, они образовывали самую большую промышленную часть района. Первый лесопильный завод принадлежал Шмидту. Другие лесопильные заводы были приобретены братьями – промышленниками Лазарь. Их было четверо: Луи, Михаэлис, Евгений и Маркус.

Самый крупный завод принадлежал Маркусу Лазарю. Лесопильные заводы покупали древесное сырье, которое сплавлялось плотами вниз по течению из России, Польши и Литвы, и выпиливали строительные бревна, доски, а некондиция шла на дрова.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002386 / 1-30, 2386
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0. Lisa auf dem Murrelflöß. (1943), ©

В лесопильных заводах работали несколько сотен жителей Шплиттера и ближайших окрестностей. Во дворах жилых домов можно было видеть аккуратно сложенные 2x4 метра штабеля брёвен – это была оплата натурой. Таким образом, по запасу дров, можно было судить, кто и сколько был занят при лесопильных заводах.

В 1938 году, после события «ночи хрустальных ножей», все еврейские собственники лесопильного завода были отчуждены и лишились своих владений. Предприятие Маркуса Лазера переименовали в немецкое «Vauhof Ost». Виллу Маркуса конфисковали.

Справа от Маркуса Лазера по Шведенштрассе (ныне – ул. Речная) ближе к дамбе, которая должна была защищать от воды во время таяния снегов и при ледоходе, находились 82 земельных участка, которые частично были заселены несколькими семьями. Сегодня следов от бывшего земледелия не осталось.

Неподалеку на Шведенштрассе был ресторанчик с названием «Onkel Brisig». Во времена кризиса 30-х годов, ресторанчик «поменял профиль», нужны были недорогие квартиры, поэтому хозяин владения обустроил там квартиры, и сдавал их в наём.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 001572 / 1-09_1572
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0. Memel und Zellstofffabrik, Luftaufnahme. (1928), ©

У Немана, на дамбе, располагался причал для прогулочных пароходиков «Herold» и «Grenzland». А в самом начале Шведенштрассе находилось предприятие Фройденрайха, занимающееся перевозкой грузов. Здесь же разрабатывали гравий и песок. Конец карьера примыкал вплотную к старому шведскому кладбищу. Однажды рабочие при разгребании песка наткнулись на погребение бронзового века. Найденный там скелет перенесли в городской музей Тильзита.

Слева, по адресу Шплиттерштрассе, 27 находилась народная 4-х классная школа, большим школьным двором и относящимся к нему жилым комплексом. За школой находилась спортивная площадка, которая использовалась для школьных праздников и различных видов спорта, преимущественно для футбола.

Напротив школы находился большой комплекс зданий: бывшая полицейская управа, которая позже была перенесена на Столбекштрассе (ул. А. Невского), большая прачечная «Prinzen», которая многократно расширялась и здание расстраивалось. Предприятие было известно не только в городе, но и в стране, потому что давала многим рабочие места.

Шплиттерштрассе была известна своими жителями: тут и полицмейстер Теларек, и пекарь Лазерь, и торговцы Какис и Федоровиц. Федоровиц держал свой семейный ресторанчик на углу Шплиттерштрассе и Шведенштрассе.

Там, где на Шплиттерштрассе выходила аллея графа Кейзерлинга (ул. Героев) была основная остановка трамвая, на которой, особенно во время часов пик, собиралось много пассажиров из близлежащих улиц. Конечная остановка трамвая находилась у главного входа в Лесное кладбище.

В довоенном времени Лесное кладбище было ухоженным, солидным, в середине которого на холме находился крематорий. Это было внушительное сооружение, состоящее из трёх частей, соединённых галереями. Средняя часть имела купол. Крематорий был построен в 1911 – 1913 годах. Его автор – городской советник по вопросам строительства, правительственный

архитектор Бруно Гауер (Gauer). В городах Германии, хотя кладбищенская культура, достигала своего расцвета к концу 19 века, стало не хватать земли для новых кладбищ. Возникла идея подвергать тела умерших кремации. Современная система кремации берёт отчёт с 1874 года, когда немецкий инженер Фридрих Сименс, продемонстрировал установку для сжигания тел струей раскаленного воздуха и генераторных газов.

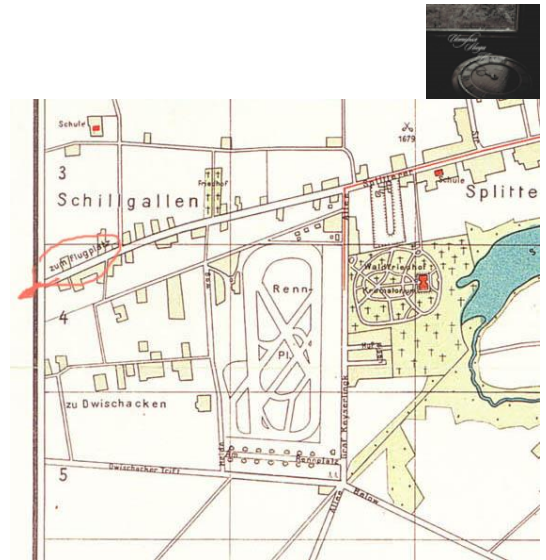
Через четыре года крематорий заработал в городе Гота. Кремация рассматривалась многими верующими как отказ от религиозных устоев, опровержение христианского догмата предания тела земле, в обществе было отмечено много открытой неприязни «огненного погребения». В Тильзите в 1902 году был организован Союз приверженцев «огненного погребения». Город поддержал инициативу союза о создании в городе крематория. Архитекторам приходилось приспосабливаться к непрекращающимся нападкам на кремацию и предлагать такие архитектурские решения, которые помогали примирять церковь и сторонников кремации. Поэтому в Тильзите архитектор Гауер спроектировал крематорий в виде собора.

Внутри находился зал прощания с усопшими на пятьдесят с лишним посадочных мест. Интерьер его украшали различные росписи. Полы были выложены плиткой. Сооружение имело свою котельную. Функционировала система водоснабжения и канализации. Прилегающая к строению территория была похожа на парк с высаженными деревьями и ухоженными клумбами.

Обряды отпевания усопших проводились в отдельно стоящем здании с колоннами — капелле. Небольшое и красивое строение с лепниной на фасаде уцелело, а от крематория остались лишь руины.

По другую сторону от главного входа в Лесное кладбище находился ипподром. Большое оживление здесь было в дни скачек. Бравурная музыка военного оркестра привлекала людей со всей округи. И при этом, конечно, в центре внимания были гордые восточно-пруссские лошади тракененской породы.

Лесного кладбища как такового уже нет. Но кое-где ещё можно встретить над бывшими могилами тильзитцев надгробные камни и даже памятники со старинными надписями. Самая главная достопримечательность района – мемориал Лесное кладбище, где захоронены воины Первой и Второй Мировых войн.

На сегодняшний день на плитах захоронения значится 79 русских фамилий и 31 неизвестный. Среди неизвестных воины 270-го пехотного Гатчинского полка, 1-го дивизиона 68-й артиллерийской бригады, 51-го казачьего Донского полка, 6-й пограничной Таурогской бригады и 23-й Олонецкой пешей дружины госополчения, погибшие в 1914 году. Остальные – это в основном умершие в лазарете для военнопленных в период 1915-1918 годов из разных частей.

21 ноября 2018 года на захоронении русских воинов установили ещё одну найденную плиту с тремя фамилиями: Иван Ортан солдат 23-ей Олонецкой пешей дружины госополчения, Тимофей Макаренков и Максим Гушин, солдаты 6-й Таурогенской пограничной бригады.

До сих пор не ясно, сколько там на самом деле похоронено. Немцы в 1918 году установили плиту 187 русским и одному румынскому воину. В 2006 году установили стелу с православным крестом 3 офицерам и 298 солдатам русской армии.

Когда-то аллеи Лесного кладбища имели открытый доступ к берегу озера. Район сохранил своё очарование и сегодня. Ещё можно отыскать здесь старую начальную школу, которую, как и другие начальные школы, строили на всех окраинах Тильзита, для того, чтобы дети в младшем возрасте учились поблизости от дома и чувствовали тепло родного очага.

Сохранилась и старая немецкая прачечная, которая и более 60 лет спустя работала по своему прямому предназначению. И внутри, как рассказывают старожилы Советска, до последнего времени находился старый немецкий рояль в красивом зале.

Сохранилось большинство особняков, увенчанных причудливым декором и лепниной, среди них и особняк Лазера, предпринимателя и мецената Тильзита, сейчас это – Дом малютки.

9. ↑ Здание бывшей иудейской капеллы, ставшее первой православной церковью в Советске. 1986. Фото Я. Р.

Этот район притягивает непременно желанием отправиться на поиски места, где возвышалась древняя деревянная крепость Шплиттер. Тайна этого странного названия предположительно означает, в данном случае, «шплит-тер-грабен» — узкая траншея или узкий ров. Крепость в этих местах появилась в то время, когда Орден создавал себе надёжный путь, по которому налаживалась связь с внешним миром.

Река Мемель, по которому ходила флотилия Ордена, была одним из главных путей, по берегам которой были расположены 11 замков на расстоянии дневных переходов. В письменных «сообщениях с дорог» упоминается Ветреный замок (Windenburg) на берегу Куршского залива, а следующим местом привала была крепость Шплиттер, окруженная земляными рвами. Первое упоминание о крепости исходит к 1365 году, в этот год её разрушили. После разрушения крепости литвинами в 1365 году, её подняли только в 1384 году. И уже с начала XV века о ней нет никаких упоминаний. Позже на этом месте возникло поселение.

В XVII веке Шплиттер ещё раз попадает в исторические хроники – через него прошёл путь девяти тысячного войска, возглавляемого курфюрстом Фридрихом Вильгельмом, отправившегося «приструнить» войско шведов, занявших позиции у Куршского залива.

Может крепость вы и не найдёте, но пройдя по мощенной битым камнем улочке Речной вы обнаружите очаровательный водоём с крутыми берегами, и крепко

вбитыми потемневшими деревянными сваями. Среди острых камышей тихо и грациозно выплывут вам навстречу доверчивые лебеди. Кто знает, может это и есть то место, где когда-то возвышалась первая деревянная крепость этих окрестностей.

По материалам публикаций Виталия Черняева и Светланы Белишевиц.

9. Дойчештрассе. В поисках Дома Наполеона.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 000624 / 2-9_624
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Deutsche Str. 23-25, Umgebung des Napoleon-Hauses. (1920-1943), © Walther Hubatsch

Статный жилой дом № 24 по Дойчештрассе с фасадом в классическом стиле имперского Рима с нарочито заглубленным скатом кровли и роскошным карнизом-основанием для декоративных ваз, после заключения Тильзитского мира назывался и «королевской квартирой», и «домом Наполеона» не случайно. Дом был построен судебным советником Эрнстом Людвигом Зиром в 1800 году.

С 4 по 6 апреля 1807 года здесь проживал Фридрих Вильгельм III и королева Луиза, а затем, с 1 по 16 июня, Фридрих Вильгельм останавливался в доме уже без супруги.

С 19 июня по 25 июля в доме размещалась резиденция французского императора Наполеона.

Под Фридрихландом Наполеон одержал победу, и утром 19-го июня головной отряд французской армии во главе с маршалом Мюратом вошёл в Тильзит. Понтонный мост через Мемель, подожжённый отступающей русской армией, горел на глазах у французов. Продолжать преследование было бессмысленно.

Вскоре в город прибыл Наполеон. Сначала он поселился на окраине, на Балльгарденштрассе (сегодня улица Суворова в Советске) в доме советника Кёллера – дом в стиле барокко получил позднее известность, как «шютценхаус», то есть, дом союза стрелков. Остатки ворот в виде двух каменных пилонов с растущими рядом каштанами и

лиственницей до сих пор подсказывают его местоположение.

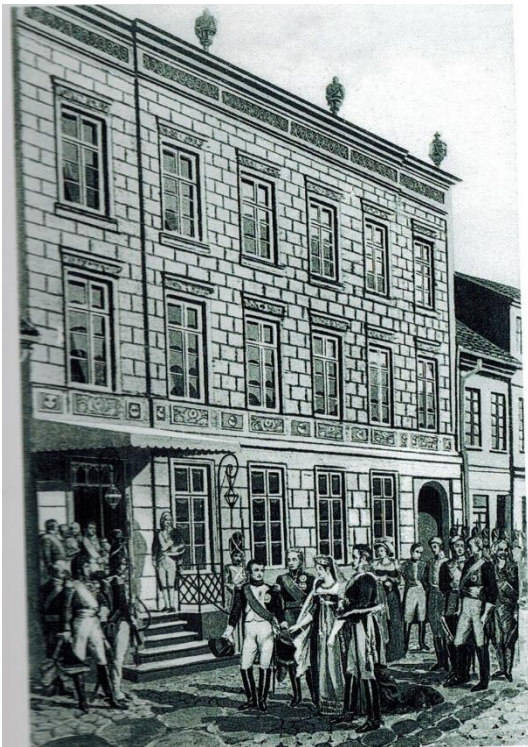
А уже через неделю Наполеон перебрался на Дойчештрассе, 24. Пребывание французского императора в Тильзите продлилось 21 день.

Причем, на это время судебный советник Зир со своей семьей вынужден был покинуть дом и поселиться неподалеку, в доме Хехстера, который был свободен от постоя.

Увлечшись мировыми проблемами, Наполеон не мог подумать, что Эрнст Зир скрупулезно писал дневник. Откуда бы сегодня было узнать потомкам, как французский император обошелся с имуществом побежденного немца. Вернувшись в свой дом, Эрнст Зир «недосчитался великолепной кровати, обитой лиловым шелком и богато отделанной золотом», которую Наполеон лично подарил императору Александру I.

Что же представлял собой знаменитый дом? Приехав в Тильзит, примерно в 1784 году, советник юстиции Эрнст Людвиг Зир сначала купил дом в районе Цвишенденгертен (район между Хоэштрассе и Мельничным прудом, ограниченный Вассерштрассе, в современном Советске это улицы Пушкина, Серова и «Искры»), а затем в 1799 году приобрёл с торгов одноэтажный фахвековый дом с пивоварней, хозяйственными постройками и земельным наделом на Дойчештрассе. Старый дом был снесён, а на его месте построен новый, получивший известность, как «дом советника Зира». Отметим и то, что самые ранние постройки на «зировском» участке земли берут начало с середины XVI века, а самой поздней, уже в XX веке, стала швейная фабрика на улице Гагарина.

На протяжении столетия дом менял и хозяев, и внешний вид. Городской советник Книппель, купивший дом в 1860 году, перестроил фасад и позволил себе приспособить историческое здание под два магазина: обстоятельство, дававшее повод для упрёков современников.

В 1890 году дом с земельным участком приобрёл практикующий врач Юлиус Пингель. Под его именем дом включён инженером и строителем Вальдемаром Тальманом, известного тильзитцем своей книгой об истории города, в список семи памятников старины и достопримечательностей Тильзита. Книга Тальмана была издана в 1925 году, когда дом по-прежнему принадлежал семье Пингель, что и продолжалось по 1939 год.

Вернёмся к началу XIX века. Фотография ещё не была изобретена, и документальная фиксация событий является приоритетом художников. Старинный рисунок изображает событие, происшедшее в Тильзите 6 июля 1807 года. На входе в дом № 24 на Дойчештрассе Наполеон встречает приглашённых на ужин королеву Луизу и Фридриха Вильгельма. Фигуры высокопоставленных персон расставлены по-

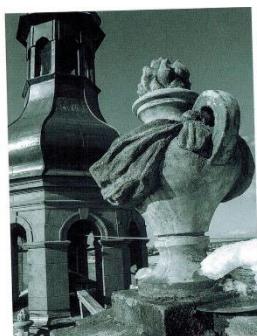

театральному эффектно, а разыграна историческая мизансцена на фоне дома Зира, впоследствии «дома Наполеона».

Как выглядел «Napoleonhaus», знакомый каждому жителю Тильзита? Стены фасада были рустованными – на оштукатуренной поверхности имитировалась кладка из крупных камней. Украшением являлись сандрики – небольшие карнизы над окнами и под карнизом. Но главной приметой здания были 4 вазы, стоявшие на аттике – плоской стенке над карнизом. По форме они повторяли античные греческие сосуды амфоры, придавая классические черты фасаду.

Наружные ступени парадного входа были убраны позднее вовнутрь, а арочный проезд, справа от входа, приспособлен под торговую лавку. Жизнь в доме продолжалась, он не стал застывшим мемориалом.

В 1812 году, при отступлении войск Бонапарта из России, в доме Зира останавливался французский маршал Ж. Э. Макдональд. По сведениям на 1939 год, в доме Пингеля находился кабинет зубного врача Ленгемана, бюро товарищества перевозок, канцелярский и цветочный магазины.

5. ↑ Декоративная ваза на южном портале моста королевы Луизы

Война превратила дом Наполеона в руины. Однако в известных, поныне существующих городских сооружениях важная для дома деталь получила дальнейшее развитие. Речь идёт о вазах, украшающих портал моста Королевы Луизы и здание Администрации (в прошлом окружного суда). Похоже, что в начале XX века строители и декораторы сознательно выбрали классический силуэт амфоры в качестве лейтмотива, стилистически объединившего тильзтские здания разных времён.

По материалам статей Т. С. Урупиной (из книги «Тильзитские доминанты»)

и С. Белшевиц, совместно с М. Кургановым.

6. ↑ Декоративная ваза на здании администрации

10. От Аустерлица до Тильзита.

Чешский город Славков-у-Брна, его историческое название – Аустерлиц, живет как место, где состоялась битва и был подписан мирный договор, как раз в здешнем замке в Историческом зале. Договор о перемирии подписан без присутствия самих глав государств. За австрийскую сторону расписался князь Иоганн I Лихтенштейн, за французов вступил в историю битвы маршал Луи Александр Бертье. В нём была установлена демаркационная линия, разделившая территориально французскую и австрийскую армии в Моравии и других странах монархии. Одновременно приказывала побежденной России оставить за 15 дней австрийскую территорию, именно Моравию и Венгрию.

В окрестных полях при Аустерлице произошло одно из самых страшных русских поражений.

Хотя поле сражения находилось скорее ближе Брно (от юго-восточной стороны), император Наполеон назвал битву по месту своего пребывания, где находился также его штаб, «bataille d'Austerlitz», или «битва под Аустерлицем».

3 августа 1805 года Наполеон находился в своем штабе на берегу Ла-Манша, ожидая благоприятной для десанта погоды. Над Англией нависла смертельная угроза. Переправясь французы через неширокий пролив, и её участь решена. Английский флот спустя два месяца одержит победу над французами в Трафальгарской битве, но на суше с Наполеоном англичане не справились бы. В этот критический момент в войну вступает Россия. На Запад движется армия под командованием Кутузова. Она должна соединиться с австрийской армией фельдмаршала Мака, чтобы идти дальше вместе громить Наполеона. Бонапарт бросает свой лагерь на берегу Ла-Манша и мчится навстречу русским. Англия спасена.

Ещё до соединения Кутузова с Маком Наполеон успевает окружить австрийскую армию, заставляет её сложить оружие и входит в Вену. До тех пор австрийская

столица никогда не сдавалась неприятелю. Командующего Мака Наполеон отпускает — пусть сам всё расскажет союзникам.

Теперь окружение угрожает Кутузову. Он вырывается из французских клещей, соединяется с русской резервной армией и хочет отступать дальше. Но к войскам прибыли Александр I и австрийский император Франц I. Они этот план считают трусливым. Решено дать сражение близ городка Аустерлиц.

Катастрофу обусловил рельеф местности — холмы, на которых стояли русские и австрийцы. Внизу лежал туман выше человеческого роста, скрывая французскую кавалерию. И французы, невидимые сверху, подошли вплотную к высотам. Когда по австрийскому плану союзники с высот спустились, французы их тут же захватили. Кутузов предвидел эту ловушку, но он поделать ничего не мог, он мог только замедлить движение русских полков вниз, из-за чего произошло его препирательство с императором Александром, описанное в «Войне и мире».

Стремительно ворвавшись на высоты, французы громят русских и остатки австрийского войска по частям. Франц I покинул поле боя сразу. Кутузов, оставаясь в войсках, едва не попал в плен. Александр I пытался остановить бегущих, восклицая: «Стойте, я с вами, я подвергаюсь той же опасности!» Но разбежалась даже свита, и Александр ускакал, рыдая. Впервые за сто лет после Нарвы Россия проиграла генеральное сражение, и впервые от петровских же времен армию возглавлял сам царь. После Аустерлица жило поверье, что император на войне — это к несчастью. Всех свидетелей своего позора Александр постарается от себя удалить, Кутузова сошлет губернатором в Киев.

Есть два военно-астрономических наблюдения: солнце Аустерлица — знак победы Наполеона, который тот призывал потом и при Бородино, и при Ватерлоо; и небо Аустерлица, в которое смотрит Андрей Болконский у Толстого в «Войне и мире». Раненый князь Болконский упал навзничь и увидел невиданное им прежде тихое и торжественное высокое небо. Его спокойствие превращает в злобную суету и это сражение, и всю войну, и вообще всё это состязание двух тщеславных императоров друг с другом. Всё пустое, и всё обман, кроме этого бесконечного ясного неба. «Вот прекрасная смерть». Князь Андрей понимал, что это сказано о нём. И он слышал, как говорившего называют «сир», и понимал — это Наполеон, его кумир. Но ему было все равно, потому что князь Андрей продолжал смотреть в бескрайнюю синеву между облаками.

Известие о поражении при Аустерлице настолько поразило английского премьер-министра Уильяма Питта Старшего, что он заболел и вскоре умер. Его затравленный взгляд называли взглядом Аустерлица. Но Россия не сломлена, а место выбывшей Австрии в очередной анти-наполеоновской коалиции занимает Пруссия. На хранительницу мощи и славы Фридриха Великого рассчитывали зря: Пруссия бездарно повторяет судьбу Австрии. За одну неделю Наполеон уничтожает прусские армии и 27 октября 1806 года занимает Берлин.

Король Фридрих Вильгельм III бежит на окраину своей страны — в Мемель, нынешнюю Клайпеду, поближе к русской границе. Россия потеряла главного союзника, еще не начав воевать.

Кампания скоротечна — всего полгода.

Прейсиш-Эйлау — место кровопролитной битвы, Фридланд, возле которого Наполеон разгромил русских, и Тильзит, где в 1807 году пришлось заключить договор о мире и дружбе с Наполеоном... Впоследствии Пушкин напишет об этих событиях в своем стихотворении «Наполеон»:

Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не поблещет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал...

В Тильзите по единственному уцелевшему мосту остатки русской армии переходят на другую сторону Немана. О продолжении войны нечего и думать. Вступив в город и оказавшись на пороге России, Наполеон настаивает на личных переговорах с императором Александром. Решают встретиться точно на демаркационной линии — посередине реки. За ночь французские саперы сколотили плот и поставили на нем шатер с вензелями «N» и «A».

Денис Давыдов в своих воспоминаниях об этих событиях, очевидцем которых он был, приводит заключительные строки стихотворения «Плот», сочиненного французами и посвященного этой встрече: «Англия меньше боялась целого флота, чем этого плота».

Впервые увидев друг друга, императоры точно соревнуются в любезности и быстро договариваются. Александру нужна передышка, Наполеону — поддержка в войне с Англией. После русских поражений в Восточной Пруссии случилось то, чего более всего опасался Александр. У Российской империи и Французской империи теперь общая граница.

Стараниями Александра в переговорах участвует прусский король. Раздавленная, сильно обкорнанная Пруссия служит хоть каким-то противовесом чрезмерному французскому могуществу. Наполеон

говорит Александру: «Тем, что Пруссия вообще сохранилась, она обязана только Вам».

Генрих Гейне впоследствии вспоминал, как 3 ноября 1811 года Наполеон посещал Дюссельдорф. В это время Гейне, тамошнему уроженцу, было 13 лет. Он видел, как Наполеон ехал на коне через парк: «Улыбка, согревавшая и ободрявшая сердца всех жителей, играла на губах Наполеона, однако каждый знал, что стоит этим губам свистнуть, как Пруссия перестанет существовать».

Для удобства Наполеон предлагает перенести встречи на сушу. Еще недавно прусский Тильзит он делит на французскую и русскую половины. Улица Мамина-Сибиряка, бывшая Вассерштрассе — демаркационная линия между французами и русскими. Первый пароль для перехода с одной стороны на другую предложил Наполеон: «Александр, Россия, величие». Второй пароль, предложенный Александром на следующий день, был: «Наполеон, Франция, храбрость».

Обменивались и более внушительными комплиментами. Так, Александр получил орден Почетного легиона, а Наполеона удостоили высшей награды России — ордена Андрея Первозванного. Только что за «ничью» с Наполеоном в битве при Прейсиш-Эйлау «Андрея Первозванного» получил российский главнокомандующий Беннигсен, а теперь национальным героем России объявили заклятого врага, ставшего заклятым другом. Кроме Наполеона, орден Андрея Первозванного получили брат Наполеона — Жером Бонапарт, маршалы Бертье и Мюрат, а также Талейран.

Наполеон, кроме царя, наградил орденом Почетного легиона еще четырех русских (великого князя Константина, князя А. Б. Куракина, князя Д. И. Лобанова-Ростовского и барона А.Я. Будберга).

Улица Гагарина (бывшая Дойчештрассе), дом 6. Сейчас здесь магазин, а в 1807 году дом занимал

император Александр I. Фасад сильно перестроен, но двор еще хранит следы былого.

Почти каждый день после официальных встреч, парадов и трапез сюда в гости к Александру часов в 10-11 вечера приходит Наполеон, пешком, один, без свиты и охраны. Два императора пьют чай, засиживаясь до глубокой ночи. Это беседы с глазу на глаз. Ведь российский император говорит по-французски лучше, чем император французский — у Наполеона несносный корсиканский акцент. Содержание этих бесед в истории именуют «тильзитскими тайнами». Одно ясно: в 1807 году в этом доме делили Европу.

Постскриптум.

Местные власти неоднократно обращались в Службу госохраны объектов культурного наследия Калининградской области внести историческое здание на ул. Гагарина, 6 в список вновь выявленных объектов культурного значения, направляли соответствующие письма. Понимание вроде бы было найдено и нужные слова

сказаны... Но... Никаких движений со стороны культурно-исторического ведомства не последовало. И тогда дом отремонтировала семья бизнесменов, которым стало неловко за внешний вид по факту исторической, но так и не признанной таковой постройки. Эрланда Юлиановна Губинская не видит в этом ничего необычного: «Мы с мужем посоветовались и решили вложиться в ремонт. Радуются люди теперь — и горожане, и гости Советска. Зачем об этом кричать?..»

В публикации использованы материалы из книги Л. Парфёнова «Российская империя».

11.Ордена.

Ордена (от латинского слова «ordo» — организация, отряд) как полувоенные — полумонашеские организации возникли на Востоке во время Крестовых походов. Члены каждого из орденов имели на одежде особые отличительные знаки, обычно в виде креста различной формы и цвета ¹. После возвращения в Европу рыцарские ордена, потерявшие свое основное предназначение (борьба с «неверными» за Гроб Господень и помощь и защита паломников-христиан), стали группироваться вокруг отдельных суверенов. Постепенно членство в ордене стало даваться этим владетельным лицом в награду за заслуги перед государством, которое он возглавлял, либо лично перед ним. Знаки орденов по-прежнему носились награжденными на одежде, но уже в виде металлического креста соответствующей формы и цвета.

Первоначально логично было состоять только в одном ордене, но со временем главы орденов, которыми были, как правило, владетельные лица, начинают в знак взаимного расположения обмениваться знаками орденов, не забывая при этом и чужих подданных. Награда теряет значение единственности.

Согласно этикету, награды, которыми обменялись ранее, должны были иметь при встречах на своих мундирах присутствующие лица.

Французский орден Почетного Легиона Александр I получил дважды — первый раз в 1807 г. в Тильзите из рук его учредителя

Наполеона, во второй – в 1815 г., после реставрации во Франции Бурбонов, которые вынуждены были сохранить введенный «узурпатором» орден ввиду его чрезвычайной популярности в стране.

25 июня (7 июля) Тильзитские соглашения были подписаны доверенными лицами, а 27 июня (9 июля) Тильзитский договор был торжественно ратифицирован. В связи с этим событием в тот же день Александр поручил князю А. Б. Куракину поднести Наполеону пять комплектов ордена св. Андрея Первозванного. Награды предназначались самому французскому императору, его младшему брату Жерому, ставшему в результате Тильзитских соглашений королем Вестфалии, маршалам Франции Иоахиму Бонапарту Мюрату, Александру-Луи Бертье и министру иностранных дел Франции князю Шарлю-Морису де Талейрану. Все пятеро были внесены в общий список Андреевских кавалеров 3 июля (по ст. ст.) 1807 г.

В свою очередь Наполеон поручил генералу М. Ж. Дюроку передать русскому императору пять знаков ордена Почетного Легиона высшей степени — один самому Александру, остальные — цесаревичу Константину Павловичу, барону А. Я. Будбергу и двум лицам, поставившим с русской стороны свои подписи на Тильзитских соглашениях — князю А. Б. Куракину и князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Александр предлагал наградить Беннигсена, но, намекая своим отказом на участие того в заговоре против Павла, Наполеон в своих мемуарах позже напишет: «Было противно, что сын просит награду для убийцы своего отца...».

В тот же день оба императора встретились, украшенные лентами только что полученных орденов, и обменялись ратификационными грамотами. На последовавшем затем параде гвардии Наполеона и батальона лейб-гвардии Преображенского полка французский император решил наградить одного из русских солдат орденом Почетного Легиона, который мог заслужить во Франции любой военный от солдата до маршала (в России ордена давались лишь офицерам и генералам, и соответствующим гражданским чинам). Выбор пал на правофлангового гренадера батальона лейб-гвардии Преображенского полка Александра Лазарева. Наполеон снял с себя кавалерский, низшей степени, знак ордена Почетного Легиона, который он постоянно носил со звездой высшей степени, и прикрепил его к мундиру солдата. Позднее, возвратившись в свою резиденцию, Александр I послал со своей стороны учрежденный недавно, 13 февраля 1807 г., Знак Отличия Военного ордена – награду для солдат за боевые подвиги, впоследствии получившую официальное название «Георгиевский крест». Его вручили одному из солдат французской армии.

Награждение орденом, пусть и французским, рядового солдата было необычным для русской армии. Тем более, что к этой награде Наполеон добавил А. Лазареву ежегодную пенсию в 1200 франков — фантастическую для рядового сумму. Впрочем, вскоре за провинности гренадера лишили ордена и перевели из гвардии в армейский полк – в 1809 году унтер-офицер Лазарев был разжалован в рядовые за драку с фельдфебелем и лишился ордена (про пенсион история умалчивает).

За следующие 10 лет он дослужился до прапорщика, в Отечественную войну 1812 г. А. Лазарев отличился и был награжден солдатским Знаком Отличия Военного ордена., но в 1819 году учинил погром на квартире своего приятеля и был отдан под суд. Следствие по делу бывшего орденосльца тянулось 6 лет, и, не дождавшись суда, в 1825 году Алексей Лазарев застрелился на гауптвахте.

В связи с Тильзитскими награждениями следует вспомнить еще об одном правиле международного этикета. В случае начала военных действий было принято вычеркивать имя главы враждебного государства из списков кавалеров орденов страны, с которой оно вело войну. В 1816 г., когда уже остались в прошлом наполеоновские войны, в Списке кавалеров ордена св. Андрея напротив имени французского императора была сделана дополнительная запись: «По Высочайшему повелению исключен 9 февраля 1816 года». Это запоздалое исключение из списков кавалеров высшего российского ордена мало что изменило в судьбе великого человека, тем не менее, одно из правил этикета было соблюдено.

Более оперативно поступили во время русско-шведской войны 1808-1809 гг. В списках Андреевских кавалеров против имени шведского короля Густава IV Адольфа, получившего эту награду еще в 1779 г., была сделана запись: «Государь Император повелеть соизволил из Кавалерских списков исключить 9-го ноября 1808 года». Исключение из списков кавалеров глав враждебных государств продолжалось до Первой мировой войны включительно, когда специальными Указами права ношения российских орденов были лишены германский и австро-венгерский императоры Вильгельм II и Франц-Иосиф II, а также члены их семейств.

По материалам статьи «Награждение высшими орденами как элемент межгосударственного этикета» Вестник истории, литературы, искусства / Отд-ние историко-философских наук РАН. - М.: Собрание; Наука, 2005, с. 298-311 <http://ec-dejavu.ru/o/Order.html>

12. Евреи в Тильзите.

«Тильзит есть весьма изрядно выстроенный городок и лежит среди самых плодоноснейших долин на реке Мемель. Он производит знатный торг хлебом и лесом, отправляя всё водою в Кёнигсберг». Н. М. Карамзин 17 июня 1789 года.

В политической истории существует понятие Тильзитский мир, а в супермаркете можно купить

Тильзитский сыр и, кроме того, существуют ещё семьи, корни которых неразрывно связаны с этим городом и с окружающей его территорией. На этом возникающий ряд ассоциаций и заканчивается. Тильзит остаётся за непроницаемой стеной плотного тумана неизвестности.

В первой половине 20 века население города было в основном немецким, по соседству с которым жили литовцы, а также евреи. Основным городским промыслом была продажа леса на Немане. С открытием движения по Восточной железнодорожной магистрали, в 60-е годы 19 века ушли в историю те золотые времена, когда сотни поляков, русских, литовцев и немцев съезжались в город в дни большой ярмарки.

Польско-литовские разногласия по Вильнюсскому вопросу в 20-е годы прошлого века положили конец навигации на Немане. По экономическим соображениям многие жители в эти годы покинули город. Начиная с 1933 года, как и в

других частях Германии, еврейские жители Тильзита подвергались постоянным гонениям, до тех пор, пока летом 1942 года последние оставшиеся в городе около трёхсот евреев не были депортированы в район Минска и там сразу же расстреляны. Так закончилась еврейская жизнь в Тильзите.

В былые времена Тильзит, по причине своего удобного месторасположения, размера и многочисленных ярмарок был притягательным пунктом для торговцев и их покупателей, которые приезжали в город из-за границы. К 1816 году население Тильзита достигло примерно 10.200 жителей, и, после Кёнигсберга, Тильзит стал вторым по численности населения городом в Восточной Пруссии. Евреи в Тильзите были большей частью торговым людом. Те

еврейские купцы, которые приезжали всей семьёй, селились в городе и устраивали там же свои молельни.

Также в Пруссию из-за границы, порой из очень отдалённых областей, приезжали на лечение многочисленные больные и, по пути к месту лечения, находили свой последний покой в Тильзите. Таким образом, ещё задолго до открытия Синагоги в городе была уже основана своя еврейская похоронная служба – Хевра Кадиша. По министерскому распоряжению от 1797 года эта организация имела право взимать в общественную кассу с каждого прибывающего в Тильзит иностранного еврея по серебряной грошовой монете.

Вносили свою лепту и еврейские лесоторговцы, которые сопровождали сплавы леса из Белоруссии вниз по Неману и проводили порой долгие зимние месяцы в Тильзите в ожидании весны, когда их товар найдёт сбыт. Таким образом, в городе всегда можно было встретить евреев, которые не обязательно были местными жителями.

В 1811 году в Тильзите постоянно проживало 13 евреев, а через пять лет их число достигло 101 человек. В числе первых еврейских переселенцев, приехавших на постоянное место жительства в Тильзит, после оглашения разрешения на проживание евреев в городе, были три брата из города Тучно в Западной Пруссии: Вольф Зеелиг Маркузе, Мендель Зеелиг Маркузе и Израель Зеелиг Маркузе. Они прибыли сюда ещё в 1812 году и в связи с переселением должны были столкнуться со значительными препятствиями со стороны городского магистрата, которые они смогли, в конце концов, успешно преодолеть.

Если до 1812 года евреями в Тильзите были, прежде всего, торговцы из Польши и Литвы, то с прибытием еврейских переселенцев из западной части Пруссии ситуация изменилась. К 1820 году в еврейской общине преобладали выходцы из Западной Пруссии, остальные были родом из различных областей Восточной Пруссии.

Исключение составлял только один курляндский купец по фамилии Данцигер, выходец из города Газенпота (Айзпите). В 1825 году в Тильзите было основано еврейское кладбище. И в том же году еврейская община с разрешения властей приобрела под постройку Синагоги земельный участок. Но разрешения на постройку Синагоги прусский король Фридрих-Вильгельм III не дал, и прошло почти два десятилетия до тех пор, пока, наконец, в 1842 году Синагога не была освящена.

В 1837 году в городе уже было основано израильское женское общество. Еврейская община не имела чётко установленных правил приёма и не обязывала местное еврейское население к вступлению в неё. У общины не было также и своего раввина. Наряду с управляющим синагогой, который выполнял свою работу безвозмездно, в общине состояли кантор (певчий), шаммаш (служитель синагоги, ответственный за административно-хозяйственную работу) и мясник.

В период с 1820 по 1841 год всего только три еврея получили в Тильзите гражданские права: один русский еврей и два еврея-литвака, в то время как из Западной Пруссии в город прибыло в общей сложности 53 еврейских переселенца.

С началом Крымской войны ситуация на прусско-литовской границе радикально поменялась. Во время войны, с 1853 года по 1856 год, Россия подверглась всесторонней торговой блокаде, исключение составляла только Пруссия. В такой ситуации царская Россия была вынуждена открыть прусскую границу. Весь импорт в бескрайние просторы России шёл только по суше и, прежде всего, через Тильзит. По экономическим причинам, возникла политически незапланированная, внезапная либерализация пограничного режима.

Приграничная торговля приобрела фантастические размеры. Эти годы можно назвать «золотыми» в истории региона. Ослабление пограничного контроля привело к увеличению числа еврейских переселенцев из-за границы. В город, прежде всего, начали переезжать еврей-литваки. В течение всего 19 века количество еврейских горожан в Тильзите постоянно

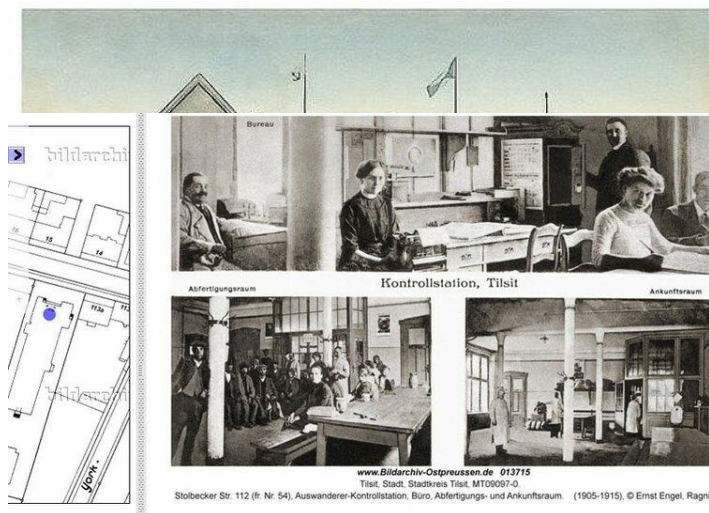
увеличивалось и к 1910 году их стало уже 650 человек.

Важными деятелями в развитии тенденции увеличения еврейских жителей Тильзита были высокообразованные раввины из региональной общины и среди них – Соломон Фридеберг 1824 года рождения из Гродзиска-Велькопольского в тогдашней

провинции Познани. Вплоть до своей смерти в 1894 году он сотрудничал в общине и, кроме всего прочего, написал книги по истории города и края, а также д-р Адольф Авраам Абель Эрлих 1837 года рождения из Митавы (Елгавы), который работал в городе до 1913 года.

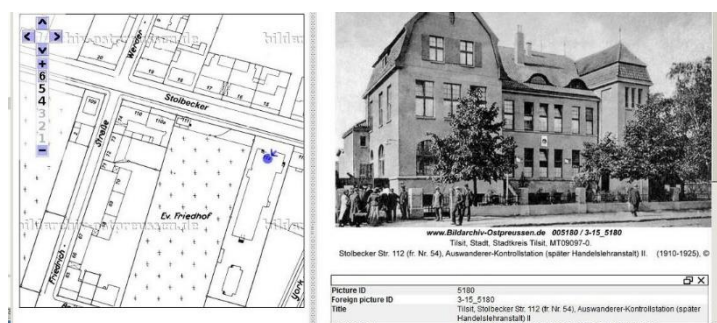
Всё большее число еврейских переселенцев прибывало в Восточную Пруссию из Литвы. Чтобы приостановить дальнейшее переселение евреев после еврейских погромов в царской России в 80-х годах прусские власти ужесточили пограничный контроль. Лица, не имеющие гражданства, высылались из страны, евреи получали отказ в разрешении на проживание. При таких обстоятельствах увеличилось число эмигрирующих за океан.

С 1885 года Тильзит стал важным перевалочным пунктом для еврейских эмигрантов из царской России на пути в Америку и Южную Африку. Тысячи евреев из Литвы, Латвии и Белоруссии останавливались здесь по пути, проходили медицинский осмотр и получали продукты. Здесь же они покупали себе пароходные билеты или же получали столь желанные проездные документы, уже оплаченные их родственниками.

Потом они садились на поезд в направлении Гамбурга, где находилась гавань для переселенцев. Новая государственная политика высылки евреев из Пруссии в середине 80-х годов 19 века вынуждала их в сложившейся тяжёлой ситуации к приёму срочных, жизненно важных решений: снова переезжать или же бороться за свое существование на месте. Те, которым удалось преодолеть все препоны прусской бюрократии и остаться, полностью ассимилировались в Прусской империи, а также активно работали в своей общине. Понятно, что молодые люди, которые не хотели служить в прусской армии, профессиональных шансов в Пруссии не имели. Этот факт стал причиной, по которой разошлись жизненные пути двух братьев, Роберта и Артура Сладовски. В итоге многие еврейские семьи имели родственников за границей.

Из статьи Рут Лейзерович «Еврейская история Тильзита».

Здание сразу за железнодорожным переездом на Штольбекерштрассе (улица А. Невского) было построено для «Станции эмиграции» Акционерных обществ торговых судоходств Гамбург — Америка, и Северо-германского Ллойда, расположенного в Бремене

(NARAG/NORDD. LLOYD), строилось на средства крупнейших пароходных компаний. В Тильзите «Станцию эмиграции» возглавлял Георг Прич, майор в отставке, хваткий, деловой человек, его бюро находилось в самом красивом доме на Хоештрассе в здании Луизен-Кино-Театр, а жил в роскошном особняке по проекту архитектора Гауэра 1920 года на углу Клаусиусштрассе (Clausiusstrasse) и Хохмейстерштрассе (Hochmeisterstrasse), который красуется теперь на улице Фурманова.

Короткий отрезок улицы между Пакхофштрассе (улица Герцена) и Шинкендорфплатц (улица Дружбы) назывался Юденгассе (Еврейский переулочек), так как здесь в начале XIX века находились еврейские молельни и школа.

13. Торговля с Россией.

Торговля с Россией была одной из статьи доходов Кёнигсберга.

Так, например, известно, что уже в 1655 году русские монахи, прибывающие в Кёнигсберг по торговым делам, имели возможность проводить в городе православные богослужения. 15 мая 1682 года Великий курфюрст Фридрих Вильгельм подтвердил права на богослужение с оговоркой, что они

должны «проводиться тихо», то есть без пышных шествий и громкого церковного песнопения. Курфюрст предоставил русским торговцам места для складирования товаров на причалах Альштадта и Кнайпхофа.

Торговля с Россией в те годы шла водным путем из Мемеля (в 1674 году из Мемеля пришло 582 корабля, в 1688 году – около 1200 судов). Корабли двигались по Куршскому заливу до Лабиау (Полесск) и далее по рекам Дейма и Прегель.

Вопрос о русских православных священниках, обслуживающих товарищей по вере, явился предметом обсуждения в 1697 году между русским царем Петром Первым и прусским курфюрстом Фридрихом Третьим во время визита царя в Кенигсберг в составе «Великого посольства». Конечно, главной заботой Петра было не богослужение, а подтверждение права на складирование русских товаров в Кёнигсберге, что и зафиксировано в соглашении, подписанном 1 июля 1697 года.

Дополнительные льготы русские торговцы получили от прусских властей в 1713 и в 1715 годах. Известен случай с русским купцом Периновым, произошедший около 1730 года, которого в Кёнигсберге оклеветали и пытались насильно завербовать в солдаты. Этот факт примечателен тем, что Перинов приехал в Кёнигсберг из Калуги, то есть не из Литовской "Черной Руси", а из царской России: так далеко простиралась на восток сфера кёнигсбергской торговли.

В 1726 году, согласно русско-прусскому союзному договору, для поданных обеих государств предоставлялся свободный торг «водою и сухим путем», в 1743 году свободная торговля между странами была подтверждена.

Предметом особого рассмотрения должно стать время Семилетней войны, когда в 1758 – 1762 годах Восточная Пруссия входила в состав Российской империи. Ограничимся только несколькими примерами.

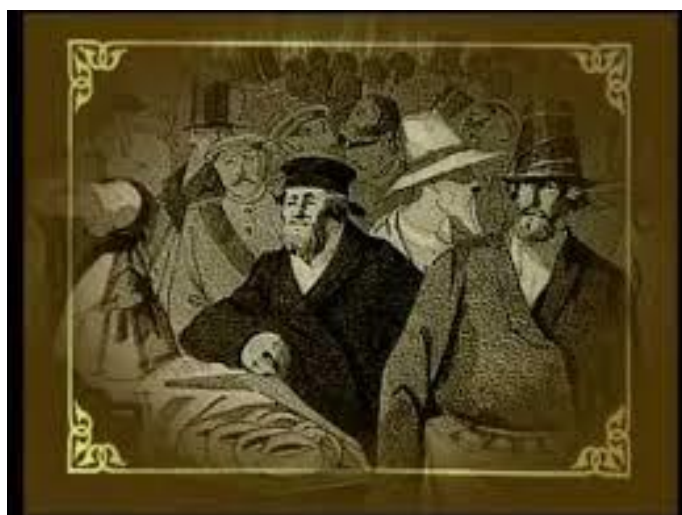
Российские власти установили в Восточной Пруссии довольно вольный режим оккупации. Гражданская власть сохранялась прежняя, лишь в крупных городах были назначены русские военные коменданты. За поставку продовольствия в армию прусским купцам исправно выплачивались деньги.

В марте 1758 года российская императрица Елизавета Петровна подписала указ о сохранении, защите и содействии местной торговле. Этот указ касался как прусских, так и российских купцов, он способствовал подвозу товаров из России для снабжения армии и для гражданского населения.

В мае 1758 года Елизавета Петровна издала ещё один указ, касающийся морской торговли в Пруссии. В указе подтверждалась свобода торговли морем, но ограничивала её только городами Гамбургом и Любеком, поскольку другие немецкие портовые города находились под контролем прусского короля Фридриха II. Пользуясь льготами, Кёнигсберг продолжал вести заграничную торговлю хлебом. Из России в Пруссию поступали: сало, рыба, мыло, обувь, шубы и многие другие товары.

Впрочем, постепенно тяготы военных расходов стали накладываться не только на плечи России, но и на Восточную Пруссию. Вступление на российский престол императора Петра III резко поменяло обстановку, привело к прекращению войны, а

затем к заключению мира и к выводу русских войск из Пруссии.

В конце XVIII века границы России, в результате разделов Польши, подошли к границам Восточной Пруссии. Постепенно морская торговля Кёнигсберга стала всё больше и больше зависеть от России, от её таможенного режима.

К концу XIX века главными предметами вывоза из России стали: лён, конопля, лес – в среднем на сумму 85 миллионов марок

в год. В марте 1894 года Россия и Германия заключили специальный договор о торговле и морских перевозках на 10 лет, где устанавливались тарифы, приемлемые для Кёнигсберга.

Характеризуя восточные балтийские порты, через которые вела торговлю Россия, важно отметить, что Кёнигсберг являлся для России первой ближайшей незамерзающей гаванью в западном направлении. В середине XVIII века, например, (по данным за три года 1761-1763) прибывало кораблей: в Петербург – около 2 000, в Ригу – 957, в Кронштадт – 332, в Ревель – 145, в Нарву – 115, в Выборг – 80, в Пярну – 72, в Кёнигсберг – около 2 000. Таким образом, провинциальный Кёнигсберг практически сравнивался со столичным Петербургом по размаху морской торговли. Хотя, конечно, в последующие годы Петербург стал значительно опережать Кёнигсберг. В 1913 году грузооборот Петербургского порта составил 4,5 миллиона тонн груза.

О значении торговли с Россией свидетельствует и то, что на Восточно-прусской ярмарке 1922 – 1939 годов регулярно демонстрировались советские товары, и что в Кёнигсберге на протяжении многих лет находилось Российское и Советское консульство. В 1925 году примерно 3/4 перевозок Кёнигсберга составляли товары из Советского Союза.

По материалам статьи И. Афонина и А. Губина «Торговля с Россией».

14. Клятва.

В публикации использованы материалы из книги Л. Парфёнова «Российская империя».

У Александра I самые дружеские отношения с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III и пылкий платонический роман с королевой Луизой. Русский царь едет в Берлин. Его с помпой встречают 25 октября 1805 года.

3 ноября в Потсдаме Александр I и Фридрих-Вильгельм III заключают союз против Наполеона. На прощальном ужине во дворце в Потсдаме Александр вспоминает, что не успел поклониться праху Фридриха Великого. Двоюродный дед короля считался военным гением Пруссии. «Еще не поздно!» — восклицает Луиза.

Вся эта история кажется списанной из плохого романа какого-нибудь немецкого писателя-мистика... Поздним вечером втроем — Александр I, король Фридрих Вильгельм III и королева Луиза — выходят из Потсдамского дворца, пересекают двор и направляются в склеп Гарнизонной церкви к могиле Фридриха Великого. Александр благоговейно

приближается к месту упокоения того, чьими подвигами восхищались его дед, бабка и отец.

Ровно полночь. Александр целует каменную плиту, потом трое берутся за руки и клянутся в вечной дружбе и непримиримости к общему врагу — Наполеону. Вдохновлённый и уверенный в победе Александр немедленно отправляется в действующую армию. Вскоре появились гравюры со сценой клятвы у гроба Фридриха Великого.

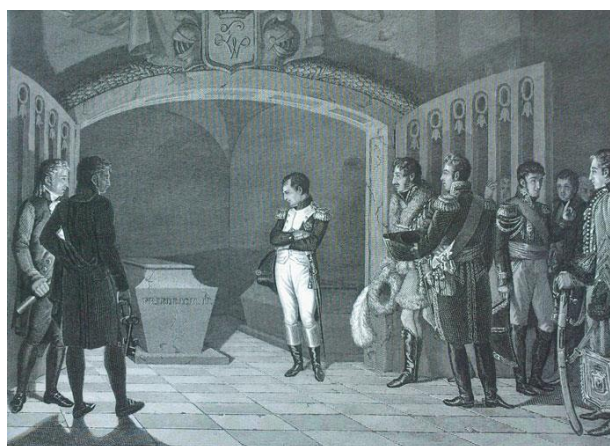
Французы не замедлили откликнуться и нарисовали карикатуру.

Фридрих Великий выходит из своей могилы, будучи в ярости на её осквернителей.

Вверху написано: «Хаос поддерживает руку прусского короля, Королева Пруссии положила руку на сердце, Бессмертие держит в одной руке историю этого принца (имеется в виду Фридрих II), а в другой – корону».

Внизу написано: «Фридрих Вильгельм III, король Пруссии и Александр I, император всея Руси, поощряемые и поддерживаемые присутствием Луизы Августы Вильгельмины Амалии Мекленбург-Стрелицкой, поклялись на могиле Фридриха Великого в вечной дружбе и в наступательном и оборонительном союзе, обязуясь никогда не заключать мир в одиночку».

А Наполеон в 17 бюллетене, выпущенном в Потсдаме в 1806 году, не преминул съязвить по поводу клятвы и картинок: «через два дня после свидания оно было изображено на картинке, которую можно увидеть во всех лавках, и которая заставляет смеяться даже мужиков. На ней изображены: русский император, очень красивый, с ним рядом королева, а с другой стороны король, который поднимает руку над гробницей Фридриха Великого. Сама королева, закутанная в шаль, подобно тому, как лондонские картинки изображают леди Гамильтон, прижимает руку к сердцу и

смотрит при этом на императора. Невозможно понять, каким образом берлинская полиция позволила распространять такую злую сатиру».

Позже этот сюжет также несколько раз попадал в поле зрения художников.

Через год, осенью 1806 года, после битвы при Иене и Ауэрштедте, в том же месте, в гарнизонной церкви в Потсдаме, оказался Наполеон... и вроде как, стоя у гроба Фридриха

Великого, сказал: «Если бы он ещё был жив, меня бы здесь не было». И его визит к гробу Фридриха тоже увековечили в живописи.

15. Символ Тильзита.

Луиза. Судьба ей уготовила всё – красоту, любовь, мужа, детей... и все несчастья, которые выдержала до конца.

Королева Луиза никогда не управляла государством, не властвовала на престоле. Она была всего лишь женой прусского короля Фридриха Вильгельма III, матерью десяти детей, но в решающий и судьбоносный момент

истории прусского государства её доселе нераскрытые качества личности проявились неожиданно ярко.

В 1807 году она прибыла по просьбе супруга в Тильзит, где начинались переговоры Александра I и Наполеона, с целью добиться более мягких условий мира для Пруссии. И хотя историки неоднозначно оценивают её дипломатическую роль в период подготовки Тильзитского мира, королева Луиза, сумела покорить умом и красотой французского императора и русского царя, оставшись с незапятнанной репутацией.

Она завоевала симпатии своих современников и являлась примером для женщин и девочек всей Пруссии. Королева Луиза всегда была очень любима и ценима в Тильзите. Её образ, олицетворяющий собой безграничную любовь к своей Родине и жертвенность во имя высоких идеалов, являлся примером для многих поколений жителей этого города.

Её именем в Тильзите были названы мост через реку Мемель, первый кинотеатр, высшая женская школа, аптека и аллея, ведущая в парк Якобсруэ. Именно в парке, о котором мы расскажем отдельно, в период между двумя промышленными выставками было решено увековечить в памятнике облик королевы Луизы.

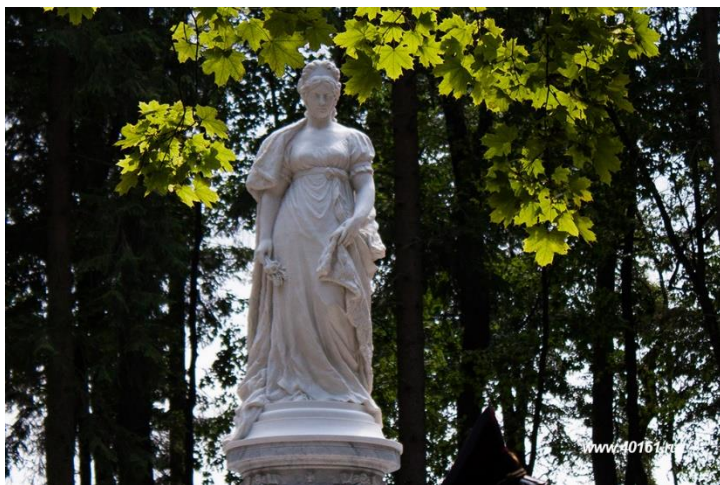
Скульптура королевы Луизы была выполнена из белого каррарского мрамора. Профессор Королевской Прусской академии искусств в Берлине Густав Эберляйн изобразил Луизу прогуливающейся, возможно, по парку, возможно по окрестностям живописной речки Тильже – одной рукой она поддерживает ниспадающую накидку, а в другой руке у неё скромный букетик неброских полевых цветов – васильков.

Памятник прусской королеве был открыт 22 сентября 1900 года. На открытие прибыл император Вильгельм II. Трёхметровая статуя на пятиметровом пьедестале (общая высота монумента составила 8 метров) стала одной из главных

достопримечательностей города. Излюбленный символ Тильзита – памятник королеве Луизе, изображался на многочисленных открытках и сувенирах с видами города.

После окончания Второй мировой войны скульптура Луизы была утрачена, на постаменте уже в советский период развития города была установлена гипсовая фигура футболиста с мячом, но и она позднее была разрушена. Долгое время место, где когда-то стоял величественный памятник, было заброшено... Однако город ждал. Ждал свою Королеву.

Восстановить памятник удалось за счёт финансирования Евросоюзом в рамках программы приграничного сотрудничества Литва-Польша-Россия Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП) в 2009 году на сумму свыше 14 млн рублей. Восстановительные работы проводили опытные специалисты-реставраторы творческой мастерской «Вершинин» по заданию творческой мастерской «Наследие». Профессионалы мастерской «Наследие», опираясь лишь на сохранившиеся довоенные фотографии, сумели воссоздать старинный облик памятника. Реконструировали статую известные Петербургские скульпторы Павел Игнатъев – автор памятника первому архитектору Санкт-Петербурга Доменико Трезини, статуя находится в Санкт-Петербурге, и Денис Прасолов.

Скульпторы специально консультировались с профессором из Германии, изучающим творчество Эберлейна, изучали изображения статуи и прочие изображения королевы Луизы (портреты, бюсты, посмертную маску). Торжественное открытие памятника состоялось 6 июля 2014 года, современные фотографии именно этого дня.

По материалам статьи Т. С. Урупиной (из книги «Тильзитские доминанты»)

16. Легенда о васильках – любимом цветке королевы.

Во время наполеоновского нашествия, когда войска неприятеля приблизились к Берлину, где была резиденция прусского короля, королева Луиза с детьми и весь королевский двор вынуждены были бежать в самую отдаленную провинцию своего королевства – в Восточную Пруссию. В небольшом поместье под Кенигсбергом проводила она унылые дни изгнания, с ужасом привыкая к мысли о потере своего королевства...

Однажды во время прогулки с детьми, они заметили, как из темного леса вышла молоденькая крестьянка. Смелой походкой шла красивая девушка, гордо неся плетеную корзинку, полную васильков. И тут королева испытала нечто похожее на озарение – яркий синий цвет васильков и бесстрашная девушка ей показались символами её родины, которые пытается у неё отобрать её главный враг – Наполеон. Королева Луиза окликнула девушку и купила все цветы, щедро заплатив.

И вот корзинка с цветами перешла в руки детей, которые тут же начали плести венки и надевать друг на друга. Детям стало весело. А сама королева почувствовала облегчение. Она увидела в венке из васильков символ того, что её семья не потеряет королевскую власть и не потеряет свою родину. С такими мыслями она решительно отправилась в Тильзит на переговоры с Наполеоном.

В старинном немецком журнале «Садовая беседка» был опубликован рассказ о васильках и королеве на балу.

На одном придворном балу, данном поневоле несчастной королевской четой в честь императора Наполеона и его генералам, королева появилась безо всяких украшений, лишь с венком из васильков на голове. Когда французы стали отпускать остроты по этому поводу, королева заметила: «Да, господа, все наши драгоценные вещи частью разграблены, частью проданы, чтобы хоть сколько-нибудь помочь нуждам нашей разорённой страны. А

наши поля так вами вытоптаны, что даже полевой цветок является теперь большой редкостью...» На это победителям не нашлось, что ответить и замолчали.

Василёк не обманул надежды Луизы. Имя Луизы вошло в мировую историю. Память о ней хранили. Но трогательнее всего жители Восточной Пруссии вспоминали о своей отважной королеве всякий раз, когда находили...

17. Принцесса Луиза... Королева Пруссии.

Луиза Августа Вильгельмина Амалия Мекленбургская — принцесса Мекленбург-Стрелицкая, супруга Фридриха Вильгельма III и королева-консорт Пруссии.

В описаниях современников королева Луиза предстаёт красавицей с непринуждёнными манерами общения, скорее свойственными представителям третьего сословия, нежели чопорной аристократии. Жизнь Луизы оказалась неразрывно связанной с борьбой Пруссии против Наполеона. Безвременно ушедшая из жизни королева осталась в памяти следующих поколений молодой и красивой. Ещё при жизни королева Луиза стала объектом почти культового почитания, ещё больше распространившегося после её кончины. Королева Луиза стала символом нового подъёма

Пруссии и становления Германской империи. Её значение в истории Германии превзошло то влияние, которым она фактически обладала, будучи королевой Пруссии.

Предки Луизы были знатными людьми, целенаправленно заключавшими браки среди равных себе, не ограничиваясь пределами малых германских государств. Её отец Карл II — принц из дома герцогов Мекленбург-Стрелицких. После учёбы в Женеве и нескольких поездок за границу он принял представительскую и хорошо оплачиваемую должность губернатора курфюршества Ганновер на службе у

своего зятя, короля Великобритании Георга III, который хотя и родился в Великобритании, но происходил из Ганноверского дома и правил Ганновером из Лондона.

В 1768 году Карл женился в Ганновере на 16-летней принцессе Фридерике Гессен-Дармштадтской. Пятеро из их десяти детей умерли в детстве, сама Фридерика умерла в 29 лет через два дня после родов. Её дочери Луизе, принцессе Мекленбург-Стрелицкой, было в то время только шесть лет. Вдовец женился на младшей сестре первой жены Шарлотте, и тётка Луизы стала ей мачехой, однако она также умерла через 15 месяцев при родах сына Карла.

Некоторое время спустя детей герцога разделили. Оба сына, Георг и Карл, остались с отцом в Ганновере. Шарлотта, старшая из четырёх сестёр, в 1785 году вышла замуж за правителя маленького герцогства Саксен-Гильдбурггаузен. Воспитание сестёр Терезы, Луизы и Фридерики в 1786 году было доверено их бабушке Марии Луизе Альбертине, проживавшей в Дармштадте. Бабушка была умной пожилой дамой, которая позволяла некоторые вольности своим внукам в Старом дворце небольшого городка-резиденции Дармштадта.

Луиза ещё в подростковом возрасте отличалась детской непосредственностью и игривостью. К конфирмации трёх сестёр готовил пастор Дармштадта. О неизбежном обучении французскому языку и придворному этикету заботилась мадемуазель Саломея де Жельё, когда-то руководившая в прусском Невшателе пансионом для девочек, а в Англии работавшая гувернанткой в аристократических семьях. Кроме того, принцессы обучались английскому языку, истории, немецкому языку, рисунку, живописи и игре на фортепиано.

Луиза не отличалась особым прилежанием в учёбе. Письма Луизы на французском языке всегда пестрели ошибками, и лишь гораздо позднее, в

Берлине, она решила ликвидировать наиболее крупные пробелы в образовании. Принцесса Луиза изучала историю и философию и попросила своих подруг Марию фон Клейст и Каролину фон Берг помочь ей с подбором литературы для чтения. В Большом Тиргартене на вилле госпожи фон Берг (1760—1826), придворной дамы, наставницы и доверенного лица, собирался литературный салон. Придворная дама фон Берг состояла в переписке с Гёте, Гердером, Жаном Полем и имперским бароном фон унд цум Штейном. От неё Луиза получала рекомендации по современной литературе, у неё она просила книги, «которые, как вы считаете, мне понравятся и

принесут мне самую большую пользу». В письме, адресованном Марии фон Клейст, кузине поэта Генриха фон Клейста, проясняются её литературные предпочтения: «Упаси меня бог от того, чтобы заботиться о моём духе и забыть о моём сердце», Луиза скорее «выбросит все книги в Хафель (река в Германии)», чем поставит разум выше чувств.

Prinzess Luise und Friederike von Mecklenburg-Strelitz als Kinder im Schatten der uralten Bäume des Schlosses Döbitz. (1788.)

Жизнь принцесс в Дармштадте чередовалась с частыми визитами к многочисленной родне из гессенской и мекленбургской знати, поездками в Страсбург и Нидерланды. Часто принцессы бывали во Франкфурте-на-Майне, где с 1787 года старшая из сестёр Тереза была замужем за тогда менее знатным, но очень богатым будущим князем Карлом Александром Турн-и-Таксисом.

Не раз 14-летняя Луиза и её младшая сестра Фридерика бывали в гостях у госпожи советницы Катарины Элизабет Гёте, матери знаменитого поэта. Годы спустя она так вспоминала об этой встрече в письме своему сыну в Веймар: «Встреча с принцессой Мекленбургской меня несказанно порадовала — они были абсолютно свободны от жёсткого этикета, танцевали, пели и скакали целый день...». В 1792 году сёстры присутствовали во Франкфурте на торжествах по случаю коронации Франца II, последнего императора Священной Римской империи, ставшего в 1804 году первым императором Австрии. Луиза открывала праздничный бал в посольстве Австрии вместе с молодым имперским графом Клеменсом Меттернихом, впоследствии прославленным дипломатом и государственным деятелем.

В начале марта 1793 года обе сестры, которым соответственно исполнилось 17 и 15 лет, были представлены королю Пруссии Фридриху Вильгельму II, который так отозвался об этой встрече: «Как увидел я двух ангелочков в первый раз, это было у входа в комедию, так и был сражён их красотой настолько, что был просто вне себя, когда бабушка представила мне их. Я очень желаю, чтобы мои сыновья их увидели и влюбились в них [...] Я сделаю всё возможное, чтобы они виделись почаще и хорошо познакомились. [...] Они дали своё согласие, и скоро состоится сговор, предположительно в Мангейме. Старший женится на старшей, а младший — на младшей».

Принцессы. Иоганн Готфрид Шадов. 1795 – 1797.

Впервые Луиза встретила «старшим», 22-летним кронпринцем Фридрихом Вильгельмом 14 марта 1793 года, 19 марта он сделал ей предложение и 24 апреля в Дармштадте состоялась официальная помолвка.

Брачным договором устанавливалось, что Луизе причитается определённая сумма «в собственное распоряжение», которая значительно возрастёт в случае рождения сына; за дочь дополнительного вознаграждения не предусматривалось. Между тем принц Луи, «младший», обручился с сестрой Луизы Фридерикой, хотя и против своей воли и только по соображениям государственной необходимости, поскольку он был уже влюблён в другую девушку, ниже его по положению. Двойная свадьба была согласована на Рождество 1793 года.

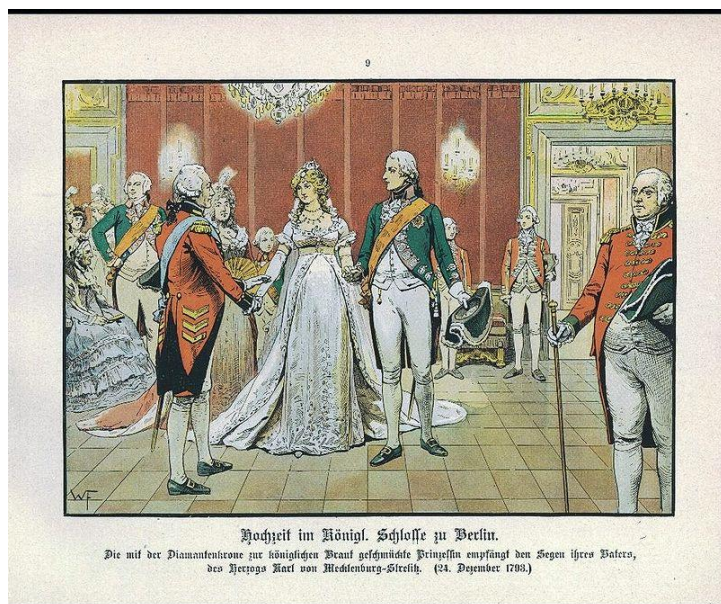
По материалам статей о королеве Пруссии

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_\(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8))

18. Двойная свадьба Луизы и Фридерики. Первые годы брака кронпринцессы.

1793 год. 22 декабря сёстры прибыли в празднично украшенный Берлин.

В знак приветствия маленькая девочка в белом платье прочитала принцессам стихотворение, восторженная Луиза подняла ребёнка на руки и поцеловала. Последовавшее за этим замечание о том, что такое поведение не подобает принцессе, вызвало у Луизы явное непонимание. Этот случай, многократно пересказанный, положил начало той исключительной популярности, которой Луиза пользовалась у берлинцев.

24 декабря 1793 года в белом зале берлинского Городского дворца в соответствии со старинной придворной церемонией состоялось бракосочетание Луизы и кронпринца. По свидетельству очевидцев жених, обычно стеснительный интроверт, в этот день веселился без усталости.

Спустя два дня поженились Фридерика и принц Луи. Молодожёны поселились в двух соседних зданиях на Унтер-ден-Линден: Дворце кронпринцев и Дворце кронпринцессы.

Здесь появилась известная скульптурная группа «Принцессы», выполненная Готфридом Шадовом по заказу короля Фридриха Вильгельма II. Во Дворце кронпринцев скульптору отвели помещение под временную мастерскую, он часто виделся с принцессами, и ему было даже позволено снять мерки «с натуры».

Кронпринц Фридрих Вильгельм, супруг Луизы, остался недоволен натуралистичным образом, достаточно подчёркивающим фигуру Луизы, несмотря на обильную драпировку. К тому же рано овдовевшая Фридерика из-за своего скандального поведения вскоре стала нежелательным лицом при дворе. Став королём, Фридрих Вильгельм позаботился о том, чтобы скульптура на десятилетия исчезла из глаз публики.

Жизнь при прусском дворе вынуждала Луизу приспосабливаться к незнакомым людям, правилам и обязанностям. Её необузданная природа часто этому сопротивлялась. Старшей придворной дамой к принцессе Луизе была приставлена опытная 64-летняя графиня София Мария фон Фосс, прослужившая несколько десятилетий при королевском дворе. После нескольких конфликтов, произошедших поначалу из-за строгого профессионального подхода придворной дамы и склонности Луизы к оригинальности в поведении, фон Фосс стала для кронпринцессы, а позднее королевы, незаменимой наставницей в вопросах придворного этикета и до последнего оставалась для неё доверенным лицом, советчицей и подругой.

Привыкнуть к новым условиям Луизе помогал и Фридрих Вильгельм, который в частной жизни избегал любого рода напускного официоза. Супруги разговаривали просто, что было необычно для людей этого круга. Они общались друг с другом на «ты», называли друг друга «мой муж» и «моя жена». Им нравились прогулки без свиты по Унтер-ден-Линден, народные гулянья, например, берлинская рождественская ярмарка или Штралауский улов, появление Фридриха Вильгельма и Луизы с одобрением воспринималось местным населением. Приверженность простоте обусловила и их выбор места проживания в Берлине в Городском дворце, а не во Дворце кронпринцев. Лето Фридрих Вильгельм и Луиза проводили преимущественно в загородном поместье Парец близ Потсдама. Скромный дворец в глуши, прозванный современниками «дворец Сельская тишь», позволял Фридриху Вильгельму отдохнуть от государственных дел и обеспечивал Луизе свежий воздух и покой, которые она так ценила во время своих многочисленных беременностей.

Луиза в роли матери оправдала все ожидания. За чуть менее 17 лет супружеской жизни она произвела на свет десять детей, семь из которых достигли зрелого возраста, что для уровня развития медицины и гигиены того времени было исключительно высоким показателем. Дети всегда росли с матерью. Несмотря на то, что их образованием по большей части занимались нанятые воспитатели и отношение короля к своим детям временами расценивалось как

достаточно отстранённое, образ многодетной счастливой семьи послужил образцом для формировавшегося буржуазного общества XIX века.

Многие из детей Луизы добились значительных высот в обществе. Старший сын Луизы Фридрих Вильгельм IV правил в Пруссии в 1840—1861 годах, его младший брат Вильгельм наследовал ему на прусском троне и в 1871 году был провозглашён германским императором. Дочь Фридриха Шарлотта в 1817 году вышла замуж за наследника российского престола Николая и в 1825 году стала царицей под именем Александра Фёдоровна.

По материалам статей о королеве Пруссии

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_\(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8))

19. Молодая королева.

Фридрих Вильгельм II умер 16 ноября 1797 года. Его смерть не повергла Пруссию в скорбь. Неудачная внешняя политика, многочисленные любовницы и расточительность почившего короля Пруссии нанесли серьёзный ущерб стране и её имиджу. Вступившему на прусский трон стеснительному на людях и неречистому Фридриху Вильгельму III было 27 лет. Он не был готов принимать

решения и управлять обременённым проблемами королевством в сложные времена. Королеве Луизе был 21 год.

Последним значительным внешнеполитическим шагом Фридриха Вильгельма II стало заключение в 1795 году сепаратного Базельского мира. Пруссия вышла из

альянса, сформированного против Франции в так называемой Первой коалиционной войне, лишилась территорий на левом берегу Рейна, а Северная Германия объявила нейтралитет. Приобретённый таким образом мир обеспечил Пруссии ряд «спокойных лет», как они были названы впоследствии. Во внутренней политике новый король придерживался мер строгой экономии, перейти к назревшим основополагающим реформам в управлении страной и в армии он так и не решился. Во внешней политике Фридрих Вильгельм III стремился любой ценой сохранить нейтралитет.

Проблемы возникли с сестрой Луизы Фридерикой, которую всегда связывали с королевой особенно близкие отношения. «Принцесса Луи», как её называли после свадьбы с прусским принцем, после короткого брака без любви овдовела в 18 лет. В предоставленном вдове дворце Шёнхаузен Фридерика крутила многочисленные романы. Графиня Фосс в своём дневнике писала: «Она слишком хорошо умеет себя утешать». Всё закончилось скандалом: Фридерика ожидала внебрачного ребёнка. Луиза узнала об этом слишком поздно, незадолго до Рождества 1798 года, и была глубоко разочарована, прежде всего тем, что сестра не доверилась ей. Фридерика спешно вышла замуж за принца Сольмс-Браунфельсского, предположительного отца будущего ребёнка, лишилась титула, и ей отказали от прусского королевского двора. Скандальная чета была вынуждена покинуть Берлин, оба ребёнка от первого брака остались в столице. В конце концов, в третьем браке с Эрнстом Августом I, герцогом Камберлендским, Фридерика стала в 1827 году королевой Ганновера.

Фридрих Вильгельм и Луиза совершили несколько так называемых «поездок для выражения верности». В мае и июне 1798 года они проехали по Померании, Восточной Пруссии и Силезии, в мае—июле 1799 года они отправились в западную часть страны, во Франконию и Тюрингию. В августе 1800 года королевская чета совершила восхождение на силезскую Снежку, впоследствии эту экскурсию королева вспоминала как особо счастливый момент её жизни. Во всех поездках население восхищалось внешностью и манерами королевы. Такое же восхищение Луиза снискала и в столице, в том числе и среди представителей дипломатического корпуса. Один из секретарей британского посольства писал своим сёстрам: «В берлинском обществе, особенно среди молодых людей, царит чувство рыцарской преданности королеве [...] Немногие женщины

одарены таким очарованием, как у неё [...] Но мне нужно держать себя в руках, иначе вы подумаете, что красота и миловидность прусской королевы Луизы вскружили мне голову, как уже многим другим».

Между тем давление Наполеона на Северную Германию усиливалось. Союз Пруссии с Россией казался подходящим ответом. В мае и июне 1802 года Фридрих Вильгельм III и королева Луиза побывали в Мемеле для встречи с царём Александром I, не имевшей особого политического значения, но оставившей яркий след в воспоминаниях Луизы. Молодой император произвёл на королеву огромное впечатление. В её записях обнаружено: «Император — один из тех редких людей, которые соединяют в себе все самые любезные качества со всеми настоящими достоинствами [...] Он великолепно сложен и имеет очень статный вид. Он выглядит как молодой Геркулес». Александр в свою очередь был очарован Луизой. Фридрих Вильгельм III отреагировал без ревности, но с гордостью, появлявшейся у него всегда, когда восхищались его супругой. Многие биографы задаются вопросом о том, могли ли связывать Александра и Луизу какие-либо близкие отношения. Ответ всегда отрицательный с вероятностью, граничащей с уверенностью.

В 1803—1805 годах королевская чета побывала с поездками во франконских владениях, в Дармштадте, Тюрингии и Силезии. С 25 октября по 4 ноября 1805 года в Потсдаме гостил император Александр. Перед самым отъездом, в ночь с 3 на 4 ноября, царь захотел посмотреть на гробницу Фридриха Великого. Желание гостя тут же было исполнено, хотя время для посещения было крайне неудобное. Гарнизонную церковь едва успели осветить, когда туда вошли Фридрих Вильгельм III, королева Луиза и император. Король остался у входа, царь со спутницей проследовали к гробнице. Император поцеловал гроб, встал, протянул руку королю. Над гробом великого короля молодые правители поклялись в вечной дружбе и верности. Вскоре в продаже появились гравюры с этой сценой.

Александр I убеждал короля вступить в новый военный союз, который заключили против Наполеона Австрия и Россия. Фридрих Вильгельм III медлил, но предусмотрительно объявил мобилизацию. В декабре 1805 года русские и австрийцы были разбиты в битве под Аустерлицем. В июне-июле 1806 года Фридрих Вильгельм с Луизой отдыхали в Бад-Пирмонте. Так закончились для Пруссии «спокойные годы».

По материалам статей о королеве Пруссии

[https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_\(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D1%83%D0%B8%D0%B7%D0%B0_(%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%9F%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8))

20. Война и бегство.

1 июля 1806 года Фридрих Вильгельм III подписывает секретную декларацию. В ней Пруссия подтверждала силу прежнего русско-прусского союзного договора 1800 года, отказываясь участвовать на стороне Франции в случае франко-русского конфликта из-за Турции и Австрии и выражала своё согласие начать подготовку к войне с Францией.

12 июля 1806 года в Париже был заключён договор об учреждении Рейнского союза. Наполеон значительно расширил сферу своего влияния на германских землях. Пруссия расценила происходящее как провокацию.

24 июля 1806 года Александр I подписывает ответную прусской декларацию. Начинает складываться 4-ая анти-наполеоновская коалиция.

В Пруссии поднимается волна национализма, патриотических настроений. Возросло влияние политиков. Требовавших выступления против Франции. Как отмечал академик Е. В. Тарле «в Пруссии среди дворянства и среди части буржуазии царили волнение и раздражение. Короля обвиняли в трусости... Дворянство ненавидело Наполеона, видя в нём прямого виновника разрушений. Которым подверглись стародавние феодальные разрушения и помещичье-крепостной быт... Среди офицерства и генералитета Пруссии царили задор и стремление оплатить за обиды, обманы и за то презрение, которое Наполеон откровенно повсюду выражал. Королева Луиза... была главой этой дворянско-офицерской партии».

О воинственных настроениях, охвативших Берлин в октябре 1806 года, сообщала и русская печать (правда, некоторое время спустя – в августе 1807 года): «Все трактиры и кофейные дома наполнены политиками разных званий... С крайней нетерпеливостью ожидали первых событий о победах над неприятелем. Боялись, чтобы король не заключил мира, не начавший военных действий... В театре только и представляли, что «Стан Валленштайна»

(пьеса Фридриха Шиллера). Зрители пели: «Труба зовёт, развеваются знамёна...»

влияния.

В уверенности, что прусская армия, овеянная славой Фридриха Великого, легко разобьёт французскую, Пруссия решается на военные действия против Франции. Её армия двинулась в поход. «Полки за полками с пением патриотических песен проходили через Берлин и Магдебург, направляясь к западу, и королева Луиза выходила навстречу и делалась центром манифестаций» (Тарле Е. В.).

Решение об этом походе принимал, конечно, прусский король, а не его венценосная супруга. Но всё же, всё же, всё же...

Первые же сражения оказались неудачными для пруссаков, но Луиза не падала духом и убеждала остальных, что генеральное сражение всё исправит.

Спустя всего пять дней плохо управляемые, не согласованно воевавшие прусские части потерпели унижительное поражение в битве при Йене и Ауэрштедте. Резервная армия в Галле была разбита, и почти все укреплённые города сдались без боя.

27 октября 1806 года Наполеон в сопровождении четырёх маршалов, конных гренадёров и гвардейских егерей с триумфом вступает в Берлин.

Фридрих Вильгельм III и Луиза находились недалеко от поля битвы, в хаосе разгрома они были вынуждены спасаться разными дорогами.

Луиза с детьми, своим личным врачом Кристофом Вильгельмом Гуфеландом и графиней Фосс с многочисленными остановками в Ауэрштедте, Веймаре и Бланкенхайне добралась до Кёнигсберга. Личный врач королевы Христоф Вильгельм Гуфеланд один из знаменитых врачей своего времени, член Прусской Академии наук,

автор более 400 печатных трудов, один из которых самый знаменитый, выдержавший множество изданий и переведённый на все европейские языки, 1797 года «Искусство продления человеческой жизни» (позднее книга была озаглавлена как «Макробиотика», тем самым было положено начало особой отрасли биологии и медицины – геронтологии), получил развёрнутый ответ-суждение на популярное своё издание от Иммануила Канта, который философ опубликовал в своих «Спорах факультетов».

Наполеон же в это время не стеснялся в выражениях на счёт Луизы и приказывал печатать во французских газетах статьи, в которых в оскорбительном и неуважительном виде говорилось о королеве, как главной виновнице всех обрушившихся на Пруссию страданий и бедствий.

«Она – женщина с хорошеньким лицом, но весьма неумная, неспособная видеть последствий своих поступков. Вместо того, чтобы обвинять её, теперь её можно только пожалеть, потому что она должна страшно терзаться угрызениями совести за все страдания, которые она принесла своей стране, и за то влияние, которое она оказывала на своего супруга». Эта цитата из военного бюллетеня Наполеона от 17 октября. В другом бюллетене, от 27 октября, Наполеон утверждал: «Возмущение против зачинщиков этой войны достигло своего апогея... Все убеждены, что королева виновна во всех несчастьях, обрушившихся на прусский народ. Повсюду говорят: ещё год тому назад она была такая добрая, такая кроткая. Но как она изменилась со времени знаменательной встречи с императором Александром I».

Королева Луиза провожает солдат на войну

деморализация прусской армии.

Королевском дворе пришлось место только на окраине своего государства – в Восточной Пруссии. Дыхание войны здесь пока не ощущалось. Хотя известие о поражении прусской армии дошло до Кёнигсберга 23 октября, официальный бюллетень об этом был опубликован в газетах только 13 ноября. В общем, большого замешательства это событие не вызвало: жителям Восточной Пруссии вообще и Кёнигсберга в частности были неизвестны все подробности этого поражения и полная

Осознание опасности пришло вместе с прибытием в декабре королевской семьи в Кёнигсберг. Луиза появляется в городе 9-го числа, а её венценосный супруг – 10-го. Но проживание Луизы в восточном крыле замка было недолгим: известия с полей сражений русской армии с французской спокойствия не доставляли.

Как записала в своём дневнике обер-гофмейстера королевы графиня Фосс 22 декабря, «королева в постоянной тревоге и вовсе лишилась сна; она страшно слаба, но лихорадка несколько уменьшилась. Да сохранит её нам Господь!»

В начале января следующего года Луиза тяжело заболела «нервной горячкой», как тогда называли тиф. Пока Луиза болела, Наполеон со своей армией вышел на Кёнигсберг. Гуфеланд предложил остаться с королевой, но она отказалась: «Я лучше отдам себя в руки божьи, чем этого человека». Дальше бежать оставалось только в Мемель, находившейся на крайнем севере страны. В сильный мороз и метель тяжелобольная Луиза с детьми и обслугой отправилась в путь по практически непроходимой в зимнее время Куршской косе.

В январе 1807 года по слишком далёкой и трудной дороге, чтобы преодолеть её без остановки, в Мемель по Куршской косе будучи в болезненном состоянии ночует на почтовой станции Нидден. В ночь с 7 на 8 января Луиза бриллиантом своего кольца на стекле процарапает строчки из песни Гёте «... Кто слёз на хлеб свой не ронял...» перевод на русский мы знаем Ф. Тютчева и В. Жуковского.

Сопровождающая её 78-летняя графиня ночевала на полу в бедной провинциальной гостинице. Со временем хозяин сохранит эту запись на стекле и

A. Carsten: Königin Luise von Preußen auf der Flucht vor Napoleon
Was ich von euch mit mir all,
Was ich die kostbarsten Meinet
Auf einem Stein zerkratzt hab,
Das werd' auch nicht im künftigen Märkte.

привлечет особым вниманием к своему дому, улучшив своё экономическое положение.

На самом деле королеве было не до Гёте и его стихов, тем более процарапывания на стекле четырёх строчек... И так уже тяжелобольная, терзаемая сильным жаром, Луиза совсем обессилела в дороге и даже не могла самостоятельно пройти несколько шагов от саней до станции. И слуги просто-напросто внесли её в дом на руках.

Так что известная картина художника К. Лотцмана «Королева Луиза во время бегства от Наполеона», изображающая Луизу в роскошном платье, в изящных туфельках и с ниспадающей с плеч горностаевой мантией, стоящую в жеманной позе перед окном с процарапанными на стекле восемь гётевскими строками, не имеет ничего общего с действительностью. Она лишь художественное

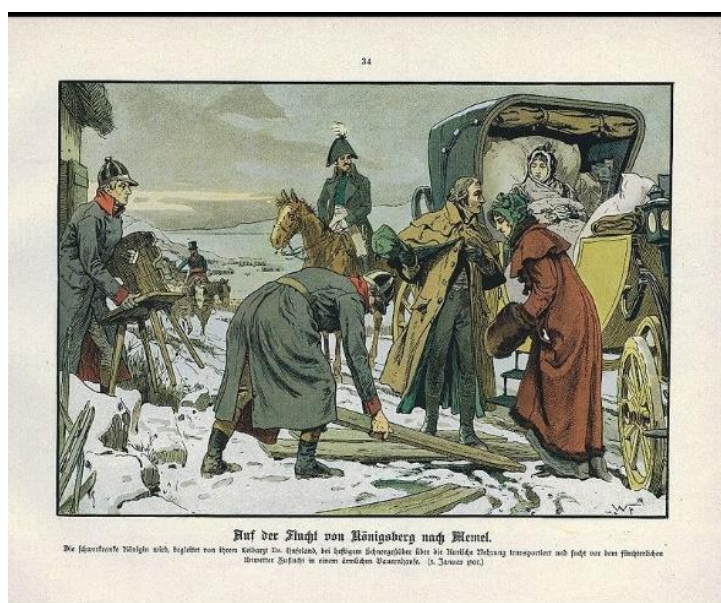
воплощение легенды. Воплощение, расходившееся по Германии и не только в тысячи почтовых карточек.

Даже та обстановка, в которой изображена королева, и та очень далека от реальности. Вместе с пунцовой розой, небрежно положенной на стул. Это лишь аллюзия на будущую тильзитскую розу, так что даже не стоит задумываться, откуда ей взяться на Куршской косе в студёном январе.

А что касается стихотворения, то Луиза знала и любила его. И в тот момент, когда положение Пруссии стало угрожающим, когда французская армия тяжёлой поступью шла уже по Восточной Пруссии, даже записала в своём дневнике 5 декабря 1806 года.

Владелец почтовой станции в Ниддене Давид Готлиб Куверт оказался очень предприимчивым человеком. С большой коммерческой выгодой и очень быстро он использовал редкий и оказавшийся для него таким счастливым случай кратковременного пребывания королевы на этой маленькой почтовой станции в такой же маленькой, заброшенной в песках деревушке. Воспользовавшись всенародным почитанием королевы, он и выдумал историю королевы и гётевскими стихами. Таким образом, популярность и известность королевы Луизы накрыла своим покровом и Куверта, и почтовую станцию, да и весь Нидден целиком.

Через три трудных дня и холодных ночи путники достигли места назначения, и Гуфеланд с удивлением даже констатировал некоторое улучшение в состоянии королевы.

В печальных строках графини Фосс отразилась вся её боль за королеву: «Носилок не оказалось. И потому бедную, больную королеву слуга внёс на лестницу на руках; видеть это мне было очень, очень больно. Благодаря Бога, она чувствовала себя не особо плохо, и мы тотчас уложили её на диван. Она поселилась в тех самых комнатах, которые занимала пять лет тому назад... но ах, какая разница между настоящим положением и тем временем, когда здесь был царь, и мы проводили такие приятные, счастливые дни в его

обществе!»

Этот эпизод, наряду с её встречей с Наполеоном, рассказываемый и изображаемый с большей или меньшей долей драматизма, прочно вошёл во все биографии и легенды, посвящённые королеве Луизе.

Воспоминание о былых счастливых днях касается встречи в Мемеле летом 1802 года с Александром I, когда все были радостны, довольны, полны надежд и устремлений. Среди мемельских гостей королевы был и генерал-майор П. И. Багратион. По дороге из Петербурга в армию князь приехал в Мемель 3 марта и отобедал с королевой. Король в тот день был сильно болен и даже не вставал с постели. Тем не менее он нашёл в себе силы пожаловать прославленному полководцу орден «Черного орла», кавалером которого тот уехал вечером того же дня. Графиня Фосс отметила в своём дневнике своеобразие его внешности: «Багратион некрасив, но у него мужественная, воинственная наружность; он смотрится настоящим воином».

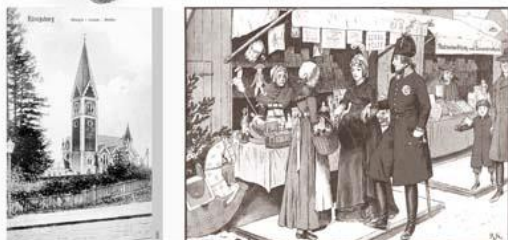

В январе 1807 года Фридрих Вильгельм III добрался до Мемеля другой дорогой, там прусская королевская чета встретила с российским императором, пообещавшим свою поддержку.

В апреле 1807 года Луиза вновь появляется в Кёнигсберге, где после кровопролитного Прейсиш-Эйлауского сражения разместились 12 тысяч раненых и больных русских воинов. Их разместили в общественных зданиях,

школах, церквях, ложах и частных домах. Граждане Кёнигсберга, попечению и заботе которых были предоставлены раненые русские солдаты и офицеры, охотно и деятельно заботились о них. Даже появившиеся эпидемии, от которых не могли

уберегаться и лечащие врачи, не уменьшили сострадание. Хабербургская кирха приняла русских солдат, лечение которых оплатила Луиза из личных денег.

Königsberg i. Pr. Luisenwahl mit Luisedenkmal

К страданиям раненых и больных королева своим примером воодушевляла других. Вместе с Юлианой фон Крюденер она без страха перед заражением прошла по лазаретам. А своим чайным гостям велела щипать корпию (перевязочный материал, наципаные руками из тряпок нитки, которые употреблялись прежде вместо ваты). Этой участи не избежал даже 65-летний генерал-лейтенант Блюхер, после обмена из плена проживший несколько недель в Кёнигсберге. Правда, будущий генерал-фельдмаршал и победитель Наполеона при Ватерлоо испытывал неловкость от такого несвойственного ему поручения. И, уходя от королевы, пытался

спрятать выделенный ему этой цели кусок холста в ташку – тонкую плоскую кожаную сумку.

О том времени – воспоминания русского офицера Михаила Леонтьева, раненого при Данциге и вывезенного на корабле в Кёнигсберг: «4-го мая (16 мая по новому стилю) нас раненых посадили на корабль и повезли в Кёнигсберг... Прибыв в Кёнигсберг, нас выгрузили на набережную Прегеля, где мы и лежали в ожидании назначения квартир; в сие время день был прекрасный, и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу в экипаже, увидя нас, лежащих у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнав всё. Она тотчас послала своего камер-пажа в ратушу за квартирами для нас, а между тем объявила, что за всех нас будет платить свои деньги хозяевам за наше содержание, что великодушно исполнила восемь дней. Ибо далее исполнять сего было не в состоянии по истощению собственных финансов в то бедственное для Пруссии время. На другой день сия благодетельная государыня прислала к нам своего доктора Гуфеланда, который. Быв в великолепном синем. Золотом расшитом мундире и украшенный нашим Анненским орденом, осматривал нас, бедных армейских офицеров; сия жаркая любовь к страждущему человечеству, сие свойство прекрасной души милосердной Луизы должны быть незабвенными в роде моём. И да благословится память твоя, добрая государыня, отдаленнейшим благомыслящим потомством моим».

Прусский король тоже не остался безучастным к страдающим. В мае он посетил раненных, находившихся в Хабербергской кирхе.

После зимнего затишья вновь начинаются боевые действия между французами и русскими. Поэтому 2 июня, за двенадцать дней до Фридландского сражения и боя за Кёнигсберг, Луиза покидает город. Она снова уезжает в Мемель.

14 июня 1807 года Наполеон одержал победу над русской армией и последними остатками прусской армии в битве под Фридландом. Битва за Кёнигсберг одновременно с битвой при Фридланде, географическое положение города в устье двух рек сыграло роковое значение в исходе сражения.

Совсем скоро королеве Луизе предстоит появиться на сцене мировой истории. И это был Тильзит.

По материалам статьи «Красавица с заплаканными глазами, или военные годы королевы Луизы» члена правления Калининградского клуба краеведов Б. Н. Адамова.

21. Максимилиан фон Шенкендорф.

11 декабря 1783 года в городе Тильзите родился Готтаб Фердинанд Максимилиан Готтфрид фон Шенкендорф немецкий поэт, главный мотив творчества которого можно выразить в двух словах — Свобода и Отечество.

Бурная, как само время, жизнь поэта оказалась короткой – он прожил всего 34 года и умер по печальному совпадению в свой день рождения, 11 декабря 1817 года.

Максимилиан фон Шенкендорф создал множество песен и баллад на военные темы. После окончания войны с Наполеоном поэт обращается к религиозной жизни, сочиняет духовные песни и гимны, за что его даже называют «последним певцом церковной поэзии Германии».

На деньги жителей Тильзита в 1890 году поставили памятник Максиму Шенкендорфу на площади перед ратушей, названной в его честь. «Дитя Тильзита» — так называли поэта в родном городе и не иначе. Под памятник заложили капсулу с грамотой, на которой расписался император Фридрих Вильгельм III. Автор памятника — скульптор Мартин Энгельске. В октябре 1944 года, когда канонада войны приблизилась к Тильзиту, памятник сняли с постамента и увезли в неизвестном направлении.

Дом Шенкендорфа. Улица Герцена, № 3. 2008 ↑ в.

Старый дом под номером 3 на улице Герцена в Советске связан с историей жизни Макс фон Шенкендорф и упоминается, как место рождения поэта. Город конца XVIII века был так мал, что всё происходило как в квартире. Всё рядом, всё под боком. В Немецкой кирхе его крестили.

В Тильзите и в имении деда Ланконишкен (Лукьяново Неманского района) прошло детство Шенкендорфа.

В 16 лет началась учёба в Кёнигсбергском университете, через какое-то время его отправили учиться к пастору, но Макс постоянно конфликтовал со священником и однажды сбежал от него и вернулся в университет, где изучал юриспруденцию. Отец и мать резко осудили этот поступок, отец отказался от него, а мать даже написала специальное объявление, чтобы ему никто не давал денег в долг.

Шенкендорф был серьёзно ранен на дуэли в 1809 году — у него была раздроблена правая рука, к тому же произошел серьезный театральный скандал с его участием. В Кёнигсберге Максимилиан создал союз поэтов «Венок Балтийского моря». Сам Шенкендорф встал в центре романтически настроенных писателей. Но жизнь в Кёнигсберге была омрачена неприятностями...

В 1812 году он женился... Мадам Генриетта Барклай держала в Кенигсберге великосветский салон, который охотно посещали литераторы, музыканты и всякая эстетствующая публика. Впрочем, её супруг разорился от бедствий наполеоновских войн и покончил жизнь самоубийством.

Супруг мадам Генриетты Барклай был выходцем из Шотландии, один из братьев табачных магнатов в Кёнигсберге. Семейство Барклаев, помимо табачного производства, владело несколькими ветряными мельницами и богатым имением под Меденау (пос. Логвино). Возможно, они доводились какими-то дальними родственниками российскому полковнику Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли, чьи предки так же происходили из Шотландии.

Вдова, страдая от потери супруга, поехала лечить нервы в Германию на воды. За Генриеттой последовал Макс Шенкендорф, который и женился на ней.

В 1813 году в составе кирасирского полка Шенкендорф участвовал в Битве народов под Лейпцигом. Из-за парализованной руки он не принимал активных действий в сражениях, но, конечно, приносил большую пользу Родине, сочиняя патриотические военные песни, поднимающие боевой дух народа. По окончании войны он служил правительственным советником в муниципалитетах Франкфурта-на-Майне и Кобленце. В 1817 году последовало новое назначение в Магдебург. Там неожиданно настигла его смерть — прямо во время укладывания вещей. На могиле поэта установлен надгробный знак, а в городе Кобленце — памятник.

Дом Шенкендорфа на бывшей Пакхофштрассе, № 7-8 ↓ в.

В хрониках Тильзита отмечается, что дом, в котором родился Шенкендорф неизвестен. Инженер и строитель Вальдемар Тальман, известный тильзитцам своими книгами об истории города, указывает адрес Пакхофштрассе 7/8 (улица Герцена дом № 3). Мемориальная доска, посвящённая поэту, ошибочно установлена на соседнем доме № 1. Разноречивость сведений даёт повод для сомнений. Но

доверимся Тальману и обратимся к истории указанного дома.

В 1848 году некто А. Г. Краузе после основательной перестройки открыл в доме отель «Deutsch Haus auf dem alten Pferdmarkt» («Немецкий дом на лошадином рынке»), впоследствии кратко называвшийся «Deutsch Haus». Есть сведения о том, что отель в

течение какого-то времени назывался «Hotel de Petersbourg» («Отель Петербург»). В этом же доме в начале XIX века арендовала помещения еврейская молельня. В 1888 году отель сгорел, был разрушен, и на старом фундаменте с соблюдением прежней планировки построили новое двухэтажное здание (сейчас оно трёхэтажное). Это означает, что дома, в котором родился поэт не существует. Справа от дома когда-то пролегал узкая улица, бывшая Goldschmiede Strasse (улица золотых кузнецов – ювелиров, скорее...)

Времени рождения Макса и его брата Ханса могут соответствовать крепкие своды подвала дома. Родители Шенкендорфа снимали жильё в доме на Пакхофштрассе, 7 и рекламировался как дом в тихом месте, с хорошо оборудованными номерами, электрическим светом, близко расположенными трамвайной остановкой и пристанью.

Дом № 3 на улице Герцена – редкий памятник истории и архитектуры. Его фасад отмечен рустовкой и сандриками, прост и типичен. Событийный ряд связан с этим домом необычайно интересно – судьбы людей и домов независимы друг от друга, с одной стороны, с другой – неразделимы.

Дом № 1 с установленной на его фасаде памятной доской, посвящённой Шенкендорфу, почтенного возраста – скорей он-то и относится к рубежу

XVIII – XIX веков. Цоколь дома укреплен бутовым камнем, фасад прорисован рустовкой и украшен прямыми сандриками и розетками. На входе в подъезд выложены гранитные ступени, а внутри наверх ведёт состарившаяся деревянная лестница с балясинами.

Подготовлено по материалам статей Т. Урупиной, И. Афонина и Б. Губина.

22. Бурная жизнь поэта.

Бурная жизнь поэта Готтлоба Фердинанда Максимилиана Готтфрида фон Шенкендорфа отразилась в его творчестве, как Певца свободы беспокойного времени, в котором жил «дитя Тильзита», так и его характер романтика...

О том, как четыре имени четырёх небесных покровителей защищали своего пылкого дитя мы нашли в докладе Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске, и подготовили несколько публикаций о Максе Шенкендорфе.

Итак, в Тильзите в семье бывшего офицера, имевшего титул военного советника, который главным образом занимался сельским хозяйством и дочери кёнигсбергского пастора в 1783 году родился сын. Максимилиан оказался очень способным мальчиком и уже в 15 лет завершил своё школьное образование. Дальше – университет. И в летнем семестре 1798 года Максимилиан начинает изучать в Кёнигсбергском университете

камеральные науки – цикл административных и экономических наук.

Присмотр за сыном доверили своему родственнику. Но тот не мог защищать юного студента от соблазнов большого города. Максимилиан, к большому огорчению своих родителей, вёл слишком весёлую, беспутную жизнь и наделал много долгов. Поэтому отец и мать не нашли другого выхода, как «изъять» бесшабашного студента из его дружеской компании и отправить в село Шмаух в районе Прёйсиш-Холланд. Там, в доме знакомого его матери пастора, Максимилиана ожидало строгое воспитание. Но оно, видимо, оказалось слишком суровым, так что юноша впал в другую крайность и ушёл в себя.

Впрочем, пребывание в далёком от дома селе оказалось для Макса полезным, и даже очень. У него появилась тяга к романтической литературе, к истории своей родины, особенно к орденскому её периоду. Под влиянием местного пастора он заинтересовался и Германской империей.

Максимилиан много путешествовал пешком по родной стране, всё больше познавая её, побывал в католическом Эрмланде (историческая область Европы, территория прусской Вармии, на которой было образовано в 1243 году Эрмландское княжество-епископство, обладавшее особым статусом), в Мариенбурге (орденский замок 1276 года основания в дельте реки Висла, на протоке Нагот, один из самых больших замков, служивший резиденцией магистров Тевтонского ордена с 1309 года).

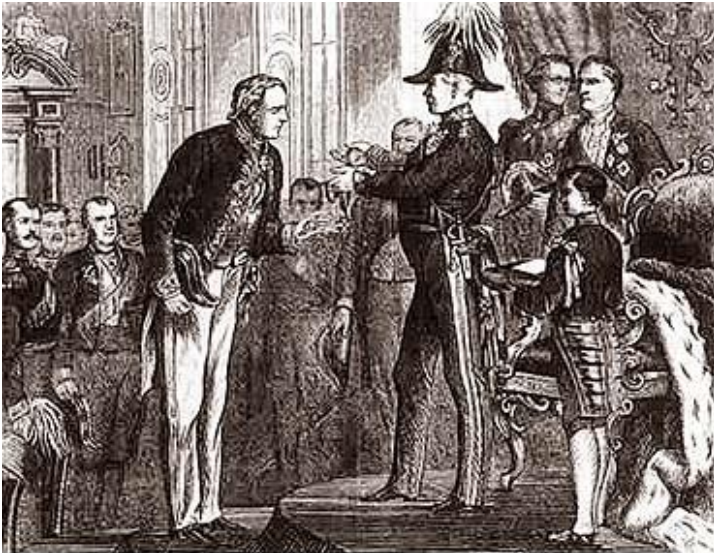
Поражённый великолепием и мощью разрушенного, но всё ещё величественного замка, которое прусское правительство намеревалось снести, он решил спасти его. Наперекор всему и всем, даже властям. Девятнадцатилетний юноша берётся за перо и пишет чрезвычайно острую статью «Пример страсти разрушения в Пруссии».

Летом 1803 года её публикует берлинская газета «Откровенный».

Со всей юношеской страстью и пылкостью Максимилиан протестует против сноса замка, памятника средневековой немецкой архитектуры, с возмущением говорит о «выпотрошенном скелете великана». К возмущённому и пылкому голосу прислушались. Хотя у государства в тот момент нет средств для восстановления замка Мариенбург, сносить его уже не собираются.

Даже в те годы голос одного человека звучал порой очень сильно и заглушить его не мог даже самый сильный ветер недовольства.

Теодор фон Шон получает орден Чёрного орла

А может, здесь сыграли свою роль и другие обстоятельства? Игра случая? Максимилиан фон Шенкендорф подписал статью не полным именем, а только кратко «v. Sch.». Но также мог подписаться и известный политик, будущий обер-президент Западной Пруссии, а затем и объединённой провинции Теодор фон Шён, что как раз многие несправедливо и приписывали ему. Тем более, что через 12 лет после публикации статьи Теодор фон Шён подхватил эту идею и смог добиться начала работ по спасению замка, к

которым приступили за несколько месяцев до смерти поэта.

В 1804 году Шенендорф возвращается в Кёнигсберг, чтобы закончить обучение у профессора Кристиана Крауса, создателя школы общественно-политических наук.

Романтический дух, жажда общения и организаторские способности молодого Шенкендорфа проявились в создании им мужского союза поэтов «Венок Балтийского моря». В количестве его членов сказалось увлечение

Шенкендорфом Тевтонским орденом: оно всегда должно было быть равно двенадцати, как в орденском конvente. С другой стороны, таково же число апостолов Иисуса Христа.

Один раз в неделю члены союза собирались на квартире одного из них и говорили о религии, философии и, конечно, об искусстве, оттачивая свой ум, своё мастерство, своё логическое мышление. Членство в поэтическом союзе не ограничивалось никакими сословными и национальными различиями. В него входили, например, и интересующиеся литературой актёры, и евреи. Украсил собой поэтический венок и знаменитый писатель и поэт-

романтик Ахим фон Арним, на короткое время задержавшийся в Кёнигсберге в конце 1806 года. Союз поэтов просуществовал несколько лет, а в 1809 году был возобновлён. Уже после этой даты в него вступил саксонец Карл Готтлиб Август Эрфурдт, которого в 1810 году пригласили в Кёнигсбергский университет в качестве профессора классической философии, но он умер уже в 1813 году.

Поэзия могла быть увлечением, даже страстным, но хлеб насущный надо было зарабатывать на другом поприще – юридическом. Осваивать его приходилось со скромной должности стажёра (референдара), Шенкендорф начинает готовиться к экзамену. Тогда это требовало годичной практической деятельности в качестве сельского хозяина. Так Шенкендорф в 1805 году оказывается в Вальдау, в доме у

амтсрата Вернера.

Через год Максимилиан успешно сдаёт экзамен и снова живёт в королевско-прусском столичном городе-резиденции. Получив место домашнего учителя детей ландхофмейстера, президента восточнопрусской и литовской палат и одновременно куратора университета Ганса Якоба фон Ауэрсвальда, референдар Шенкендорф переселяется от своей бабушки Карриус в замок.

Детей-то он учил уму-разуму, а вот сам не смог сдать экзамен на ассессора (заседателя). К этой неприятности поправимой добавилось трагическое несчастье. В 1809 году во время катания на санях он случайно толкнул старого генерала Рокетта, который в ответ обрушил на него поток брани. Это привело к дуэли.

Пуля противника попала в правую руку Шенкендорфа. Долго боролся он со смертью, выздоровел, но рука осталась парализованной. Отныне он мог писать стихи

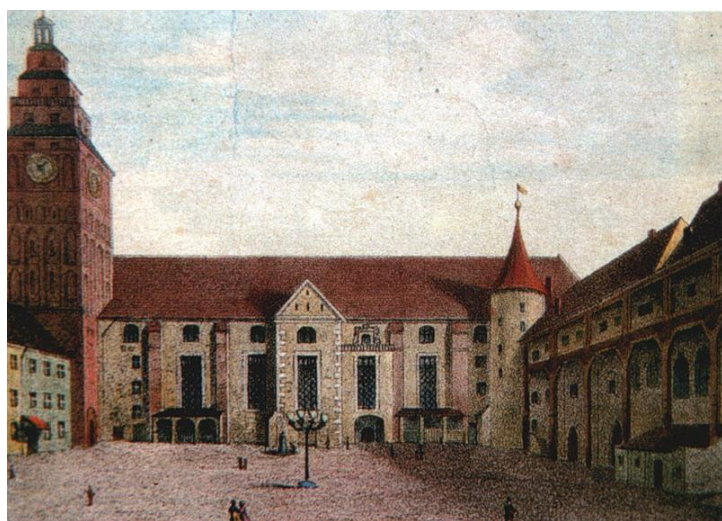

только левой рукой. Но ведь эта рука ближе к сердцу. Может, оттого и стихи Максимилиана стали пронзительней и призывней?

В конце 1806 года произошла катастрофа с Пруссией в войне с наполеоновской Францией – разгром прусской армии, падение Берлина, которые особо не взволновали кёнигсбержцев. Их больше интересовали городские события и городская жизнь, а ещё больше – собственная. И потому, когда в Кёнигсберг 17 декабря 1806 года прибыл из Данцига известный консервативный политик Марвитц, он охарактеризовал его как «в высшей степени непатриотический город, где господствуют только мысли о мире». Пожалуй, у него были для этого веские основания.

Марвитц получил от короля одобрение на вербовку добровольцев для войны с французами. При поддержке губернатора Кёнигсберга генерала Эрнста фон Рюхеля результат, однако, этого набора оказался незначительным. Кадровые офицеры лишь насмеялись над штатскими. Набранный с трудом небольшой отряд прибыл в Померанию и, так и не испытанный в бою, после Тильзитского мира был расформирован.

Малоуспешно пытался сформировать в Кёнигсберге корпус добровольцев и бывший гусарский офицер Райнхольд фон Кроков. А ротмистр фон Равен и барон фон Ледебур смогли набрать в свой корпус только две сотни кавалеристов...

Но не совсем уж безнадежно обстояло дело в Кёнигсберге. Градус патриотизма, подогреваемого лекциями и выступлениями философа Иоганна Фихте, всё-таки, хоть и понемногу, повышался. И смириться с поражением Пруссии для кёнигсбержской молодёжи было трудно. Поэтому два молодых человека, Максимилиан фон Шенкендорф и его друг Фердинанд фон Шрёттер, с 1 июня 1807 года начали выпускать в издательстве Генриха

Дегена журнал «Веста».

Статьи для журнала представили известные в Кёнигсберге люди, чьё слово много значило для горожан: историк Людвиг фон Бачко, известный общественный деятель и поэт, военный советник Иоганн Георг Шеффнер, сын известного мыслителя, ректор Альтштадтской школы Иоганн Михель Гаман, только что получивший профессию классической филологии в университете Иоганн Вильгельм Зюверн. Не остался в стороне и поэт Ахим фон Арним.

Философ Иоганн Готлиб Фихте, только полгода провёл в Кёнигсберге и покинул город 13 июня 1807 года, за три дня до вступления французской армии, написал для журнала статью о Макиавелли.

Предназначенный официально для «друзей науки и искусства», журнал был полон романтического патриотизма, а потому внушал французам опасения. И под давлением Наполеона прусский король Фридрих Вильгельм III в декабре 1807 года запретил журнал.

Характерным отражением духа времени, когда печальной необходимостью было следовать в русле наполеоновской политики, стали для Кёнигсберга салоны – и дворянские, и мещанские, где собирались умные люди для разговоров, обсуждений, обмена мнениями. Главными темами были литература, искусство, религия, но не обходилось и без политики: она без спроса врывалась в размеренную жизнь города. Такие салоны организовывали у себя дома женщины, чаще всего жёны богатых мужей.

Хозяйкой такого салона была Альбертина фон Ауэрсвальд. Её супругом был уже упомянутый здесь и ранее в наших публикациях о днях изгнаний королевы Луизы в Кёнигсберге, Ганс Якоб фон Ауэрсвальд. Их квартира в замке была полна молодёжи, которую любила собирать вокруг себя хозяйка салона. Непременным гостем там был и домашний учитель детей ландхофмейстера, живший в замке, поэт Максимилиан фон Шенкендорф. Королева с супругом и детьми очень любили бывать в гостях у Ауэрсвальдов. Именно тогда Максимилиан проникся уважением и любовью к королеве Луизе.

Часто бывал Шенкендорф и в другом доме – на Хинтертрагхайме. Там его больше привлекала хозяйка Генриетта Барклай. Хотя она была старше его на десять лет, молодой поэт почитал её как свою музу. А так как Шенкендорф стал домашним учителем её дочери, то мог бывать в этом доме запросто. Что он и делал.

В салоне мадам Генриетты Барклай увлеклись чтением романтической литературы и сочинений немецкого мыслителя и философа-пантеиста XVII века Якоба Бёме. Теория этого самоучки, сапожника по профессии, прозванного современниками «философом немцев», оказала значительное влияние на таких мыслителей, как Фридрих Вильгельм Шеллинг, Г. В. Гегель, Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше и других. Учение Бёме оказало также большое влияние на немецкий романтизм XIX века. Романтиков влекли к Бёме любовь к родной старине и наивно-сказочное понимание природы.

Но вскоре барклаевский салон изменил своей литературно-светской направленности. И повинна в этом оказалась подруга салона Юлианна фон Крюденер. Ещё в 1804 году у неё возник интерес к мистике, и она увлеклась идеями и сочинениями немецкого мистического писателя и врача Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга. Потому, появившись в Кёнигсберге в 1807 году, Ю. фон Крюденер сумела

склонить к мистике Генриетту Барклай и превратить литературные собрания в её салоне в часы мечтательных молитв. Увлечение мистикой у самой Генриетты Барклай вскоре ещё больше усилилось из-за самоубийства её мужа Давида.

В ноябре 1811 года Генриетта вместе со своей подругой вообще решила покинуть Кёнигсберг и отправиться в Карлсруэ, столицу Великого герцогства Баден, где находился сам объект их поклонения – Юнг-Штиллинг.

Почитаемый герцогом Баденским, сын бедного вестфальского портного и бывший угольщик с 1806 года жил в его дворце в Карлсруэ и сделался важной персоной. При этом, как писалось ещё в дореволюционном «Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», Юнг-Штиллинг «с удовольствием отмечал в своих записях увеличение числа знакомых в знатных кругах».

Так что Генриетта Барклай и Юлианна фон Крюндер были всего лишь одними из многих, кто попал в плен мистицизма Юнг-Штиллинга, который вообще в своих сочинениях «принял пророческий тон и умер в глубокой уверенности, что в последние годы его земного бытия в нём воплотился Христос».

Да что там женщины, если Юнг-Штиллинг в начале XIX века был главным авторитетом у русских мистиков, и даже сам российский император Александр I благоволил к Юнг-Штиллингу и встречался с ним во время зарубежных поездок.

Покинутый возлюбленной, Шенкендорф переехал поначалу в её дом. Но долго вынести разлуку с Генриеттой он не смог, и спустя несколько месяцев поэт последовал в Карлсруэ за своей музой. Пятнадцатого декабря 1812 года она стала его женой.

Предположительно в 1812 году Шенкендорф вступил в масонскую ложу. Произошло это, вероятно, под влиянием Юнг-Штиллинга, с которым он тоже подружился...

В Кёнигсберге же события шли своим чередом.

В конце декабря 1812 года – в начале 1813 года кёнигсбержцы увидели отступающих французов, разбитых и деморализованных. В ночь с 4 на 5 января город покинули последние французские солдаты. Через несколько часов здесь появились русские казаки, а затем уже и остальные части.

В городе снова начался патриотический подъём, охвативший все слои населения.

Именно здесь, после выступления генерала Йорка на заседании ландтага 5 февраля 1813 года, был принят закон «Об ополчении». Сотни людей вступали в ряды добровольцев, а кто не мог, тот жертвовал деньги и ценности на экипировку и вооружение ополченцев.

В марте с воззванием «К моему народу» обратился сам король Фридрих Вильгельм III. А 24 мая город покинул 12-й ландверный батальон из 800 человек под командованием советника высшего земельного суда майора Карла Фриккиуса. Самым известным военным подвигом ополченцев этого батальона был штурм Гриммских ворот в Лейпциге 19 октября 1813 года, в

последний день Битвы народов.

Храбрый майор Фриккиус был упомянут Шенкендорфом в его «Песне каменщика», вошедшей в «Кёнигсбергские военные песни 1813 года».

Но разве мог сам поэт остаться в стороне от всеобщего воодушевления? Нет, конечно. Взяв саблю в левую руку, Шенкендорф вступил в ряды добровольцев и участвовал в знаменитой лейпцигской Битве народов. «Его следовало признать наиболее добровольным из всех добровольцев, – писал о нём один из современников, – так как, будучи почти безоружным и из-за парализованной руки почти беззащитным, радостно делил с нами,

вооружёнными и здоровыми, опасности пушечного града и лишь берётся при нападении холодным оружием».

Боевой путь Шенкендорфа завершился после заключения Парижского мира.

«Под влиянием ... переживаний», как очень образно выразился приват-доцент К. Ф. Тиандер, автор главы «Патриотическая поэзия Наполеоновской эпохи в Германии и во Франции» в книге «История западной литературы (1800 – 1910)», в Шенкендорфе «забил родник живой поэзии».

В эту военную пору борьбы с Наполеоном за освобождение Германии Шенкендорф ратовал и за воссоединение раздробленной Германии, за создание новой империи. За это писатель, поэт и историк, идеолог освободительной войны против наполеона Эрнст Мориц Арндт прозвал его «имперским герольдом». Почти так же, «герольдом императора», назвал его в одном из своих патриотических воззваний и немецкий поэт и учёный Фридрих Рюккерт.

Пускай Шенкендорф был слаб как боец, зато его стихи оказались сильнейшим оружием сами по себе. Понимая это, барон Штайн велел раздавать их солдатам. А Блюхер выразился так: «Один сражается саблей, другой – устами». И не всегда легко определить, кто из них действенней.

Уже название стихов Шенкендорфа говорят о многом: «Встаньте с земли», «Ярмо долгого рабства и стыд», «Так

загорается теперь огонь», «Свобода. Которую я имею в виду»...

Свобода, которую я имею в виду,
Которая наполняет моё сердце,
Приди с видом
Очаровательного ангела
(перевод Б. Н. Адамова)

Свобода ты моя,
Лишь на тебя надежда,
Явись в мои края,
пусть в ангельских одеждах!
(перевод Сэма Симкина)

В 1814 году Шенкендорф написал известное стихотворение «Если всё изменят, то мы всё-таки останемся верными». В старом сборнике студенческих песен она названа «Обновлённая клятва» и потому известна и под этим названием.

Шенкендорф, как и многие другие, надеялся, что из войны немецкое государство выйдет в новом величии. Но когда это не произошло, несмотря на горькое разочарование, он не оставил

надежду на реставрацию старого имперского величия.

Слабое здоровье Шенкендорфа не позволило ему продолжить напряжённую

службу в военно-административном управлении. Он хлопотал о более лёгком месте. Его назначили правительственным советником в Кобленце. Но деятельность Максимилиана Шенкендорфа там была непродолжительной: внезапная смерть настигает поэта в день его 34-летия, 11 декабря 1817 года.

Родной Тильзит воздвиг своему уроженцу прекрасный памятник. Большая скульптура поэта стояла на цоколе из полированного красного гранита. На обратной стороне его были выбиты слова Шенкендорфа: «Я не хочу нарушать своё слово. Хочу проповедовать и говорить об императоре и империи». Но мы говорим о нём самом, о Готтлобе Фердинанде Максимилиане фон Шенкендорфе. Или просто – Максе фон Шенкендорфе.

Материал подготовлен на основе доклада Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

23.«ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР». До и после.

«Тильзитский мир», это словосочетание уже давно неотделимо от города с названием Советск – бывший Тильзит.

О заключённом между двумя императорами договора о мире вроде бы всё известно, но как любое, значимое событие, оно со временем обросло легендами и вымыслами.

Факт же остаётся фактом 25 июня Александр I и Наполеон Бонапарт встретились на плоту, на середине реки, говорили больше часа, после чего началась подготовка к подписанию документа, подводившим черту под длительным периодом военных стычек и кровопролитных сражений. Её финалом стала битва при Фридланде – состоявшаяся незадолго до этой

встречи. Русская армия, потеряв не менее 15 тысяч убитыми разрозненно отступала к Неману – к границе Империи. Главком Беннигсен проиграв сражение, раньше всех покинул поле брани, и раньше всех прибыл в Тильзит. Армия же отдельными частями, разрозненными отрядами, без единого командования уходила из Пруссии.

Вот как об этом отступлении писал Алексей Ермолов:

«...Армия наша была малочисленна и в беспорядке. Ее крайне ослабили отлучившиеся от полков люди при отступлении от Фридланда и по пути до Немана. Собираясь большими толпами, они проходили разными дорогами, снискивая грабежом себе пропитание, и в числе нескольких тысяч перешли Неман в Юрбурге, Олите, Мерече и некоторые даже в Гродне. В доказательство беспорядка приведу следующие примеры. Изюмский гусарский полк забыт в Пруссии на квартирах, где находился для поправления лошадей; узнавши от жителей о Фридландском сражении, пошел он к армии, но встречающиеся повсюду наши и французские мародеры истолковали ему, что армия отступает, и полк отправился за Неман и перешел его благополучно. Также забыт полковник Сысоев с донскими полками, но гораздо далее. Он встречался с войсками неприятеля, дрался с ними, проходил их квартирами, брал пленных и за Неманом присоединился к армии. Не исключая и самой артиллерии, часть оной, не получившая во время приказания, сама избрала направление, и отдельно следуя от армии, перешла в Юрбурге через Неман, изыскавши брод, который до того был неизвестен».

А вот как описывает Беннигсен те же события в своих «Записках»:

«По-видимому я достаточно доказал в предыдущих главах, что сражение под Фридландом по существу своему вовсе не должно было внушать того впечатления, которое оно, по-видимому, произвело. Случаются события в тысячу раз более гибельные для народов, нежели потеря одного сражения; Фридландское же сражение не могло явиться бедствием (*calamité*) для русского народа. Наши подкрепления подходили к армии со всех мест обширной империи, и, выиграв немного времени, я приобрел возможность присоединить их к армии, настроение которой было вовсе не плохое, так как русский солдат одарен той упорной храбростью, которой затруднения и препятствия только раздражают еще более, но никогда не уменьшают. Это можно было усмотреть из грозного отступления, нами совершенного, и стойкости наших арьергардов, везде задерживавших и храбро отражавших стремительные натиски неприятеля. Направляясь при моем отступлении навстречу приближавшимся ко мне подкреплениям, я счел своей обязанностью написать императору следующее: «Смею уверить ваше императорское величество, что неудача этого дня ни в чем не уменьшила храбрость, выказанную войсками в предшествовавших сражениях. Если обстоятельства потребуют, войска будут драться так же храбро, как будто бы и не происходило Фридландского сражения. Хорошее мнение неприятеля о нашем солдате, внушенное ему его отвагой, нисколько не изменилось после этой битвы. Тем не менее, я считаю, что было бы согласно с осмотрительностью начать какие-либо переговоры, хотя бы только для того, чтобы выиграть время».

Ниже приведена часть «Записок» Беннигсена, где речь идёт о его донесении Александру I, после сражения под Фридландом.

«...На основании этого донесения я получил от императора разрешение вступить с неприятелем в переговоры о заключении перемирия и поручил князю Багратиону переслать начальнику французского авангарда собственноручное мое письмо, написанное ему по этому предмету, с надежным и толковым офицером, но не ранее того, как последние наши отряды совершат переход через Неман. Письмо это было следующего содержания: «После потоков крови, пролитых в последних битвах столь же убийственных, как и частых, я желал бы облегчить бедствия этой губительной войны, предложив перемирие прежде, нежели вступить в новую войну, быть может, еще более

жестокою, нежели предшествовавшая. Я прошу ваше сиятельство донести до сведения начальников французской армии об этом с моей стороны намерении, которое может повлечь, весьма вероятно, последствия тем более плодотворные, что речь идет о всеобщем конгрессе, и предотвратит бесполезное пролитие крови. О последствиях вашего сношения, ваше сиятельство, не замедлите меня уведомить».

Как было принято мое предложение, и с какой готовностью Наполеон старался не только заключить перемирие, но даже и мир – читатель увидит из нижеследующего изложения.

После того, как самые последние отряды нашей армии перешли на правый берег Немана, князь Багратион послал с моим письмом майора Щепина к неприятельским аванпостам. Этот офицер был приведен к Мюрату, который сперва заподозрил, что все это – военная хитрость, с целью выиграть время, необходимое для переправы русских войск на противоположную сторону реки. Когда же из слов майора Щепина Мюрат убедился, что только на левом берегу Немана осталось не более полусотни казаков, которые забавляли еще его авангард, а что вся наша армия перешла уже Неман, он сказал ему, что доставленное письмо будет препровождено немедленно к Наполеону».

На самом деле всё было несколько иначе. Главком Беннигсен, по своему обычаю трактует события в выгодном для себя свете, но факты вещь упрямая.

После того, как 14 июня 1807 года Наполеон наголову разбил генерала Беннигсена под Фридландом, а остатки русской армии едва успели переправиться через Неман – французский император прибыл в Тильзит.

22 июня Александр отправил к нему адъютанта генерала Лобанова-Ростовского, чтобы договориться о перемирии и личной встрече. Посол был любезно принят, приглашен на обед, во время которого французский император поднял тост за здоровье русского царя.

тогда своего союзника.

Встреча была назначена на 25 июня.

Надо сказать, что в 1807 году в Европе сложилась уникальная ситуация – весь континент был фактически захвачен Францией. Наполеон в своей автобиографии писал о том, что для полного покорения Европы необходимо было уничтожить Англию. В лице России французский император видел

Александр I понимал, что его коалиция с Пруссией, Англией и Швецией потерпела крах. Во многом из-за этого и стал возможен Тильзитский мир.

Что же касается Беннигсена, то уже 26 июня он был смещён с поста главнокомандующего, покинул армию, и уехал в своё имение. Ни общество, ни император не простили ему поражения во

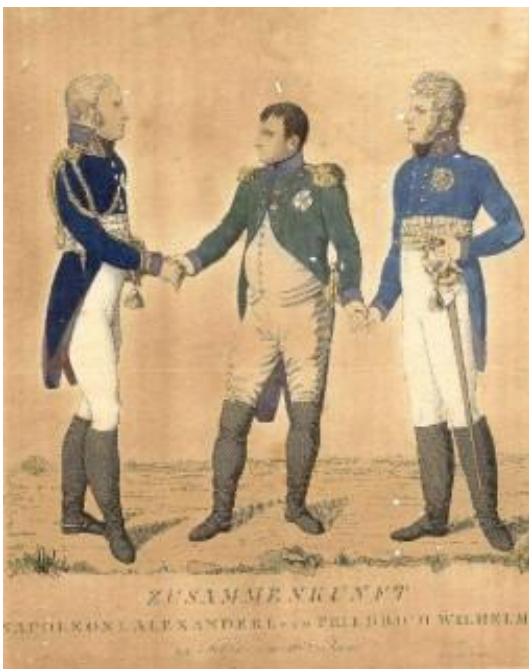
Фридландском сражении.

На службу он вернётся лишь через пять лет, в апреле 1812-го.

24. Свидание с Наполеоном.

2 июня 1807 года королева вновь покидает Кёнигсберг и уезжает в Мемель.

Тильзит. 21 июня Франция и Россия заключают перемирие, «дабы в продолжение одного иметь возможность – вести переговоры, заключить и подписать мир, который положил бы конец кровопролитию, столь противному человеколюбию» (Внешняя политика России XIX и начала XX века, 1963). Инициированные мирные переговоры проходили в пышном шатре, установленном на плоту на реке Неман.

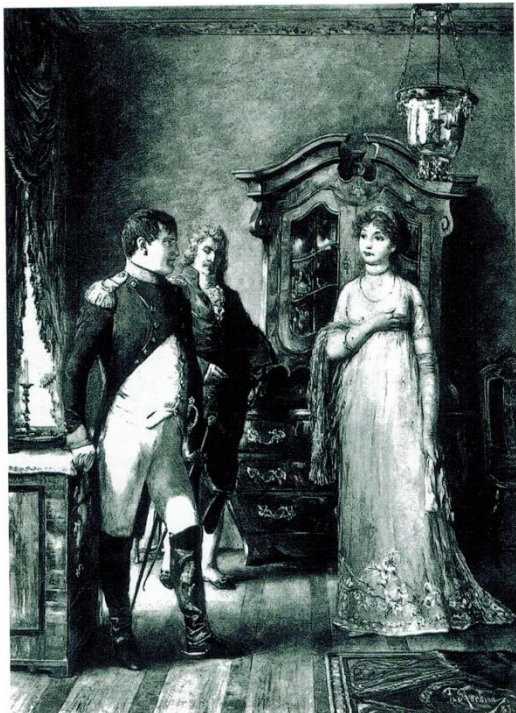
Перемирие между Францией и Пруссией было подписано спустя четыре дня – 25 июня. Поначалу прусский король был допущен к переговорам лишь среди второстепенных лиц, пока Россия заключала с Наполеоном сепаратный мир. В ход переговоров в Тильзите Наполеон вообще хотел ликвидировать Пруссию, разделив её между Францией и Россией. «Подлый король, подлая нация, подлая армия, держава, которая всех обманывала, и которая не заслуживает существования», – так Наполеон убеждал Александра.

Прусский король Фридрих Вильгельм III, к которому Наполеон испытывал, и открыто это показывал, полнейшее пренебрежение, решил прибегнуть для спасения государства к последнему средству – красоте и очарованию своей жены.

Поскольку уже было очевидно, сколь беспощадно французский император обойдётся с уже побеждённой Пруссией, прусский парламентёр граф Калькройт изложил королю своё мнение о том, что «хорошее действие возымело бы, если бы её величество королева могли бы быть здесь, и чем раньше, тем лучше». Но Фридрих Вильгельм незадолго до этого написал своей супруге в Мемель о своих впечатлениях от Наполеона: «Я видел его, я разговаривал с этим извергнутом чудовищем, созданным Вельзевулом в наказание земли! [...] Нет, никогда у меня не было столь сурового опыта...». Несмотря на эти высказывания, прусский король передал супруге предложение Калькройта. Луиза ответила: «Ваше письмо с приложением от К. добралось до меня вчера поздним вечером. Его содержание произвело впечатление, которое вы предвидели. Тем не менее, моё решение было

твёрдым в тот же момент. Я спешу, я лечу в Тильзит, если вы того желаете».

7. ↑ Встреча королевы Луизы и Наполеона в доме мельника Хубера. Картина Франца Скарбины

Встреча Луизы с Наполеоном состоялась в Тильзите 6 июля 1807 года в доме советника юстиции Эрнста Людвиг Зира, где Наполеон остановился на время переговоров. Об ожидаемой встрече Наполеон кратко замечает в письме к жене Жозефине: «Красивая королева Пруссии собирается обедать со мной сегодня».

Вечером 6-го июля 1807 года Наполеон собирался принимать королевскую чету в доме № 24 по Дойчештрассе, но прежде он посетил дом мельника Хубера на улице Шлоссмюлентайх (позднее Шлоссплатц, а № 11 с переменной нумерацией стал № 4).

Дом являлся квартирой «на распутье» для Фридриха Вильгельма III, поскольку король вынужден был остановиться в отдалении от Тильзита в деревушке Пиктупенен – небольшой посёлок в Литве, между

Таураге и Советском, расположен на речке Пиктупе (Злая), больше похожей на ручей,

в. 1 Дом королевы Луизы

история которого связана с именами Александра I, Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы.

4-го июля из Мемеля (Клайпеда) в Пиктупенен прибыла королева Луиза, после того как Наполеон выразил своё пожелание встретиться с ней. Её пребывание в Пиктупенен продлилось до 10-го июля. Отсюда Луиза совершала поездки в Тильзит, где и происходили встречи с Наполеоном.

Пока Тильзитский мир ещё не был подписан, надежда на смягчение условий мирного договора оставалась – Луизе казалось, что в личной беседе с Наполеоном возможно, что-то спасти, изменить для Пруссии.

6-го июля в доме на Шлоссмюлентайх состоялась их первая встреча (в доме советника юстиции Эрнста Людвиг Зира, где Наполеон остановился на время переговоров, состоялся ужин в этот же день, куда была приглашена прусская королевская чета). Разговор тет-а-тет явно затянулся и был прерван Фридрихом Вильгельмом, в нетерпении заглянувшим в комнату... Мы подробно об этом эпизоде и о пребывании Луизы в Тильзите рассказали ранее.

На свидание с королевой Луизой Наполеон прибыл прямо с верховой прогулки, в простом егерском мундире, с хлыстом в руке. Луиза была одета в украшенное серебряной нитью платье из крепа. По свидетельствам очевидцев, несмотря на некоторую напряжённость, королева выглядела прекраснее, чем когда-либо. Главный министр Карл Август фон Гарденберг обстоятельно подготовил её к беседе. Он посоветовал Луизе проявить любезность, говорить, прежде всего, от лица супруги и матери и ни в коем случае не вести подчёркнуто политических разговоров.

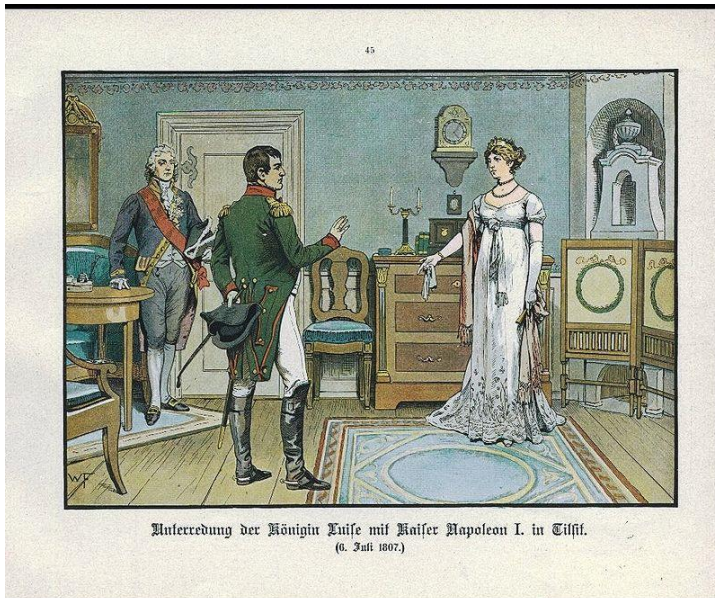
Свидание Луизы и Наполеона проходило наедине и было долгим. Настолько долгим, что прусский король, е выдержав в конце концов своего позорного положения, решил войти и прервать беседу. Но вошёл он всё-таки рано, ибо, как говорил шутя Наполеон своим маршалам, «если бы король прусский вошёл в комнату немного позже, мне бы пришлось уступить Магдебург».

Луиза просила Наполеона о сдержанности в подходе к мирным переговорам, тот давал неопределённые ответы, но сделал комплимент её гардеробу.

Впоследствии Луиза положительно оценила свои личные впечатления от этой беседы. Император тоже остался под впечатлением, он оценил красоту Луизы. На следующий день после встречи он напишет Жозефине: «Королева Пруссии вчера обедала со мной. Мне приходилось изо всех сил защищаться, чтобы не пришлось делать дальнейших уступок её мужу; я был галантен, но не отступал от своего. Королева очень любезна».

Впечатления императора французов о королеве Луизе и её красоте остались не только в его письмах и разговорах с приближёнными. Они попали в художественную литературу. Первым это сделал знаменитый французский писатель Александр Дюма в романе «Учитель фехтования». Упомянув встречу Наполеона и той, «которая надеялась когда-то побудить своего победителя», романист описал встречу всего несколькими предложениями:

«Увидя её в первый раз, Наполеон сказал ей:

– Я знал, что вы красивейшая из императриц, но не знал, что вы красивейшая из женщин.

Милостивое расположение корсиканского героя не было, однако, продолжительно. Однажды Луиза держала в руках розу.

– Подарите мне эту розу, – сказал Наполеон.

– Подарите мне Магдебург, – отвечала королева.

– О, нет, – воскликнул Наполеон, – это

слишком дорого!

В негодовании королева бросила на пол розу и не получила Магдебурга».

В этом романе, вышедшем в Париже в 1840 году, Дюма лишь вскользь коснулся имени Луизы Прусской. А что касается подлинности сказанной Наполеоном галантной фразы, то француз всегда оставался французом, император ли он или простой ухажёр.

Лишь позднее Наполеон признал, что ему казалось, будто он слушал «попугая Гарденберга».

До встречи с Луизой, Наполеон неоднократно чрезвычайно пренебрежительно отзывался о прусской королеве: она, якобы, несёт вину за начало войны, она «женщина с прелестными чертами, но слабая духом ... Её, должно быть, мучают страшные угрызения совести за те страдания, которые она причинила своей стране». Оккупировав Берлин, Наполеон отдал распоряжение опубликовать часть обнаруженной частной переписки Луизы, в

свою очередь Луиза никогда не скрывала своего глубокого отвращения к Наполеону и убеждённости в его аморальности.

В мемуарах знаменитого французского политика и дипломата Талейрана, князя Беневентского, занимавшего тогда пост министра иностранных дел, сохранилась фраза императора французов, в подлинности которой сомневаться не приходится. В своей приёмной Наполеон задал королеве прусской весьма жёсткий вопрос: «Как вы решились, сударыня, воевать со мной при ничтожных силах, имевшихся в вашем распоряжении?» Что в тот момент было на душе у королевы, сказать невозможно (можно только делать те или иные предположения), но ответила достойно: «Государь, я должна признаться вашему величеству, что слава Фридриха II ввела нас в заблуждение относительно вашего могущества». Было ли это сказано с глубоким вздохом сожаления, Талейран не говорит, но удачное упоминание о былой славе показалось ему великолепным, а сам ответ – прекрасным. И он так часто повторял ответ Луизы, что однажды Наполеон сказал ему: «Не знаю, что вы находите такого удачного в словах прусской королевы; вы бы лучше говорили о чём-нибудь другом». Хитрый и беспринципный политик, готовый ради денег на всё, Талейран в своих воспоминаниях всегда выставлял себя с лучшей стороны. В этом фрагменте мемуаров он выставляет себя защитником интересов Пруссии. И был «возмущён всем тем, что видел и слышал, но был вынужден скрывать своё негодование. Поэтому я, – пишет Талейран, – навсегда сохраню благодарность к прусской королеве – королеве иных времён – за то, что она соизволила его заметить. Если иногда размышления о моей жизни горестны для меня, то я по крайней мере с очень приятным чувством вспоминаю слова, которые она тогда по доброте своей сказала, и доверие, которое она мне оказала мне. «Князь Беневентский, – сказала она мне, когда я в последний раз имел честь провожать её к экипажу, – только два человека жалеют о том, что я явилась сюда: это я и вы. Вы не досадуете на то, что у меня сложилось такое мнение?» За меня ответили слёзы умиления и гордости, выступившие у меня из глаз».

Вряд ли королева знала характеристику Талейрана, иначе бы она не откровенничала с французским министром, которого сам Наполеон отхлестал публично словами: «Вы вор, мерзавец, бесчестный человек» Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь нарушали все свои обязанности, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца!», закончив уничижительными словами: «Вы – грязь в шёлковых чулках!» О личности Талейрана мы чуть позже расскажем, касаясь других исторических событий.

Каких-либо конкретных признаний королева не делала. О разговоре тет-а-тет, продлившемся около часа, император сообщил 8 июля в письме своей супруге Жозефине Богарне в Париж: «Королева Пруссии действительно обворожительна, она была полна кокетства со мной. Но не ревнуй, я как вощёная холстина, с которой всё скатывается. Мне было нелегко быть галантным».

Луиза произвела впечатления не только на коронованных особ или их сановников, но и на русских офицеров, среди которых был тогда полковник артиллерии Алексей Петрович Ермолов. «Красавицей с наполненными слёз глазами» запомнилась генералу Ермолову Луиза на обеде в её честь у Наполеона, «стараясь казаться весёлой, предстала победителю, против которого возбуждала она к войне свои ополчения».

Быть весёлой у неё действительно не было причин. Сохранением своего существования королевство прусское было обязано лишь доброй воле императора Наполеона.

О чём тот и не преминул подчеркнуть в 4-й статье русско-французского договора о мире и дружбе: «Е. в-во император Наполеон из уважения к е. в-ву императору всероссийскому и во изъявление искреннего своего желания соединить обе нации узами доверенности и непоколебимой дружбы соглашается возратить е. в-ву королю прусскому, союзнику е. в-ва императора всероссийского, все те завоёванные страны, города и земли, кои ниже сего означены...».

Условия заключённого 9 июля 1807 года Тильзитского мира действительно оказались для Пруссии крайне жёсткими. Государство лишилось половины своей территории и населения — всех земель западнее Эльбы и польских владений. Французская оккупационная армия находилась на довольствии у Пруссии. Контрибуционные обязательства в размере 100 миллионов франков, возложенные на Пруссию, значительно превышали возможности страны. Тем не менее, Пруссия не исчезла с карты мира как страна, отчасти благодаря ходатайству русского императора, заинтересованного в буфере между своей империей и Наполеоном.

*«Королева Луиза и Наполеон в Тильзите».
Эскиз памятника в Тильзите
работы Густава Эберлейна. 1899*

Публикация по материалам статьи члена правления Калининградского клуба краеведов Б. Н. Адамова и статьи Т. С. Урупиной из книги «Тильзитские доминанты».

25. «ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР».

Наполеону нужен был мир не меньше, чем Александру, но всё же российский император поставил свои условия для встречи.

Она должна происходить на независимой земле, а не на территории Франции или на территории страны и ее сателлита.

Россия не признает никаких притязаний на географическую целостность своей стороны.

Наполеон заверил российских послов, что оба пункта будут исполнены.

Местом для переговоров был предложен плот на нейтральной территории — середина пограничной реки Неман.

По приказу Наполеона посреди реки устроили плот с двумя павильонами, обтянутыми белым полотном.

Большой павильон предназначался для встречи. На нем начертаны большие буквы: А, обращенная к русской стороне, N — в сторону Тильзита.

В назначенное время под бой барабанов и звуки труб у берега появился Александр, а на противоположном берегу, приветствуемый выстроенной с двух сторон гвардией, выехал Наполеон.

Императоры с каждого берега сели в лодки и отправились к середине реки. На плоту оба государя сняли шляпы и тепло обнялись.

Переговоры Александра и Наполеона продолжались немногим менее одного часа. Все это время на берегу реки Неман находился император Пруссии.

Он рассчитывал, что Наполеон согласится его принять, чтобы обсудить судьбу немецкого государства. Позиция Бонапарта заключалась в том, что Пруссия должна была исчезнуть с карты Европы:

«Это подлая нация, которой руководит подлый монарх, в его подчинении подлая армия. Они всегда и всех предавали, и не заслуживает дальнейшего существования».

Заметим, что лишь позиция российского императора помогла сохранить Пруссию, как государство. Ну об этом чуть позже...

В ходе переговоров Александр I отверг предложение Наполеона быть императором Востока, предоставив тому оставаться императором Запада. На практике это означало бы вытеснение России из участия в европейских делах., а на это русский царь не мог согласиться.

Переговоры между державами приходили очень быстро. По всем пунктам мировых соглашений удалось договориться очень быстро. Несмотря на это пребывание в Тильзите составило две недели. За это время императоры обеих стран были практически неразлучны, тем самым создавая перспективы для будущего мира. В результате всех этих событий был подписан Тильзитский мир, условиями которого стали:

Признание со стороны России всех завоеваний, которые осуществил Наполеон в Европе.

Россия должна была присоединиться к континентальной блокаде против Англии. Своей сути это означало, что Александр разрывает все торговые отношения с туманным Альбионом.

Всем английским судам был запрещен вход в российские порты.

Между Францией и Россией был подписан военный союз. По условиям этого союза страны были обязаны поддерживать друг друга в любой войне, как в наступательной, так и в

оборонительной.

От Пруссии отходили Польские земли. На этой территории создавалось новое государство — Герцогство Варшавское, которое находилась в прямой зависимости от Франции.

Россия официально признавала всех ставленников, которых Бонапарт поставил на престол европейских держав.

Франция перестает показывать любую помощь Турции, а Россия в ответ должна вывести свои войска из Молдавии и Валахии.

Полное признание, всеми участниками соглашений, созданного ранее рейнского союза.

Тильзит, без всякого сомнения, является выгодным для России мирным договором. Однако, нельзя разделять мнение многих историков, которые относят это к успеху отечественной дипломатии. Фактически Бонапарт сам сделал для Александра I всю

работу, предложив тому крайне выгодные условия. В результате обе страны оказались в выигрышном положении: Россия теперь могла сосредоточиться на борьбе с Турцией, не опасаясь, что Франция будет вмешиваться в данный конфликт.

Наполеон впервые мог насладиться европейским миром. Теперь оставалась только Англия, к войне с которой и начали готовиться.

26.«Тильзитские тайны».

Итак, Россия признаёт завоевания Наполеона, а его самого – императором, и присоединяется к континентальной блокаде Англии.

Франция предоставляет свободу действий в отношении Швеции, это означает – можно завоёвывать Финляндию.

Отодвинуть границу от Санкт-Петербурга мечтали давно. А Швеция — самый традиционный соперник на севере, воюем с ней со времен Александра Невского. После Тильзита только шведы не поддерживают блокаду Англии. Король Густав возвращает Александру звезду Андрея Первозванного. Он не желает носить такой же орден, как у Бонапарта. Через сто лет после Полтавы — последняя русско-шведская война.

Наполеон внушал Александру в Тильзите: «Швеция — ваш враг уже в силу географического положения».

Пользуясь случаем, Александр объявляет о присоединении к России Финляндии — восточной и южной части Шведского королевства. Армия легко переходит границу, неприятель отступает почти без боев. Остров Суоменлинна, по-шведски Свеаборг (Sveaborg — «шведский замок»). Самую крупную крепость Шведского королевства русские берут уговорами. Коменданту крепости предложили: если к определенной дате не приходит на помощь шведский флот, то крепость сдается. Флот на подмогу не пришел — крепость сдалась. С гарнизона взяли честное слово, что они больше не будут участвовать в боевых действиях. И с тем распустили по домам.

Но блицкрига не вышло. Местные жители уходят в партизаны, на Аланских

островах целое восстание. Война растянулась на год с лишним.

Самый известный эпизод войны — это, конечно, марш-бросок русских войск по льду Ботнического залива [7 марта 1809 года) и вторжение уже собственно в Швецию. Хотя были опасения, что лед не выдержит, Багратион говорит прибывшему из Петербурга военному министру Аракчееву: «Коль будет приказ — пойдем». Приказ был дан. Генерал Я. П. Кульнев доходит до Гриссельгама, Барклай-де-Толли — до Умео. Через 2 дня, увидев русских в

100 верстах от Стокгольма, 9 марта 1809 года, шведы предложили заключить перемирие. По договору от 5 сентября 1809 года Швеция лишается одной трети своей территории. Россия получает Финляндию в «вечное владение».

В Петербурге сперва роптали, мол, в угоду корсиканцу ополчились на слабого соседа и близкого родственника — Александр и король Густав IV были женаты на родных сестрах. Но победа заглушает укоры: в бочке тильзитского дегтя — ложка финского меда. Король-свояк, не желавший заключать мир с Россией, низложен, император Всероссийский теперь еще и Великий князь Финляндский.

Городок Борго – русские используют не финские, а шведские названия, которые таким образом достаются от одной метрополии другой метрополии, в Российской империи Хельсинки называют Гельсингфорсом, а Порвоо — Борго. Здесь Александр I открывает будущие 108 лет российской истории Финляндии.

В церкви представители всех сословий собираются на заседания Финского сейма. Впервые в истории империи в ее состав входит колония, в политическом отношении явно более передовая, чем сама Россия. Речь Александра перед депутатами переводит генерал-губернатор Финляндии Граф Георг Магнус Спренгтпортен. Александр говорит: «Я обещал вам сохранить вашу Конституцию, ваши основные законы. Ваше собрание здесь удостоверяет вам мое обещание».

Финляндия получает даже больше прав, чем она имела, входя в состав Швеции. Это, скорее, не права, а привилегии. Великое княжество Финляндское освобождено от центральных налогов. Финляндия не поставляет рекрутов в русскую армию. «Не служить и не платить» станет финским правилом в Российской империи. У алтаря поставят памятник Великому князю Финляндскому Александру, государю-благодетелю.

Англичане — главные торговые партнеры России. После присоединения Александра к наполеоновской блокаде Англии курс рубля упал на 50 процентов. Ропщет униженная поражениями армия, высшее дворянство возмущено союзом с корсиканским выскочкой. Александру даже намекают на возможность повторения участи отца. Но царь держит удар, ему нужно выиграть время.

Тильзитский мир рассорил Александра с аристократическим кружком его друзей — младореформаторов. Ближайшим сотрудником императора, а потом на короткий срок даже вторым человеком в стране становится сын сельского дьячка из Владимирской губернии Михаил Сперанский. Административный гений, он определяет структуру учреждаемых

министерств, составляет первый русский план разделения ветвей власти и выборного представительства, вплоть до Государственной думы, и предлагает высший совещательно-распорядительный орган — Государственный совет. Сперанский — автор обоих этих названий. Вышла вроде бы конституционная монархия, однако без конституции.

Сперанский стремится облечь правление всеми внешними формами закона, оставив ту же силу и то же пространство самодержавия. Учредили только Государственный совет, и Сперанский стал первым нашим государственным секретарем. Он же зимой 1810 года впервые в русской истории прибегает к шоковой экономической терапии. Рекордный дефицит госбюджета, расстроены финансы — за бумажный рубль давали 25 копеек серебром — Сперанский лечит, снижая расходы, остановив эмиссию и повысив акциз на водку. Поступления в бюджет вырастают более чем вдвое. Страна избежала дефолта и получила средства на подготовку к войне.

Сперанский сопровождал Александра во время поездки в Эрфурт и был представлен Наполеону. Наполеон проявил интерес к молодому чиновнику и даже в шутку предложил Александру за Сперанского одно из завоеванных королевств. Также Наполеон подарил Сперанскому украшенную бриллиантами табакерку со своим портретом работы Жана-Батиста Изабе на крышке.

Но кто любит шоковых терапевтов в своем отечестве? Сперанского считают изменником, к тому же госсекретарь не таит своего скептического отношения к личным качествам государя.

Благодаря своим способностям во время обучения в семинарии получил фамилию Сперанский от латинского глагола sperare («надеяться») — юноша действительно подавал большие надежды. Окончив главную семинарию России в Александро-Невском монастыре в Петербурге, он остался в ней преподавателем математики и естественных наук. Писал стихи, некоторые из них были напечатаны в журнале «Муза». Отказавшись от церковного служения, Сперанский сделал стремительную государственную карьеру, став вторым лицом в государстве после императора. Он написал ряд политических сочинений, в том числе посвященных реформам в России. Консерваторы видели в нем не просто реформатора, а преступника, стремящегося

разрушить исконный русский уклад, и противопоставляли его либеральным взглядам консервативные воззрения Карамзина. В 1812 году Александр I отправляет Сперанского в отставку, но впоследствии возвращает на государственную службу: следует назначение на должность пензенского губернатора, затем генерал-губернатора Сибири; Николай I, в свою очередь, даже ввел Сперанского в состав суда над декабристами, однако былого политического влияния тот так и не обрел, более того, отказался от реформаторской деятельности. Мистические настроения, овладевшие Сперанским, сподвигли его на перевод с латыни трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу». Парадоксальную характеристику этому политическому деятелю дал историк В.О. Ключевский: «Вольтер в православно-богословской оболочке».

В публикации использованы материалы из книги Л. Парфёнова «Российская империя».

27. Город среди природы и природа в городе.

Со времён промышленной революции умы архитекторов занимала идея города-сада.

В этом Тильзиту повезло – он никогда не утрачивал связи с природой и был дружен с садами и парками.

Разумеется, любой город представляет собой синтетическую, искусственно созданную людьми среду обитания. Чем

сильнее урбанизация, тем больше отдаляется человек от первозданной природы. Преимущество небольшого города в том и заключается, что окрестности с малыми

речками, с лесами и лугами расположены в непосредственной близости от него. Зелёный наряд Советска составляют многочисленные породы деревьев и кустарников. Нас не подстерегает монотонная однообразность рельефа. Высокие юго-восточные берега Немана, широкая долина реки с пологими берегами в нижнем течении образуют динамичный, меняющийся ландшафт. От моста королевы Луизы вверх по течению виднеется холм, без застывшего силуэта которого невозможно представить левый берег Немана. Поросшая старыми деревьями гора, в прошлом Шлосберг (замковая гора), известна многим жителям города, так как к ней примыкают дачи на улице Сельской. А более близкий к городу холм (в прошлом Энгельсберг – гора ангелов) тоже поднимается над левым берегом реки и узнаваем по возвышающейся над ним старой водонапорной башне.

Чтобы ощутить простор Немана, подсмотреть притаившихся у воды цапель, почувствовать бесконечность небесного свода и услышать звенящих в высоте жаворонков, можно отправиться на дамбу. Или подняться наверх по Жилинскому шоссе – туда, где более двухсот лет простояла липа Наполеона. Отсюда можно любоваться панорамой города, раскинувшегося внизу.

По сравнению с Неманом, река Тильза совсем маленькая. Её длина составляет всего-то 27 км. Истоки реки находятся в Черняховском районе у посёлка Калужское. Многочисленные ручьи, сливаясь, превращаются здесь в речку, подарившую историческое название не только Тильзиту. У посёлка Ветрово через Тильзу перекинут высокий мост. Перед ним речка делает «крутой вираж» и, петляя среди лугов, устремляется в сторону Советска.

Есть ещё одна речка-невеличка, протекающая сквозь бурелом «санаторского» леса. Это речка Смалуп безымянная для нас сегодня, образующая пруд на улице Чапаева и впадающая в Неман. Если от улицы Маяковского пойти по улице Сиреновой в сторону «санаторского» леса, то нас неминуемо ожидает встреча с арочными «римскими» мостиками над Смалупом, чудесным образом придающими значительность, казалось бы, незначительной речке.

Издавна богатейший природный ресурс использовался во благо городу. Вокруг обширного пруда Шлоссмюлентайх в начале XX века был создан протяжённый прогулочный маршрут. А живописная дорожка вдоль Тильзы вела к железнодорожному мосту. В начале этого пути, с привязкой к ручью, был заложен ботанический сад. Как на Мемеле, так и на Тильзе были обустроены открытые бассейны-купальни.

Для прогулок хороша была Философская тропа (Philosphen Gang) в северо-западной части города. В отдалённом прошлом она начиналась приблизительно там, где теперь находится мясокомбинат. Время вносило свои коррективы: на берегах Мемеля, как грибы, росли предприятия, и тропа становилась короче, но небольшой её отрезок сохранился. От Артиллерийской улицы тропа-аллея с громадными клёнами тянется вдоль территории ЦБЗ и, поворачивая налево, приводит нас к улице А. Невского. В Кёнигсберге прогулочные маршруты Иммануила Канта образно называли «философским путём» великого учёного. А в Тильзите по Философской тропе гуляли доморощенные философы и неисправимые романтики. И ещё мальчишки, поглядывая в сторону трубы фабрики Вальдгофа (ЦБЗ), спорили о том, какова их высота, а потом о чём-то о своём, сокровенном.

Как и прежде, берега Немана и Тильзы, зелёные массивы Городского (Якобсруэ) и Детского (Йоаханна Вехтера) парков, сквер-мемориал у театра (Ангер), «санаторский» лес остаются любимыми местами отдыха горожан.

Но неповторимый шарм города, пронизанного запахами цветущих лип, декоративных кустарников, Советск, к сожалению, теряет, а стриженные «под ноль» деревья – каштаны, ясени, липы не вяжутся с привычным для жителей послевоенного времени обликом города.

«Ландшафтная среда». Глава из книги Т. С. Урупиной «Тильзитские доминанты».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006175
 Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0
 Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, Ausstellungsplatz. (1905), © O. v. Mauderode, Tilsit

Жизнь Тильзита неразрывно связана с парком, имеющий давнюю историю. Что такое парк – вроде бы и объяснять не надо. Начнём с того, что слово «парк» происходит от латинского «parkus» и означает «отгороженное место». В широком значении парк – это декоративный сад с разнообразием растений, роща с дорожками, аллея для гуляния, с площадками для игр,

водоёмами, фонтанами, малыми архитектурными формами, скульптурой.

Сады и парки создавались людьми для радости души, для любования. Они располагали к отдыху, к философским размышлениям, не исключая развлечения и забавы. Парк всегда подразумевает наличие творца. Ведь, в отличие от неприрученной природы, это явление рукотворное, существующее по законам красоты. Однажды созданный, любой парк навсегда нуждается в кропотливом и профессиональном уходе. Иначе наступают запустение и деградация.

Обратившись кратко к истории садов, мы узнаем, что на Востоке и в Западной Европе они существовали не просто издавна, но с древнейших времён. Специалисты

по садово-парковому искусству предполагают, что европейские пейзажные парки возникли под воздействием китайских, открытых Европой в XVIII веке. Возраст китайских садов – более трёх тысяч лет. Сады Японии моложе, но и им полторы тысячи лет. Искусные сады камней и растений для японцев являются микрокосмом, вселенной в миниатюре.

В античности парки умели приспособить, подчинить сложному рельефу местности – будь это священные рощи и философские сады Древней Греции или дворцово-парковые ансамбли Древнего Рима. Так, римские парки часто разбивались на террасированных склонах, соединённых лестницами и пандусами с морским побережьем. Площадки террас использовались для деревьев и декоративных растений, бассейнов и фонтанов.

Прообразом регулярных парков с осевой композицией и строгой геометрической планировкой послужили античные римские и итальянские ренессансные сады. С особым размахом идея регулярного парка воплотилась в XVII веке в Версале – королевской резиденции Людовика XIV. Ландшафтный архитектор Андре Ленотр всю жизнь посвятил созданию дворцового парка, надолго лишившего покоя правителей Европы и ставшего образцом подражания. Сильным мира сего хотелось иметь «свои» Версали.

В XVIII веке, в эпоху классицизма и просвещения, на смену регулярным французским паркам пришли пейзажные английские, максимально близкие к естественной природе. В них не подстригали деревья и кустарники. Преобразующая деятельность человека в пейзажном парке неназойливо обнаруживала себя в поправках рельефа, создании искусственных прудов, посадке разнообразных пород деревьев.

В прославленных дворцово-парковых ансамблях петербургских пригородов соединились европейские традиции регулярных и пейзажных парков. В самих названиях угадываются стили: Английский – в Петергофе, Голландский – в Царском Селе (вкусам голландского барокко соответствовали «зелёные кабинеты» и фонтаны).

В России конца XVIII – начала XIX веков усадебные сады создавались не столько под воздействием эстетики английских парков, сколько под немецким влиянием. Переводы сочинений о садах немецкого поэта К. Гиршенфельда пользовались популярностью и учили созданию меланхолического сада под густыми кронами деревьев или приусадебного уюта с цветниками непосредственно у дома.

Роскошный парк Версаля расцвёл на месте покорённых человеком болот. Скромный парк Якобсруэ в Тильзите тоже начался с осушения заболоченных мест, с преобразования и окультуривания дикой природы.

воплощать свое романтическое мироощущение в противовес медленному, но неотвратимому натиску эпохи паровых машин и шумных фабрик.

Для парка Якобсру была выбрана местность на юго-западе города, где хвойный лесочек – Putschine со свободно растущими елями и соснам, чередовался с заброшенным пастбищем, стародавним кладбищем и тоскливой пустошью. Вся эта территория переходила в городской лес. Парк изначально планировался без дорогостоящих затрат: в нем не предусматривалось гидротехнических и декоративных сооружений – каскадов, гротов и вычурных парковых построек с мраморными вазами.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002861 / 3-6_2861

Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Park Jakobsruh, Schwanenteich V. (1925-1943), © Stengel, Dresden

одноэтажный фахверковый дом под соломенной крышей, окружённый подворьем. По соседству находилось кладбище. В путеводителе по Тильзиту 1911 года приводятся сведения о том, что кусок земли величиной в четыре моргена на ручье принадлежал извозчику Самуэлю. В 1800 году земельная администрация города приобрела участок с фахверковым домом у супругов Самуэль за одну тысячу талеров. В доме поселили сторожа и пастуха, а часть комнат сдавалась городом в аренду, пополняя городскую казну. В 1821 году дом, сад и выпас для одной коровы были взяты в аренду поваром Кольбе за 50 талеров. Он организовал в доме гостиницу, которая стала приносить ему приличный доход.

На купленном городом у супругов Самуэль земельном участке построили городской стрелковый тир взамен прежнего, находившегося на Магацинштрассе

Парк города Тильзита – Якобсруэ обязан своим рождением восторженным любителям природы. Это были довольно энергичные тильзитцы, которые в 1823 году объединились в «Союз декоративного садоводства», и стали заниматься посадкой деревьев, устройством аллей и клумб, одним словом – украшением города и

воплощать свое романтическое мироощущение в противовес медленному, но неотвратимому натиску эпохи паровых машин и шумных фабрик.

Для парка Якобсру была выбрана местность на юго-западе города, где хвойный лесочек – Putschine со свободно растущими елями и соснам, чередовался с заброшенным пастбищем, стародавним кладбищем и тоскливой пустошью. Вся эта территория переходила в городской лес. Парк изначально планировался без дорогостоящих затрат: в нем не предусматривалось гидротехнических и декоративных сооружений – каскадов, гротов и вычурных парковых построек с мраморными вазами.

Рельеф местности, выбранной для парка Якобсруэ, представлял собой чередование холмов и низин. Горки с южной части парка у Зелёного театра знакомы всем, и особенно детям, катающимся с них зимой. Когда-то эти холмики были песчаными дюнами, а севернее от них находились болотистые пастбища и заросли мелкого кустарника, среди которых протекал ручей Мервиш.

Уже в конце XVIII века у ручья стоял одноэтажный фахверковый дом под соломенной крышей, окружённый подворьем. По соседству находилось кладбище. В путеводителе по Тильзиту 1911 года приводятся сведения о том, что кусок земли величиной в четыре моргена на ручье принадлежал извозчику Самуэлю. В 1800 году земельная администрация города приобрела участок с фахверковым домом у супругов Самуэль за одну тысячу талеров. В доме поселили сторожа и пастуха, а часть комнат сдавалась городом в аренду, пополняя городскую казну. В 1821 году дом, сад и выпас для одной коровы были взяты в аренду поваром Кольбе за 50 талеров. Он организовал в доме гостиницу, которая стала приносить ему приличный доход.

На купленном городом у супругов Самуэль земельном участке построили городской стрелковый тир взамен прежнего, находившегося на Магацинштрассе

(улица Жуковского). Старый тир был расположен примерно там, где стоит краснокирпичное складское строение на улице Жуковского. Обветшалый тир убрали во избежание пожаров – он был опасен для амбаров и прочих хозяйственных построек, которых здесь было предостаточно.

25.
← Ресторан
Вальдкрug
на почтовой
открытке

24 апреля 1823 года участок с новым тиром впервые упомянут как Якобсруэ. Именно в этот день недавно собранное Садовое общество подало прошение в земельную администрацию города о закладке фруктового и увеселительного сада. Позднее гостиница и сад были переданы по контракту Садовому

обществу, сдававшему дом с участком в аренду. Когда в 1830 году неподалёку среди сосен был построен новый сторожевой домик, то старый дом супругов Самуэль оставили съёмщику. А новая сторожка впоследствии стала Литовским домиком, в котором разместили этнографический музей.

Почти двести лет тому назад, в 1825 году, на заболоченных местах целенаправленно начались осушительные работы Воды болота Элленбрух с помощью дренажных канав отводились в бассейн. Так возник «пруд золотых рыбок» или «лебединый пруд», расположенный в северной части парка. Трудями праведными болото постепенно превращались в дендропарк. В открытый грунт планомерно высаживались деревья и кустарники, насыпались дорожки, создавались аллеи. Обширные работы велись в значительной мере за счёт пожертвований горожан.

Парк формировался по образцу английского пейзажного – с извилистыми дорожками, свободными формами лужаек и прудов. Уход за таким парком, в отличие от французского регулярного, дешевле: в нём не требуется постоянно стричь деревья и кустарники, придавая им задуманную форму. В пейзажном парке важно не нарушать природное равновесие.

Известный английский садовник XVIII века Ланселот Браун вынужден был однажды изменить по желанию заказчика течение ручья и отвести его в усадебное озеро. Ланселот сокрушался, что Темза, в которую впадал ручей ранее, не простит ему подобных перемен.

Лебединый пруд в Якобсруэ спасал местность от топкой низины, за что не нужно было просить прощения у природы.

Пройдёт время и, богатая лиственными и хвойными деревьями растительность парка, декоративные кустарники, многочисленные цветники, сад роз станут объектами любования. От весны до осени зацветут подснежники,

крокусы, красные и жёлтые тюльпаны, циннии и мальвы, астры и далии.

Примерно в тот же период, когда в Тильзите формировался Якобсруэ, князь Герман фон Пюклер-Мускау создавал свой знаменитый Фюрст Пюклер-парк в Бад Мускау на реке Найссе в Пруссии. В 1834 году была издана книга Пюклера «Размышления о пейзажном садоводстве». По сути дела, «размышления» являлись практическим руководством, включая в себя схемы посадки кустарников и деревьев, специальные таблицы. Не исключено, что трактат Пюклера, содержащий конкретные рекомендации садовода-знатока, стал использоваться в процессе формирования тильзитского парка.

Первые шаги по закладке парка были сделаны старшими преподавателями Хайденрайхом, Листом и Ленцем, начавшими ботанические работы. Фердинанд Хайденрайх и Лист к тому же были основателями Садоводческого общества. Активными последователями Фердинанда Хайденрайха в обустройстве парка был его сын – городской советник Адольф

Хайденрайх. Именно ему в 1909 году в парке установили памятник. «Заслуженному другу садов», - гласила надпись в нише-экседре, внутри которой помещался скульптурный бюст А. Хайденрайха. Малая архитектурная форма, исполненная по проекту Гауэра, сохранилась и находится слева от главной аллеи парка.

Территория, ставшая парком, преобразалась, обихаживалась многими любящими свой город людьми. Планировка осуществлялась по чертежам – Карла Фридриха Штайнберга – землемера, члена магистрата. Староста городской церковной общины Коссина, владелец типографии Хайнрих Пост и его сын Адольф Пост, директор бумажной фабрики Кёнен приложили много усилий для превращения заболоченных мест в растительный рай. В честь Кёнена

и А. Поста в парке были установлены обелиски – первый в 1858 году, второй в 1887 году. «Начинателем всего прекрасного и доброго» назвали Кёнена в надписи на обелиске, а Адольфа Поста – «неутомимым созидателем общественного блага». Обелиск Посту был создан по проекту тильзитского скульптора Мартина Эгельке, позднее ставшего автором памятника Максу фон Шенкендорфу. Небольшая улочка, примыкающая к парку с восточной стороны, носила имя А. Поста (Ныне Эстрадный переулок).

Почему же парк назывался Якобсруэ?

Инженер и строитель Вальдемар Тальман, известный тильзитцам своими книгами об истории города, отмечал, что даже в 1829 году в имеющихся источниках (ссылка на Тимма) не было ответа на данный вопрос. О том, что истолковать название парка не удалось, признавался даже доктор Корриннис. Он писал, что примерно в 1800 году в этих местах находился сторожевой дом под названием «Якобсруэ» и парк мог получить название по имени жившего в нём полевого сторожа. Исследуя вопрос, Корриннис ссылается на одну из газет 1829 года, сообщавшую о том, что на территории Якобсруэ «ещё 70-80 лет тому назад была глухомань... пробел в книге природы и на городских картах. Сквозь предрассветные сумерки в истории этого места сперва неясно вырисовывается загон для скота и хижина самогонщика, где позднее поселился некий судебный асессор Якоб Гедун, будто бы назвавший это место для отдыха своим «покоем» (Ruhe).

Вокруг названия места ходит много путанных легенд, без упоминания которых можно обойтись, так как все они географически не существенны – делал вывод Корриннис.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002843 / 3-6_2843
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh mit Heydenreich-Denkmal I. (1909-1915), © Ernst Stengel, Ragnit

И всё-таки упомянем рассказ о том, как в 1822 году Хайденрайх, Лист и Ленц вели ботанические работы рядом с Эллернбрух, Ленц нечаянно соскользнул в болото, а Хайденрайх смеясь воскликнул: «Вот где лежит настоящий Якоб!» Отсюда как будто и возникло название «Якобсруэ».

А ещё вроде бы в парке стоял гипсовый бюст с надписью: «Это настоящий Якоб». Дескать, думайте-гадайте, от

имени какого – настоящего или ненастоящего – Якоба пошло название. Скрытый, переносный смысл поговорки связан с историей святого Иакова – покровителя Испании, нетленные мощи которого принесло к испанским берегам почти восемьсот лет спустя после его мученической смерти в Иерусалиме. Гробницу святого Иакова поместили в соборе города Сантьяго-де-Компастело, ставшего местом паломничества верующих. Но и другие европейские храмы претендовали на обладание мощами, поэтому появлялись ложные гробницы апостола. «Здесь лежит настоящий Иаков», – так говорили только о гробнице в Сантьяго-де-Компастело.

Одна из трёх дочерей Фердинанда Хайденрайха, учительница и художница Аманда Хайденрайх, вспоминала другую легенду, услышанную от отца – о некоем лесничем Якобе, помогавшем в озеленительных работах и после смерти похороненном в парке, нашедшем здесь упокоение. На горках, у подножия которых потом будет установлен памятник королевы Луизе, находилось кладбище. И долго ещё можно было видеть могилу с крестом.

Какой Якоб был «настоящим», так и осталось неизвестно.

В Кёнигсберге возле Шлосстайха – Замкового пруда (Нижний пруд) существовало место развлечений, именовавшееся Якобсруэ. Одна из версий рассматривает заимствование этого названия для тильзитского парка.»

«Парк Якобсруэ. Городской парк культуры и отдыха. Зарождение, обустройство, название парка».

Статья Т. С. Урупиной из книги «Тильзитские доминанты».

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006174
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, Ausstellungsgelände. (1905), ©

Для парка Якобсруэ была выбрана местность на юго-западе города, где хвойный лесочек – Putschine (Пучине) со свободно растущими елями и соснам, чередовался с заброшенным пастбищем, стародавним кладбищем и тоскливой пустошью. Вся эта территория переходила в городской лес. Парк изначально планировался без дорогостоящих затрат: в нём не предусматривалось гидротехнических и

декоративных сооружений – каскадов, гротов и вычурных парковых построек с мраморными вазами.

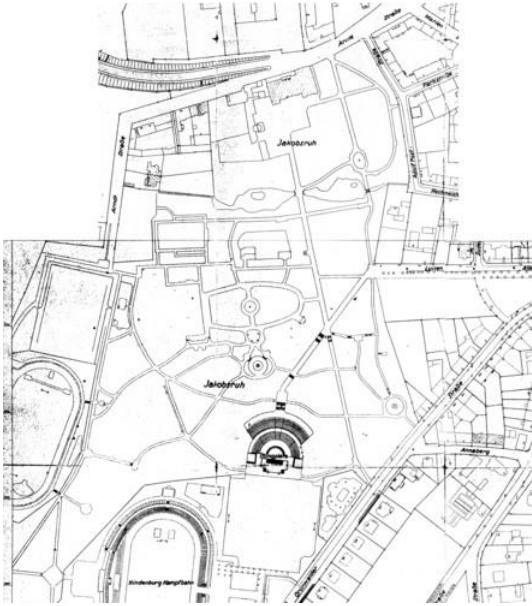
План города Тильзита 1835 года дает нам первое представление о парке. Здесь видно, что освоение территории началось с двух сторон: с Арндштрассе (ныне улица Матросова), и Грюнвальдерштрассе (ныне улица Толстого). Со стороны Арндштрассе по бокам широкого главного входа были устроены цветочные клумбы и зеленые партеры с многолетними травами. Потом начиналась затейливая вязь дорожек и аллей, предназначенных для прогулок, их расположение было подчинено романтической символике. Со стороны Грюнвальдерштрассе (ныне улица Толстого) задача была сложнее – здесь ещё между соснами оставалось старое кладбище. По старой немецкой традиции кладбище было решено превратить в часть паркового ансамбля. Деревья прорядили и ландшафтную меланхолию сменил увлекательный ботанический мир, который стал привлекать тильзитцев во время весеннего пробуждения, цветущего

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002904
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Brücke und Ausstellungshalle. (1907), © O. v. Mauderode, Tilsit

лета, и в пору благородного увядания осенью и степенного зимнего спокойствия. Посередине между этими участками еще некоторое время сохранялось поле, на котором нашлось место для устройства Turn-Platz – площадки для входивших в то время моду занятий гимнастикой.

С течением времени обе части слились воедино, образовав современное пространство парка.

Карта парка 1935 – 1941 годов показывает, что к этому времени в парке появились малые архитектурные формы, фонтаны, памятники и другие сооружения.

Сравнивая оба плана, несложно увидеть, что за сто лет существования парк сохранил свою основную планировочную структуру и главную аллею, которая пересекала парк с севера на юг. Выходит, что главная аллея парка такая же старая, как и сам парк.

Разнообразие путешествию по аллею придавал маленький прудик, через который перекинут небольшой, но надежный каменный мост с широкими каменными перилами и фигурными балясинами. Высокие деревья и плакучие ивы отражались в тихой воде, по зеркальной глади в начале XX века скользили лебеди, и пруд назывался Лебединым – с него-то мы начали рассказывать о парке Якобсруэ в Тильзите. Позже наступили более прозаические времена и грациозных лебедей сменили сноровистые утки. Сменились и название пруда. На одном уединенном островке стояла скульптура «Купальщица с ребенком».

В садово-парковом оформлении парка, помимо дубов, ясеней и бука, бросая вызов климату, росли редкие для балтийского климата породы деревьев из Средиземноморья, Северной Америки и Японии. Большие и свободные от деревьев пространства были заняты просторными клумбами. Цветы на них были высажены в сложных и причудливых орнаментах, а подобраны таким образом, что цветение превращалось в непрерывный процесс от весны до осени.

Каждый сезон в парке имел свои цветы: от весенних, снежно-голубых колокольчиков и крокусов, которые появлялись едва таял снег, до великолепных желтых и красных тюльпанов и мальвы, и позже – до раскаленных георгинов, а потом до палевых и белых астр, встречающих первые морозы. Так парк незаметно менял, и подготавливал свое лицо для зимнего ландшафта. В парк приходили для любования, для мечты, для размышления. Влюбленные пары находили здесь свои романтические тропки. А благородные старцы в солнечный день оживляли свои воспоминания молодости. Маленькие птицы мелькали в ветвях и кустарнике парка. В тенистой таинственности жили иволги, зяблики и кукушки. А вокалы дроздов приносили радость любителям птичьего пения. Парк Якобсруэ радовал глаз и успокаивал душу. С названием Якобсруэ связывались запахи и цвета, звуки и ощущения.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002899
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Brunnen auf dem Ausstellungsplatz. (1905-1910), ©

Вольфа.

Для показа своих достижений местные тильзитские предприниматели не поскупились на создание впечатлительного главного выставочного зала и множества небольших затейливых деревянных павильонов, предназначенных для рекламы продукции.

Gewerbe-Ausstellung Tilsit 1905.
81621 Photograph. u. Verlag R. Minzloff, Tilsit.
Gruss von der Sorbeta Osteria.
www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006147
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, "Sorbeta Osteria". (1905), © Minzloff, Tilsit

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006215
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, Wasserrutschbahn und Kinematograph. (1905), © Minzloff, Tilsit

Как бы не оберегали парк от времени, но эпоха Всемирных выставок коснулась и его. В 1891 году отцы города добились устройства на территории парка Ремесленной выставки.

Следующая выставка происходила в 1905 году. А еще через 5 лет, в 1910 году, в парке был проведен большой многодневный музыкальный праздник под руководством дирижера и директора тильзитской консерватории Вильгельма

Среди тенистых аллей приютились торговые лавочки, кабачок «Сорбета остерия» Оскара Акена, где посетители пробовали пиво местных пивоваров, сыры, овощи.

В оранжерее наслаждались редкими экземплярами цветов и тропических растений.

Для развлечения публики был устроен: бассейн с катальной горкой и башня для обзора окрестностей города. В одном из павильонов работал фотограф, фиксируя для будущих поколений незабываемые моменты праздника.

Еще одним притягательным местом парка был деревянный домик под тростниковой крышей. Он назывался – домик литовца. Его предназначение состояло в том, чтобы показать сельский

архитектурный стиль Прусской Литвы – одного из исторических районов Восточной

Пруссии, в который входил Тильзит. В реестре государственных земель административный округ «Прусская Литва» пережил несколько изменений: первоначально это был «Литовский» округ, потом – «Прусская Литва», а позднее он стал именоваться «Гумбинненский» округ. Большой интерес к изучению «Литовского» округа проявил в свое время прусский король Фридрих Вильгельм I. Можно так исторически считать, что домик литовца представлял и литовскую

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 005336
 Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
 Park Jakobsruh, Litauer-Heimathäuschen XIII. (1925-1933), © v. Mauderode, Tilsit

культуру, связанную с именем хранителя литовской культуры Вильгельма Сторосты (его псевдоним – Видунас, 1868 – 1953) философа и мыслителя, получившего многостороннее образование в университетах Германии, и ставшего весьма уважаемым человеком в просвещенных немецких кругах. Он жил в Тильзите с 1892 года, занимаясь преподаванием языков, и возглавлял культурную жизнь литовцев Восточной

Пруссии.

10. ↑ Главный вход в парк со стороны Арндштрассе (улицы Матросова). 1910-1928

В 1905 году для удобства работы выставки к воротам у входа на Арндштрассе от Высоких ворот была протянута трамвайная линия, и бойкий трамвайчик доставлял жажущих впечатлений посетителей, к радостям которых, прямо у входа в парк распахнул свои двери новенький парковый ресторан с садовым залом,

выходящим на южную сторону. Позже на верхнем этаже ресторана размещалась высшая торговая школа.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006182
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, Eröffnungsfeier am 03.06.1905. (1905), © Minzloff, Tilsit

Перед Выставочным павильоном взоры посетителей устремлялись на большой скульптурный фонтан, установленный в центре восьмиугольного бассейна. Это сложное аллегорическое произведение выполнено немецким скульптором Бергером. В центре композиции возвышалась скульптура благородной женщины, державшей светильник в высоко поднятой руке. Величие её гармонировало с её очаровательным женским обаянием, которое

подчеркивали – два путти с крылышками, один побольше – бог сна Гипнос, и бог любви Эрос со стрелой в руке. Фигура женщины была установлена на шаре, изображавшем небесную сферу, опоясанную лентой под некоторым углом к воображаемому экватору, на которой были изображены знаки зодиака. Из раскрытых пасть 4 экзотических рыб, вырывались мощные струи воды, которые устремлялись к светильнику, будто пытаясь затушить его, однако не достигнув своей цели и обессилив, падали в большие, напоминающие створки гигантских моллюсков, раковины. Вода потом из раковин перетекала в бассейн. Рыб поддерживали 4 обнаженные человеческие фигуры, выполненные в стиле барокко. Вся композиция была установлена на мощном постаменте, который был украшен многочисленными декоративными элементами.

22
Фонтан
в барочном
стиле
украсил парк
в 1905 году

Эпоха выставок благотворно сказалась на убранстве парка. В период между двумя выставками, в 1900 году, в сентябре, в южной части парка, был открыт памятник королеве Пруссии – Луизе.

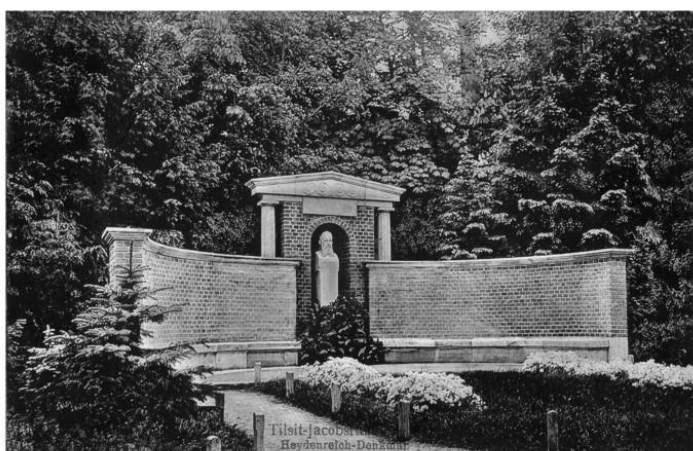
Романтика парка предполагала создание длинных тенистых аллей, потаенных

уголков, уютных ниш со скамейками. На главной аллее прятались увитые зеленью маленькие ворота с остроконечными, словно игрушечными, башенками. Это был вход в один замечательный уголок парка, обсаженный круглящимися кронами разнообразных лиственных пород деревьев. Сразу у входа располагалась клумба с экзотической пальмой в центре, вокруг которой, словно гигантские лепестки расположились шесть ромбических цветочных орнаментов.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006179
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Park Jakobsruh, Gewerbeausstellung, Eingang zum Ausstellungsplatz. (1904), © O. v. Mauderode, Tilsit

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 005328
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Park Jakobsruh, Heydenreich-Denkmal. (1900-1915), © Bruno Scholz, Breslau

Это особый «зеленый кабинет», убранство которого было подчинено одной цели – показать памятник Адольфу Хайденрайху – одному из тех жителей Тильзита, кто способствовал становлению парка Якобсруэ и проведению там первой Ремесленной выставки 1891 года. Памятник представлял собой полукруглую стенку, в середине которой поднимались две колонны ионического стиля, поддерживая миниатюрный антаблемент. В нише под ним и находился бюст Хайденрайха, поставленный на высокий и узкий постамент. Такая необычная в плане форма памятника, выбранная, во-первых, чтобы избежать прямых линий, а во-вторых, повторяющая линию клумбы, создавала возможность скомпоновать пространство, в котором аккумулировались звуки находящегося вблизи фонтана «Девочка», вносящего в

оформление «зеленого кабинета» нотку безмятежности.

А на чисто выточенных гранитных плитах скамеечек, идущих полукругом вдоль стен, уединялись влюбленные или философски настроенные горожане

В убранстве парка особое внимание было уделено дубу, посаженному в дань памяти «отца» немецкой гимнастики – Фридриха Людвига Яна (1778 – 1852). Фридрих Людвиг Ян был учителем Берлинской гимназии и открыл в Берлине первую общедоступную гимнастическую площадку. Кроме того, он разработал систему упражнений, которые должны были способствовать укреплению физического состояния и морального духа своего народа. Он придумал несколько снарядов для физических упражнений, которые вошли в обиход современной гимнастики – это «конь», «бревно», «кольца».

Дуб был высажен посередине светлого зеленого газона, украшенного темно-зелеными самшитовыми кустиками, с топиарной стрижкой в виде конусов.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002946 / 3-9_2946

Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.

Park Jakobsruh, Thingplatz V. (1934-1943), © Bruno Scholz, Breslau

В парке, под открытым небом, находится уникальное сооружение – амфитеатр, вместимостью 5000 человек. Это просторное сооружение, не перегруженное строительными идеями, и удачно вписано в окружающую среду Тингплац. В 1935 году он очень красиво вписался среди сосен на дюннообразном холме окраины парка Якобсруэ. Сегодня это – «Зеленый театр» с удобными, низенькими и крепкими скамейками из

щероховатого камня и с пробивающейся яркой зеленью травы.

Сразу после войны тихий старинный парк полюбился новым, уставшим от грохота войны, жителям города. Гармония парка напоминала о спокойных предвоенных годах, возвращал к прежним мечтам. Горожане приходили погулять, и подышать разогретым солнцем сосновым воздухом, смешанным с запахами сирени и жасмина. Ученики, усевшись на лавочки, делали там уроки.

По старинным аллеям, украшенным плакатами с гербами советских республик, вместо буржуазных статуй нимф, бабушки катали внуков в детских колясках. В парк на прогулку вели детей из детского дома «Искорка». Маленькие детишки собирали цветы и плели веночки в тени старого дуба, которым он уже не напоминал о деяниях «отца гимнастики» Ф. Яна. В выходные дни со всего города в парк, где уже с утра и до позднего вечера играла музыка, стекались горожане. Нарядные семейные пары шли с детьми, которые несли воздушные шары в руках. Чеканя шаг, в начищенных сапогах шагали офицеры и солдаты. Разнообразие в военных мундирах вносили матросы в бескозырках и морские офицеры в парадной черно-белой форме с кортиками на боку

В парк спешили спортсмены с футбольными мячами и болельщики футбола. И всем там находилось занятие, взрослые пары до позднего вечера кружились на танцплощадках, или сидели на старомодных скамеечках. В киосках продавали мороженое, папиросы и шоколад «Белочка», а в бывшем литовском домике можно было отведать пиво в большой кружке с кружевами пены. В «Зеленом театре» до позднего вечера шли концерты или театральные представления. Работали

разнообразные карусели и качели «Лодочки», пункты проката велосипедов и детских лошадок, а также захватывающий аттракцион «Мертвая петля».

Город невозможно было представить без парка – солнечного, или с пряным запахом травы и бисеринками капель на листочках после дождя, или заваленного шуршащими желтыми листьями, или зимнего, белоснежного, запорошенного, но с аккуратно расчищенными тропинками, где малышей катали на саночках, а дети лепили снеговиков под зелеными кронами сосен.

Теперь в городе нет прежнего парка.

Парк, который исторически является окультуренным ландшафтом, в последние десятилетия не только зарастал, но и вновь заболотился в северной своей части. Рельеф год от года безжалостно искажался коммуникациями, и вместо изящных мостиков через пруд перекинуты трубы.

Выходит, что вновь нужны и «Садовое общество», и новые «хайденрайхи», способные возродить парк. Воссоздание памятника королеве Луизе и обустройство центральной части парка радуют и вселяют надежды на постепенное преображение большого зелёного массива до самых отдалённых уголков.

По материалам публикаций Светланы Белишевиц и Кирилла Соклакова.

28.«ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР» в воспоминаниях очевидцев.

Мало что осталось в нынешнем Советске от тех дней, когда в июне 1807 года два императора подписали в Тильзите мирный договор.

Разве что дом, в котором жил Александр I цел. А вот места, где останавливался Наполеон – увы, исчезли. Оба дома – на Балльгарденштрассе (ул. Суворова) и на Дойчештрассе, 24 (ул. Гагарина) – ушли в небытие. Лишь два пилона от тогдашних ворот на Балльгарденштрассе помнят императора Франции. Да может ещё озеро, на берегу которого дом стоял, да ступени к этому озеру.

События тех дней в российском обществе воспринимались тогда весьма неоднозначно. Бонапарт многими воспринимался как Антихрист – не меньше... и встречаться с ним, тем более подписывать какой-либо договор...

Вот цитата из «Войны и мира», где Толстой, словами Ростова (приехавшим с письмом в Тильзит к Борису Друбецкому), предельно ясно высказывает эту точку зрения:

«...Борис жил с другим адъютантом, польским графом Жилинским. Жилинский, воспитанный в Париже поляк, был богат, страстно любил французов, и почти каждый день во время пребывания в Тильзите к Жилинскому и Борису собирались на обеды и завтраки французские офицеры из гвардии и главного французского штаба. 24-го июня, вечером, граф Жилинский, сожитель Бориса, устроил для своих знакомых французов ужин. На ужине этом был почетный гость — один адъютант Наполеона, несколько офицеров французской гвардии и молодой мальчик старой аристократической французской фамилии, паж Наполеона. В этот самый день Ростов, пользуясь темнотой, чтобы не быть узнанным, в статском платье, приехал в Тильзит и вошел в квартиру Жилинского и Бориса. В Ростове, так же как и во всей армии, из которой он приехал, еще далеко не совершился в отношении Наполеона и французов, из врагов сделавшихся друзьями, тот переворот, который произошел в главной квартире и в Борисе. Все еще продолжали в армии испытывать прежнее смешанное чувство злобы, презрения и страха к Бонапарте и французам. Еще недавно Ростов, разговаривая с платовским казачьим офицером, спорил о том, что ежели бы Наполеон был взят в плен, то с ним бы обратились не как с государем, а как с преступником...»
"Война и мир", т. II, ч. 2.

Как следует из «Записок» Беннигсена, оба императора, и сопровождавшие их лица весьма недурственно провели эти дни в Тильзите, мало в чём себе отказывая...

«...Император Александр уступил просьбам Наполеона и согласился занять помещение в г. Тильзите, который был разделен на две части, носившие названия: одна — русская часть, а другая — французская. Наполеон предоставил себе быть хозяином и угощал высоких гостей. Император Александр, великий князь Константин Павлович и король прусский были приглашены ежедневно обедать у Наполеона.

Король прусский, для которого равным образом были приготовлены помещения, а также и для его свиты, не занял их, однако. Он остался жить по-прежнему в Пюткупенене и ежедневно приезжал к обеду Наполеона в Тильзит, где батальон прусских войск занимал караул при отведенной королю квартире.

В то время как князья Куракин и Лобанов – со стороны России и министр Талейран и маршал Бертье – со стороны Франции, под непосредственным руководством монархов, вырабатывали условия мира, Наполеон старался занимать августейших гостей способами достойными монархов, преданных военному делу. Он ежедневно приглашал их на учения и маневры войск всякого рода оружия. Я имел честь

присутствовать при маневрах, исполненных войсками 3-го корпуса под начальством маршала Даву, в которых участвовала одна пехота в числе 18-ти тысяч человек. При нашем прибытии войска были уже выстроены в две линии и прекрасно выровнены. Наполеон сам лично командовал при посредстве своего генерал-адъютанта Мутона, стоявшего пред ним и громким голосом передававшего приказания Наполеона. После объезда монархов по фронту этих двух линий войска сделали перемену фронта, перестроились в пять колонн и, совершив несколько эволюций, снова развернулись, а затем прошли церемониальным маршем перед государями. Все это было исполнено с большой точностью и в отменном порядке.

Наполеон, обыкновенно после двух часов пополудни, в сопровождении герцога Бергского приезжал за императором Александром, его братом и королем прусским и увозил их на подобные военные развлечения. Затем августейшие гости обедали все вместе у Наполеона, который весьма часто снова приезжал к императору Александру часов в десять или одиннадцать вечера и проводил с ним в кабинете еще несколько часов».

Кто как не очевидец может наиболее достоверно передать хронологию того или иного происшедшего события, свидетелем или участником которого он стал? Описать место действия, детали, настроение, персон, время, быт, атмосферу и те неуловимые мелочи, которые за ненадобностью не фиксируются хронистами, но которые так важны для понимания сути вещей.

Таким очевидцем – вдумчивым, внимательным и неравнодушным, стал Денис Давыдов.

Фрагменты из его «Военных записок», предлагаем вашему вниманию.

(Как мы уже писали, не все в России положительно восприняли переговоры Александра и Наполеона в Тильзите. Князь Багратион оказался в их числе, а потому, сославшись на болезнь, послал в Тильзит вместо себя Дениса Давыдова)

«...Я не застал уже армии нашей у Дранговской кирки. Переправя тяжести свои чрез Неман, она сама уже предприняла переправу, и главная квартира перешла в Тильзит. Проехав за кирку, я повстречал скакавшего от Беннингсена в арьергард майора Эрнеста Шепинга, одного из остроумнейших наших товарищей и собеседников. «Что нового, Шепинг?» — спросил я его. «Новое то, — отвечал он мне, — что я везу письмо от Беннингсена к Багратиону. Беннингсен предписывает ему войти чрез меня в сношение с французами и предложить им перемирие, пока приступим к переговорам о мире. Вот тебе все новое. Прощай!»

Нет, не могу выразить, что произвело во мне это известие! Я не скажу, чтобы в отношении собственно к себе мне противны были и перемирие и самый мир. Напротив, непрерывные отступления, даже после успехов; непрерывные занятия новых позиций, будто неприступных, а между тем при появлении неприятеля немедленно оставляемых, и решительное отсутствие наступательного действия — приводили

меня в отчаяние. Мне такого рода война истинно надоела, даже опостыла. Ко всему этому положение дел представлялось мне так, как оно было в существе своем: обнаженным от всех оптических обманов и обольщений. Несоразмерность дарований Беннингсена с гением Наполеона, несоразмерность числительной силы армии нашей с неприятельской армиею, некоторая уверенность в непобедимости Наполеона, вкравшаяся уже тогда в дух большей части войска, вещественное расстройство армии после Фридландского поражения, недостаток, в резервах, чрезмерное расстояние от нас не готовой еще милиции и множество других обстоятельств, не менее важных, — все это было мне известно, и все это от нескольких слов Шепинга исчезло из моей памяти. Я ничего не видал, я ничего не чувствовал другого, кроме срама приступить к миру без отмщения за Фридланд, и из себя выходил от негодования, как будто на меня лично обрушалась обязанность ответить отечеству за оскорбление его славы и чести. В безумии моем я поспешил к Беннингсену, чтобы уверить его в отличном еще положении арьергарда и в возможности смело продолжать военные действия на столько времени, сколько ему заблагорассудится. Как будто все зависело от арьергарда? Как будто довольно было одного клона войск для борьбы с полководцем, против которого признавали недостаточною и целую армию? Такова молодость!

Я прискакал в главную квартиру. Толпы разного рода людей составляли ее. Тут были англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русские военные и гражданские чиновники, разночинцы, чуждые службы и военной и гражданской, тунеядцы и интриганты, — словом, это был рынок политических и военных спекуляторов,

обанкрутившихся в своих надеждах, планах и замыслах.

Дом, который занимал государь, находился на большой улице и отстоял от дома, занятого Наполеоном, в сажнях восьмидесяти или в ста. Он был двухэтажный, хотя весьма преогромного объема; имел парадное крыльцо, впрочем, довольно тесное, по украшенное четырьмя колоннами. Вход на это крыльцо был прямо с улицы, по трем или четырем ступеням, между двух из средних колонн его фасада. Крыльцо это примыкало к довольно просторным сеням, представляющим три выхода: один в правые, другой в левые комнаты нижнего этажа и третий — прямо, на довольно благовидную и опрятную лестницу, ведущего в верхним этаж, обитаемым самим государем. Войдя на этот этаж, направо находилась общая комната; она была в симметрии с внутренним покоем государя и соединялась с этим покоем проходной комнатой, из коей была дверь на балкон, поддерживаемый колоннами парадного крыльца.

Кроме упомянутой мною части гвардии, находившейся в Тильзите с Воронцовым,

Левашовым и Ройторчом, никому не позволено было, ни из наших, ни из прусских войск, приезжать в Тильзит. Разумеется, что из этого числа исключены были адъютанты, по случаю необходимых иногда сношений армии с императорскою главною квартирою, и, разумеется, что яте преминул воспользоваться гнел привилегию.

Впрочем, любопытство видеть

Наполеона восторжествовало над всели надзорами. Множество наших генералов, штаб — и обер-офицеров, для избежания препятствий, одевались в партикулярное платья и проживали в Тильзите по несколько дней. После кампании, столько тяжелой и продолжительной, Тильзит казался нам земным раем. Что же касается до высоких гостей этого города, я полагаю, что, невзирая на взаимное их согласие, приветливости, угождения и, если смею прибавить к этому священное слово, дружбу, по крайней мере

наружную, — я полагаю, что род жизни, которую вели они, не соответствовал нраву и привычкам ни того, ни другого.

Дни шли за днями почти однообразно. В полдень или в час пополудни завтрак, вроде обеда. В шесть часов пли император Александр приезжал к Наполеону верхом с малочисленными своими конвоем и свитою пли Наполеон приезжал к Александру, также верхом, с огромною своею свитою и с огромным своим конвоем. Потом отправлялись они вместе на маневры каких-либо французских войск, или всей гвардии вообще, или гвардии же по частям, или корпуса Даву. Заметить надо, что, невзирая на близкое расположение корпуса Ланна от Тильзита, этот корпус ни разу не был представлен государю, потому что он состоял из одних обломков, оставшихся после понесенного им урона под Гейльсборгом и Фридландом. По окончании маневров Наполеон обыкновенно приглашал государя к себе, где в восемь часов они садились за трапезу. Почти ежедневно, в десять пли в одиннадцать часов вечера, Наполеон посещал государя без этикета, по-дружески, пешком, один, без свиты, без охранной стражи, в той исторической шляпе, в том историческом сером сертуке, от коих земля дрожала и которые, казалось, курились еще дымом сражений на самых дружеских беседах. Там он пил чай и оставался с глаза на глаз с государем до часу, а иногда и до двух часов за полночь...»

из «Военных записок» Дениса Давыдова

В этой части своих записок Давыдов описывает своё удивление от увиденного им 4 июля эффектного зрелища.

«В этот день, как будто для развлечения нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников присланы были в арьергард, — как нас уверяли тогда, — с намерением поселить в Наполеоне мысль о

восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его. Но то ли было время, чтобы морочить людей фантазмагориями, — еще менее такого положительного человека, каков был Наполеон? Не народы невежественные и дикие, а триста тысяч резервного, регулярного войска, стоящего на границе с примкнутыми штыками и под начальством полководца, знающего свое дело, предприимчивого и решительного, — вот что тогда могло утратить Наполеона. Я не спорю, что при вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей, восторжествовавшей уже несколько раз над войсками этого государства, — я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, их наружность, их обычаи, их необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии. Но после поражения под Фридрихсдорфом, но при отступлении к Неману, когда и самая наша пехота, артиллерия и конница с трудом уже преграждали сокрушительный победоносный ход наполеоновских громад к границам России, открытой и не готовой на отпор вторжения, — как можно было охмелять себя несбыточными надеждами! Как было уверять себя в успехе, противопоставляя оружие XV столетия оружию XIX-го и метателям ядер, гранат, картечи и пуль — метателей заостренных железом палочек, хотя бы число их доходило до невероятия!

Как бы то ни было, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом, — достойное приветствие воинственной красотой — безобразия, просвещением — невежества. Вечером много было рассказов о приключениях с башкирцами в течение этого дня. Что касается до меня, я был очевидцем одного только случая, весьма забавного.

На перестрелке взят был в плен французский подполковник, которого имя я забыл. К несчастью этого подполковника, природа одарила его носом чрезвычайного размера, а случайности войны пронзили этот нос стрелой насквозь, но не навывлет; стрела остановилась ровно на половине длины своей. Подполковника сняли с лошади и посадили на землю, чтобы освободить его от этого беспокойного украшения. Много любопытных, между коими и несколько башкирцев, обступили страдальца. Но в то время как лекарь, взяв пилку, готовился пилить надвое стрелу возле самого пронзенного носа, так, чтобы вынуть ее справа и слева, что почти не причинило бы боли и еще менее ущерба этой громадной выпуклости, — один из башкирцев узнает

оружие, ему принадлежащее, и хватает лекаря за обе руки. «Нет, — говорит он, — нет, бачка, не дам резать стрелу мою; не обижай, бачка, не обижай! Это моя стрела; я сам ее выну...» — «Что ты врешь, — говорили мы ему, — ну, как ты вынешь ее?» — «Да, бачка: возьму за один конец, — продолжал он, — и вырву вон; стрела цела будет». — «А нос?» — спросили мы. — «А нос? — отвечал он, — черт возьми нос!..»

Можно вообразить хохот наш.

Между тем подполковник, не понимая русского языка, угадывал однако ж, о чем идет дело. Он умолял нас отогнать прочь башкирца, что мы и сделали. Долг платежом красен: тут в свою очередь французский нос восторжествовал над башкирскою стрелою».

В свою очередь даём небольшую историческую справку:

«Так многие источники и материалы свидетельствуют, что с 24 мая по 4 июня 1807 года состав корпуса М. И. Платова

входили и участвовали в боях «две башкирские команды под общим командованием полковника князя Уратова». Они были упомянуты наряду с другими донскими казачьими полками в рапорте Платова, как проявившие «отличное мужество и храбрость». После боев 4 июня в приказе по армии отмечались удачные действия командира двух башкирских команд майора 29-го егерского полка Данкеева, кантонного начальника поручика Барайгулы Кулатова, сотника Карагузя Кадаргулова и Ачувака Узенбаева. Следует отметить, что во время военных действий и походов башкирскими и мещерякскими полками командовали армейские офицеры. Эти два башкирских полка упоминаются в военных действиях под Фридландом, при Велау, у деревни Гросс-Егерсдорф и др. После подписания Тильзитского мира в июле 1807 года, башкирские команды отправлены на родину.»

По материалам В. А. Кузнецова «Участие башкир и мещеряков воинов с наполеоновской Францией».

«Все, что происходило явно и торжественно, имело очевидными свидетелями не одного меня, и потому можно надеяться, что кто-нибудь дополнит и исправит мною забытое или ошибочно представленное. Достойно сожаления, что никому нельзя описать происшествий, горава важнейших: разговоров обоих императоров с глаза на глаз при первой встрече их в павильоне и на упомянутых вечерних беседах. Все это происходило без свидетелей и, следовательно, осталось без историка. Вот невозвратная утрата!»

Давыдов, понимая, что является свидетелем событий, которые изменят ход мировой истории, старался запечатлеть их как во всех подробностях, в том числе детально описать одного из главных действующих лиц – императора Франции.

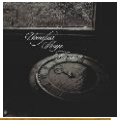
«Исполняя данное мне препоручение, я пошел к однополчанам моим, конвойным лейб-гусарам, где пробыл до шестого часу в нетерпении и в надежде рассмотреть Наполеона лучше, чем я видел его, плывшего на барке.

В шестом часу я уже был на парадном крыльце дома государя.

Не прошло получаса, как услышал я топот многочисленной конницы и увидел толпу всадников, несущихся во всю прыть по главной улице к дому его величества. Это был Наполеон, окруженный своею свитого и конвоем.

Толпа, сопутствовавшая ему, состояла, по крайней мере, из трехсот человек. Впереди скакали конные егеря, за ними все, облитые золотом, в звездах и крестах, маршалы и императорские адъютанты (то же, что у нас генерал-адъютанты). За этою блестящею толпою скакала по менее ее блестящая толпа императорских ординарцев (*officiers d'ordonnance*, род наших флигель-адъютантов), перемешанных со множеством придворных чиновников, маршальских адъютантов и офицеров генерального штаба, также чрезвычайно богато и разнообразно одетых. Вся эта кавалькада замыкалась несколькими десятками другой части, скакавших впереди конных егерей. В самой середине этой длинной колонны, между маршалами, скакал сам Наполеон.

И вот он у крыльца. Одни из двух бессменных пажей его, Мареско, сын славного инженерного генерала, хорошенький мальчик лет семнадцати, одетый в гусарском коричневом доломане с золотом и в треугольной шляпе с полями, соскочил с лошади своей, бросился перед лошадь Наполеона и схватил се обеими руками под уздцы. Наполеон сошел или, лучше сказать, спрыгнул с нее, и так быстро вбежал на крыльцо и прошел мимо меня к лестнице, ведущей в государевы покои, что я едва мог заметить его. За ним пошли маршалы и адъютанты его; но все прочие чиновники, свита и конвой ого остались верхами на улице. Мюрат, шедший вслед за Наполеоном, встретясь у крыльца с великим князем Константином Павловичем, занялся с ним разговором и не пошел далее.

Я долго смотрел на этого Мюрата, на этого, без сомнения, одного из блистательнейшей храбрости военачальников европейских конниц. Его красоту стана и лица, его карусельный род одежды, со всем тщанием и со всем кокетством модной красавицы носимый, бросались в глаза. Известно, что он наряжался богаче и великолепнее на те сражения, в которых он предвидел более опасностей. Но известно также, что, при этом рыцарском духе, дарования его ограничивались яростью в сечах, картинною наружностью и одним навыком механического построения громад кавалерии и действием ими на пункты, указанные Наполеоном.

Мареско вошел на крыльцо и остановился возле меня, препоруча придворному, распудренному и покрытому галунами, конюшему держать наполеонову лошадь у самых ступеней крыльца. Я помню, что лошадь эта была рыжая, очень небольшого роста, но чистейшей арабской крови и с длинным хвостом. Седло на ней было бархатное малиновое, чепрак такой же, золотом шитый, оголовье из золотого галуна: удила и стремяна из литого золота.

Вдруг зашумело на государевой лестнице. Маршалы и адъютанты сходили с нее не останавливаясь и быстро шли к лошадям своим. Мареско предупредил их. Он стремглав бросился с крыльца к наполеоновой лошади, которую, приняв от конюшего, взял под уздцы, как прежде. Несколько лет пред тем республиканец, несколько часов пред тем гордый вельможа, — Коленкур, в богатом обер-штальмейстерском мундире и с двумя звездами на груди, держал одною рукою стремя для наполеоновской ноги, другою — хлыст для руки его, ожидая подхода барина своего к лошади

Наполеон вышел из сеней на крыльцо рядом с государем и от тесноты крыльца остановился так близко ко мне, что я принужден был попятиться, чтобы как-нибудь

случайно не толкнуть его. Он рассказывал что-то государю весело и с жаром. Я ничего не слышал. Я весь был зрение. Я пожирал его глазами, стараясь напечатлеть в памяти моей все черты, все изменения физиономии, все ухватки его. К счастью моему, он, как будто в угождение мне, заговорился более, чем обыкновенно говаривал на ходу к какому-нибудь предмету, и оттого пробыл возле меня, конечно, более двух минут. Я был доволен, но не совсем.

Мне непременно хотелось видеть явственнее цвет глаз и взгляд его, и он в эту минуту, как бы нарочно, обратил голову на мою сторону и прямо взглянул мне в глаза. Взгляд его был таков, что во всяком другом случае я, конечно, опустил бы веки; но тут любопытство мое все превозмогло. Взор мой столкнулся с его взором и остановился на нем твердо и непоколебимо. Тогда он снова обратился к государю с ответом на какой-то вопрос его величества, сошел со ступеней крыльца, надел шляпу, сел на лошадь, толкнул ее шпорами и поскакал, как приехал: почти во все повода. Все это было сделано одно за другим, без антрактов. В ту же секунду все впереди его, все вокруг него, все позади его стоявшие всадники различных чинов и званий разом двинулись с места, также во все повода, и все великолепное зрелище, как блестящий и громозвучный метеор, мгновенно исчезло из виду.

Я уже сказал, сколько поражен был сходством стана Наполеона со всеми печатными и тогда везде продаваемыми изображениями его. Не могу того же сказать о чертах его лица. Все виденные мною до того времени портреты его не имели ни малейшего с ним сходства. Веря им, я полагал Наполеона с довольно большим и горбатым носом, с черными глазами и волосами, словом, испытан типом италийской физиономии. Ничего этого не было.

Я увидел человека малого роста, ровно двух аршин шести вершков, довольно тучного, хотя ему было тогда только тридцать семь лет от роду, и хотя образ жизни, который он вел, не должен бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидел человека, державшегося прямо, без малейшего напряжения, что, впрочем, есть принадлежность всех почти людей малого роста. Но вот что было его собственностью: это какая-то сановитость благородно-воинственная и, без сомнения, происходившая от привычки господствовать над людьми и чувства морального над нами превосходства. Не менее замечателен он был непринужденностью и свободой в обращении, так и безыскусственной и натуральной ловкостью в самых пылких и быстрых приемах и ухватках своих, на ходу и стоя на месте. Я увидел человека лица чистого, слегка смугловатого, с чертами весьма регулярными. Нос его был небольшой и прямой, на переносице которого едва приметна была весьма легкая горбинка. Волосы на голове его были не черные, по темно-русые, брови же и ресницы ближе к черному, чем к цвету головных волос, и глаза голубые, — что, от его почти черных ресниц, придавало взору его чрезвычайную приятность. Наконец, сколько раз не случилось мне видеть его, я ни разу не заметил тех нахмуренных бровей, коими одаряли его тогдашние портретчики-памфлетисты.

В этот день и, впрочем, во все последовавшие дни мундир на нем был конно-егерский, темно-зеленый, с красною выпушкою и с отворотами наискось, срезанными так, чтобы виден был белый казимировый камзол с маленькими мундирными пуговицами. Эполеты на нем были золотые полковничьи, подобные нынешним нашим эполетам полных генералов, без

звездочек. На мундире его была звезда и крестик Почетного Легиона. Нижнее платье белое казимировое, ботфорты выше колена, из мягкой кожи, весьма глянцевитые и с легкими золотыми шпорами. Шпага на бедре и шляпа в руке, пока не подходил он к лошади».

29. Эрфурт.

Через год после Тильзита Наполеон предлагает новую личную встречу. Александр соглашается. Петербург в ужасе. Недавно Наполеон приглашал на встречу испанских Бурбонов и попросту захватил королевскую семью в заложники, заставил отречься от престола, а испанскую корону отдал своему брату. Вдовствующая императрица Мария Федоровна считает, что её сына тоже заманивают в западню: «Вы потеряете Вашу империю! Остановитесь! Ещё есть время!»

Но Александр непреклонен, он едет. Местом встречи предложена точка, равноудаленная от Парижа и Петербурга. Ясно, что это будет территория, оккупированная Францией. Но формально предложение вполне корректное. И через захваченные Наполеоном германские государства Александр направляется в Эрфурт — столицу Тюрингии.

Что изначально побудило Наполеона назначить встречу и что заставило Александра не отказываться от нее? Как всегда, в ту эпоху — война, которая снова ощущалась в воздухе. После поражения Четвертой антифранцузской коалиции в 1806—1807 годах вновь стала поднимать против корсиканца голову Австрия, не принимавшая в ней участие. Как всегда, щедрые английские субсидии помогли ей за три года оправиться от Аустерлица. Уже весной 1808-го у Наполеона имелись

неопровержимые доказательства, что австрийское перевооружение представляет опасность как для Франции, так и для ее союзников в Германии. 15 августа, в свой день рождения, давая аудиенцию дипломатическому корпусу в Сен-Клу, император французов заявил послу Франца II графу Клеменцу фон Меттерниху энергичный протест — и был весьма разочарован, что находившийся при том российский посол Петр Толстой не проронил ни слова в поддержку его обвинений.

Очевидно, это обстоятельство и уверило Наполеона в том, что невозможно полагаться на обычные дипломатические каналы и без личного свидания с Александром не обойтись. Тем более что из донесений Коленкура он знал: царь вроде бы подтверждает свою решимость поддерживать Францию в требовании прекратить австрийские приготовления. Правда, с различными оговорками, но, обсуждая уже предстоящую встречу в Эрфурте, Александр I заявил послу: «Это произведет должное впечатление».

Впрочем, у российского государя, конечно, имелись и собственные основания, чтобы отправиться в Эрфурт. В частности, его беспокоила конечная судьба Пруссии. Дело в том, что как раз накануне подписания давно заготовленной Конвенции, существенно облегчавшей положение оккупированной страны, в руки Наполеона попало письмо прусского министра, барона Фридриха Карла фон цум Штейна. В нем черным по белому значилось: побежденное королевство стремится к временному союзу с Францией, только чтобы получить передышку и потом жестоко

отомстить за 1806 год. Наполеон опубликовал это письмо во всех подконтрольных ему газетах 9 сентября 1808-го — с собственными беспощадными комментариями. Шансов договориться напрямую с «узурпатором» у неосторожных пруссаков не осталось.

В общем, Александр, любивший пощеголять рыцарским поведением, в том числе перед самим собой, чувствовал себя обязанным заступиться за венценосного брата Фридриха Вильгельма. И отправился-таки на решающие переговоры с «заклятым союзником», как ни отговаривали его все вокруг. Не сыграло роли даже пространное письмо, адресованное ему матерью за неделю до отъезда. Императрица писала, что, по ее мнению, Александра помимо его воли увлекают в это путешествие,

с тем чтобы «при помощи коварных уловок побудить его принять участие в новой войне», заранее «снимая, таким образом, все преграды на пути Наполеона, когда тот вознамерился бы начать войну с Россией». Более того, императрица подозревала, что Наполеон, вообще, завлекает её сына в Эрфурт, чтобы пленить и принудить отречься, как он поступил с Фердинандом и Карлом Испанскими... Ответил Александр родительнице весьма примечательным образом. Он, по сути, откровенно представил ей внешнеполитическую линию, принятую им в период между Тильзитом и Эрфуртом. «Надобно, — писал государь, — чтобы Франция могла и далее оставаться в уверенности, что политические ее интересы могут соединяться с таковыми же России». Царь считал совершенно необходимым убедить своего французского союзника, что российская империя «с готовностью примкнула к его интересам», в то время как на самом деле она сделала это по сугубо тактическим соображениям.

В середине сентября Александр в сопровождении брата — великого князя Константина, министра иностранных дел графа Румянцева, генерала князя Волконского, обер-прокурора Синода Александра Голицына и генерал-адъютантов, среди которых и посол Коленкур (Александр милостиво пригласил его, а Наполеон считал полезным его присутствие при свидании), выехал из столицы без всякой пышности, в простой коляске. Сперанскому в Эрфурте предназначалась только роль слушателя (Александр желал, чтобы он видел Наполеона, чтобы услышал те обаятельные речи, в которых император французов подробно излагал свой образ правления; чтобы он вступил в его великую школу, в которой вырабатывались порядок и метод), для помощи же в переговорах царь рассчитывал на Румянцева.

По дороге русская делегация нигде особенно не задерживалась — только на два дня в Кёнигсберге, где в ожидании позволения переехать в Берлин скучала прусская королевская семья. В печальной столице, где всюду чувствовалась нищета, постарались, тем не менее, достойно принять его и даже дать впечатление великой державы. Состоялся торжественный въезд, на пути государей были выстроены войска;

был дан обед-гала во дворце. Вечер второго дня был проведен в тесном семейном кругу. Фридрих Вильгельм увез своего гостя в загородный дом, в окрестностях города. В этом скромном убежище прусский король находил удовлетворение своим чисто мещанским вкусам, и, созерцая природу, забывал об удручающих его думах. При всяком удобном случае Александр выказывал свою обычную рыцарскую любезность: он был внимателен к дамам, любезен со всеми. Узнав некоторых из своих

сотоварищей по оружию в 1807 года, он для каждого из них нашел милостивое слово. Дело Пруссии, которое он обещал защищать в Эрфурте, по-видимому, внушало ему самое живое участие; но в общем, казалось, что его твердость не будет на высоте его добрых намерений. В своей семейной хронике о дворе графиня Фосс передает слухи о такого рода разочаровании, хотя она, подобно всем дамам, и была сторонницею Александра. Она находила его очаровательным, но таким слабохарактерным. Только один министр Штейн вынес лучшие надежды. Он уловил в Александре возрастающие опасения по поводу наполеоновского честолюбия и считал, что бедствия Пруссии возбудили в нём искреннее чувство жалости.

Утешив Фридриха Вильгельма и его супругу Луизу, царь устремился прямо в «объятия» маршала Жана Ланна. Прославленному храбрецу было поручено встретить дружественного монарха на границе недавно образованного Великого герцогства Варшавского и сопровождать к месту назначения. Александр его взял к себе в коляску и между ними завязал дружеский разговор. У сестры в Веймаре царю удалось провести только несколько часов.

Что касается его грозного визави, то тот, вопреки изначальной диспозиции, 20 сентября ещё находился в загородной резиденции Сен-Клу близ Парижа и даже присутствовал там на заседании Государственного совета. Только 22-го в 5.00 утра Наполеон отправился в путь со свойственной ему стремительностью. И вот в 9.00 26-го он уже «влетает» в Эрфурт, сопровождаемый одним только начальником своего штаба маршалом Луи Александром Бертье.

Переговоры в Эрфурте шли с 27 сентября по 14 октября 1808 года. Большой зал Эрфуртского дворца в честь встречи Наполеона и Александра теперь называют Императорским. И сейчас здесь проходят концерты и спектакли, а тогда каждый день давали представления лучшие специально вызванные французские театры. А 4 октября 1808 года «Комеди Франсез» показывала в Эрфуртском дворце знаменитого с тех пор представление вольтеровского «Эдипа». На спектакле присутствовали Наполеон и Александр I. Когда знаменитый французский актер Франсуа-Жозеф Тальма, игравший Филоктета, произнес по ходу действия: «Дружба великого человека — это дар богов» (Вольтер. «Эдип». Акт 1, сцена 1), император Александр наклонился к Наполеону и, нежно пожав ему руку, сказал: «Я надеюсь, что Ваше Величество позволит мне применить эти слова к нашим отношениям».

В Эрфурт прибыли главы покоренных государств. Наполеон упивается ролью хозяина континента. Он принимает Гёте, благодарит его за книгу «Страдания юного Вертера» (эта книга в свое время произвела на Наполеона большое впечатление). Теперь в Европе у Наполеона либо вассалы, либо великий союзник — император Всероссийский. Наполеон писал в письме своей жене Жозефине о встрече с Александром: «Всё идёт хорошо. Будь он женщиной, я, наверное, влюбился бы в него». 12 октября 1808 года Наполеон и Александр вместе обратились с письмом к английскому королю Георгу III с предложениями о мире.

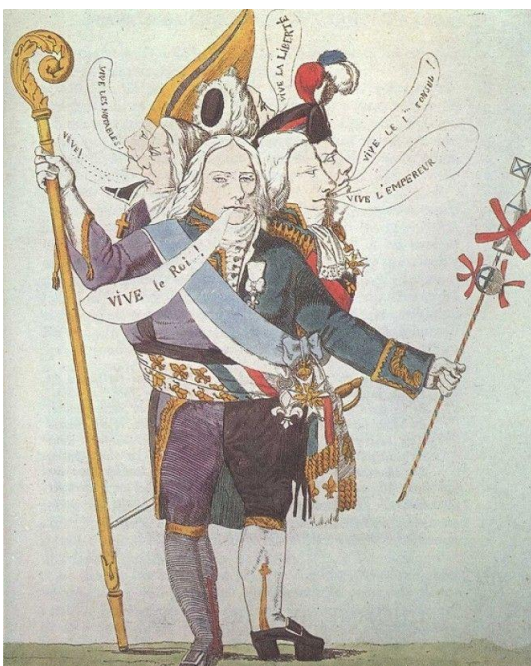

Тем временем тайным агентом Александра становится Талейран. Наполеон его выгнал за интриги с поста министра иностранных дел, но оставил советником. Свое предательство знаменитый французский дипломат объясняет стремлением спасти мир от полного наполеоновского порабощения. Потом Талейран станет еще и австрийским осведомителем, но уже не идейным, а платным.

Несколько слов о министре Франции Талейране.

Шарль Морис де Талейран-Перигор, 1754-1838, — политик, сумевший удержаться на вершине власти при всех режимах: и при революционной Директории, и при наполеоновской империи, и при

реставрации Бурбонов при короле Людовике XVIII, и в правительстве короля Луи-Филиппа. Родился он в семье аристократической (его дядя был архиепископом Реймса; среди его предков был Кольбер, знаменитый министр короля Людовика XIV),

но бедной. Родители направили юного Талейрана на церковное служение. Он получил блестящее образование, в том числе в Сорбонне, и быстро сделал церковную карьеру, в 1788 году, став епископом Оттёнским, во время Французской революции был депутатом в Генеральных штатах от духовенства и членом Конституционного комитета Национальной ассамблеи. Удалившись из Франции во время террора, Талейран возвращается после свержения Робеспьера и, делая ставку на Наполеона, способствует его приходу к власти. После поражения Наполеона активно участвует в реставрации Бурбонов на французском троне и играет важную роль на Венском конгрессе. После

революции 1830 года входит в правительство короля Луи-Филиппа. До революции 1848 года Талейран не дожил.

Искусный и беспринципный политик, интеллектуал и изысканный гурман, ценитель искусства и эпикуреец, он вошел в историю как одна из самых неоднозначных и противоречивых фигур. Один из приписываемых ему афоризмов гласит: «Бойтесь первого движения души, потому что оно обыкновенно самое благородное».

На деле же, как ни странно, Талейран, этот наследник древнего семейства, состоявшего в родстве с Каролингами, имел натуру и психологию типичного дельца-буржуа. Он, во-первых, всегда стремился опередить события, угадывая, куда ветер дует, а во-вторых, понимая, какой интерес представляют сведения, которыми он обладал, хотел продать их подороже. Кроме того, его, вероятно, уязвила просьба императора — на вершине дипломатической карьеры уйти с министерского поста. Для такого человека, любившего жизнь в почете и роскоши, этого хватило, чтобы забыть все присяги на свете и броситься на поиски новых покупателей тайных услуг.

Что конкретно предложил он Александру? Ненавязчиво добиться, чтобы соглашения не носили завершенного характера и сопровождались разного рода умолчаниями, оговорками и туманностями. Более того, сам франко-русский союз, обозначенный в Тильзите вполне чётко, отныне не должен связывать русским руки. Зато пусть он незаметно станет более обременительным и сдерживающим для Наполеона. Как все это осуществить? О, тут пусть все заинтересованные лица вполне рассчитывают, на него, Талейрана. Еще до отъезда в Эрфурт он ведь заявлял австрийскому послу в Париже: «Того, кого вы сочтете необходимым послать... вы, во всяком случае, можете направить ко мне; он может рассчитывать на меня во всем, ибо я рассматриваю ваши интересы как свои собственные».

Мудрено заставить Александра подписать Конвенцию, если Талейран по утрам по указанию Наполеона эту самую Конвенцию редактирует, а по вечерам объясняет Александру, какие пункты этой самой Конвенции для России невыгодны.

Наполеона эта неуступчивость Александра просто выводит из себя. Он пытается то уговаривать, то грозить. Вспоминает о своем излюбленном приеме, которым он наводил столько страха на столько храбрецов. Наполеон изображает приступ гнева. Во время особенно жаркого спора Наполеон вскакивает с места, хватая лежавшую на камине свою знаменитую треуголку, бросает ее на пол и пинает ногой. Александр только улыбнулся: «Ну и что? Вы резки, а я упрям. Гневом от меня ничего не добьешься. Давайте беседовать и рассуждать, или я

просто уеду». С этими словами он направился к двери. Наполеон удержал его. Переговоры продолжались в сдержанном, даже дружеском тоне, но дело, естественно, не продвинулось вперед.

В пятницу 7 октября министры Румянцев и Шампаньи с секретарями готовили окончательный текст Эрфуртской конвенции, а императоры для препровождения времени отправились на поле сражения при Йене, где двумя годами раньше Наполеон разбил пруссаков. Тогда Александр был их союзником, а теперь победитель непринужденно рассказывал ему о подробностях боя. Более того, оба завтракали под тентом, а перед их глазами войска воспроизводили картину баталии. «Йенское действие» было частью официально-парадной стороны эрфуртского свидания, которая, собственно, и заняла все формально оставшиеся дни. Снова спектакли, балы, приёмы, «милые» символические жесты вроде случая, когда царь заметил, что забыл взять на очередной смотр войск свою шпагу. Бонапарт предложил ему свою, а Александр, принимая, торжественно изрек: «Я никогда не обнажу её против Вашего Величества». Обмен подарками, среди которых и великолепные несесеры из позолоченного серебра, и севрский фарфор для русской императрицы...

В среду 12 октября союзная конвенция была подписана министрами и тут же ратифицирована. Преамбула и три первые статьи просто подтверждали тильзитские соглашения и устанавливали главную цель, к которой стремились стороны: всеобщий мир. Еще договорились «предложить» вступить в диалог Англии, причем непременно условиями таких переговоров с «врагом континента»

считать признание Лондоном: а) присоединения Финляндии, Молдавии и Валахии к России, б) нового порядка вещей во Франции и Испании... Еще «обменялись» определенными гарантиями сохранения целостности для Турции. Ну и Александр опять подтвердил, что выступит на стороне Наполеона, если австрийцы нападут на него.

Подписанная наконец Конвенция не превращает их союз в боевой. Россия на стороне Франции с оружием в руках так никогда и не выступит.

В пятницу наступила пора прощания. Неожиданно оно контрастировало с бодрым фоном самой встречи — истинные чувства в известной мере прорвались. Наполеон и Александр молча выехали из города верхом по дороге в Веймар и около того же места, где почти три недели назад они встретились, расстались. Расстались как братья и союзники, формально, во всяком случае...

Прощаясь, государи обнялись и договорились встретиться через год. Но этой встрече уже не суждено было состояться. Оба чувствуют непрочность их союза. Гроза 1812 года уже не за горами.

Второй сын корсиканского адвоката, бывший артиллерийский подпоручик и якобинец долго смотрел вслед удалявшейся карете праправнука Петра I. Потом он медленно повернулся и направил лошадь обратно, храня полное молчание. По воспоминаниям известного Анна Жана Мари Рене Савари, будущего министра полиции, с ним никто не решался заговорить — так он был мрачен. Тем же вечером император покинул Эрфурт.

Примерно в это же время Александр написал несколько слов матери: «Мы покинули эрфуртскую крепость (намек на несостоявшееся пленение) и с сожалением расстались с императором Наполеоном. Пишу Вам из Веймара».

Наполеон надумал основать династию и собирался развестись с Жозефиной, которая по состоянию здоровья не может родить ему наследника. Важно породниться с одной из великих царственных фамилий. Романовы подходят более всего. И в Эрфурте Наполеон пытается выяснить, может ли он жениться на сестре Александра, великой княжне Екатерине Павловне. Видимо, заранее проинформированный Талейраном, Александр уклоняется от ответа.

В Петербурге сразу после возвращения Александра из Эрфурта поспешно объявляют о помолвке великой княжны Екатерины Павловны с немецким принцем Георгом Ольденбургским. Посол Франции в России сообщает в донесении Наполеону о сопернике: «Принц безобразен, жалок, весь в прыщах».

Свадьба принца Георга Ольденбургского и великой княжны Екатерины Павловны состоялась 3 августа 1809 года. А через два дня после этой свадьбы произошло очень важное для России событие: присоединение Финляндии.

Когда-то молодым артиллеристом Бонапарт ведь пытался служить России. Удержало лишь то, что иностранных офицеров брали в русскую армию с потерей одного чина. В стремлении взять в жену русскую царевну Наполеон более настойчив.

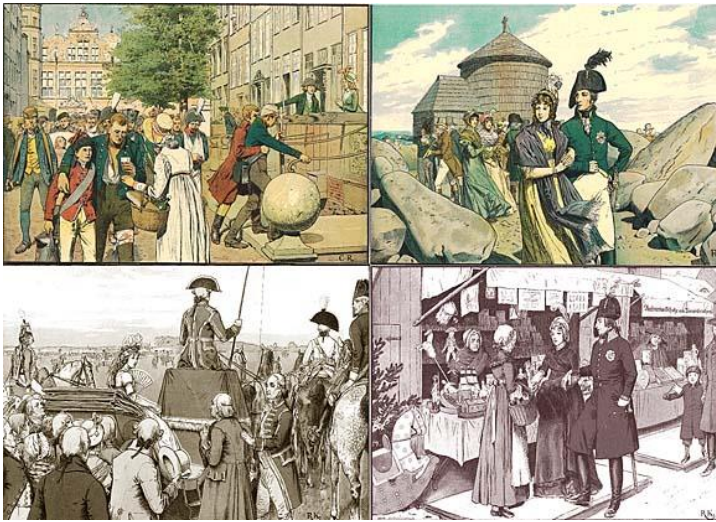
Дворец Павловский под Санкт-Петербургом – резиденция вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, императрицы-матери. На её мнение зимой 1809/10 годов ссылается Александр I, когда Наполеон просит руки другой сестры русского царя – Анны Павловны. Александр говорит, что, если бы решение зависело только от него, он бы сказал – да, не выходя из своего кабинета. Но судьбами сестёр занимается мать, нужно получить решение Марии Фёдоровны, на это потребуется 10 дней.

Ответ дадут через 40 дней, который Мария Фёдоровна и Александр, конечно, составляли вместе – Мария Фёдоровна согласна на брак, но поскольку Великой княжне Анне лишь 15 лет, свадьбу следует отложить на 2 года... Русские дают согласие, которое равносильно отказу.

В публикации использованы материалы из книги Л. Парфёнова «Российская империя».

30. Луиза в изгнание.

После заключения оскорбительного мира Луиза видела свою основную задачу в том, чтобы ободрить короля, который часто в отчаянии заводил разговор об отречении, и дать ему опору в счастливой семейной жизни. Она сама пребывала в метаниях от уныния к надежде. В апреле 1808 года Луиза писала своему отцу: «В моей жизни больше нет надежд... Божественное провидение явно заводит новый мировой порядок, и будет

другой порядок вещей, поскольку старый уже отжил своё и ... обрушился. Мы почивали на лаврах Фридриха Великого... В мире будет хорошо только от хороших людей, ... поэтому я надеюсь, что за нынешними недобрыми временами придут лучшие...»

Но недобрые времена в Кёнигсберге пока продолжались. Луиза тосковала по своему берлинскому кругу общения и плохо переносила суровый климат Восточной Пруссии. Она страдала от простуд, сопровождавшихся жаром, от головных болей и удушья. В письме брату она жаловалась: «Климат Пруссии отвратительнее, чем это можно выразить. Моё здоровье полностью разрушено».

Изначально прусскому королю и его семье было отказано в возвращении в Берлин. Фридрих Вильгельм III правил в сохранившейся части королевства из Кёнигсберга. Барон фон Штейн запустил первые неотложные реформы: в 1807 году — освобождение крестьянства, в

1808 году — городскую реформу. Герхард фон Шарнхорст, Август Нейдхардт фон Гнейзенау и Герман фон Бойен приступили к реформе прусской армии. Луиза практически не вникала в детали этих нововведений. У неё было мало общего с резким холериком Штейном, она писала: «Он и так считает меня самкой, очень легкомысленной». Штейн, сокративший наполовину содержание себе и своим чиновникам, требовал серьёзных мер экономии в королевском бюджете. Всё, от чего можно было отказаться, вплоть до украшений королевы, было продано.

Возвращение королевского двора из Мемеля в Кёнигсберг на 2 года произошло 16 января 1808 года. Горожане сердечно приветствовали королевскую семью. Она

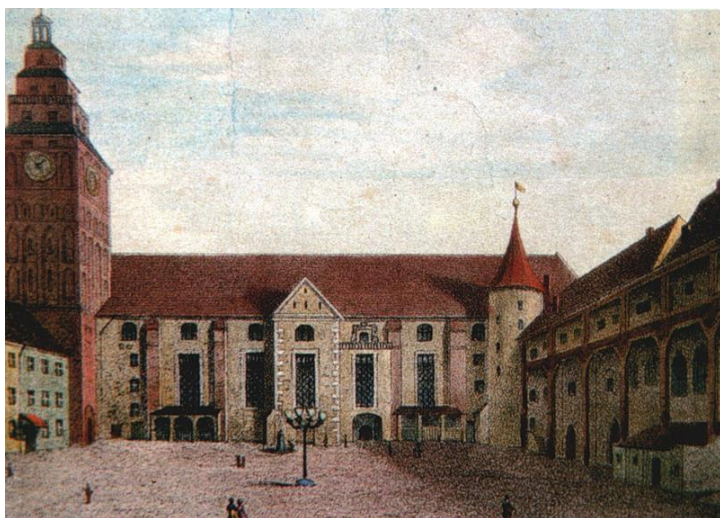

поселилась в замке. Уже через две недели, 1 февраля рождается дочь Луиза. Вынужденное бегство короля, его семьи и двора в Восточную Пруссию подвигли Фридриха Вильгельма III к весьма необычному решению: назначить крестными маленькой Луизы восточно-пруссские сословия. Радостно и сердечно приветствовавшие в момент прибытия, остались верны своему монарху и поэтому присутствовали при крещении, представители магистрата, городского суда, а также крупной и мелкой буржуазии.

В замке королевская семья жила по соседству со семьёй ландхофмейстера, президента восточно-прусской и литовской палат и одновременно куратора университета Ганса Якоба фон Ауэрсвальда. В 1814 году Ганса Якоба фон Ауэрсвальда назначили обер-президентом. Он происходил из не очень богатой и не очень знатной семьи. Но... удачно женился на бургграфине

Альбертине Софии цу Дона-Ляук из древнего восточно-прусского рода. После свадьбы он, юнкер, уволился из армии, окончил Кёнигсбергский университет и, благодаря связям своей супруги-аристократки, начал активно продвигаться по службе. Надо сказать, что Ганс Якоб фон Ауэрсвальд, будучи куратором Альбертины, способствовал многим положительным переменам в университетском образовании. Знатная жена родила ему семерых детей, из которых четверо получили известность: сыновья как крупные сановники, дочь - как супруга будущего обер-президента Теодора фон Шёна. Улица, названная в честь рода Ауэрсвальд, сейчас носит имя Чехова.

Королева с супругом и детьми очень любили бывать у них в гостях. Квартира Ауэрсвальдов в замке часто была полна молодёжи, которую так любила собирать вокруг себя хозяйка Альбертина фон Ауэрсвальд. Непременным гостем там был и домашний учитель детей ландхофмейстера, живший в замке, поэт Готтаб Фердинанд Максимилиан Готтфрид фон Шенкендорф, о котором

мы непременно расскажем отдельно. У Ауэрсвальдов силами актёров-любителей ставили зингшпили – разновидность комической оперы с разговорными диалогами

между музыкальными номерами популярная в Германии и Австрии в конце XVIII – начале XIX века.

В 1808 году в замке на квартире Ауэрсвальдов в присутствии королевы Луизы было поставлено торжественное представление Шенкендорфа «Янтарное ожерелье». Королевскую семью радовали спектаклями в этом доме не один раз.

15 октября 1808 года наследному принцу, будущему королю Фридриху Вильгельму IV исполнилось 13 лет. Семья Ауэрсвальдов решила поздравить его в день рождения постановкой с музыкой цыганской сцены Шенкендорфа. В этом кукольном спектакле приняли участие члены семьи и её друзья. А среди зрителей кроме королевы и её детей можно было увидеть руководителя отдела культуры и просвещения прусского Министерства внутренних дел, знаменитого филолога и языковеда Вильгельма Гумбольдта, написавшего об этом своей жене Каролине. И, конечно, внимательно следил за театральным действием одновременно за своими подопечными воспитатель старших принцев – наследного принца и принца Вильгельма, будущего короля и императора – Иоганн Фридрих Дельбрюк. Девять напряжённых лет, с 1800 по 1809 год, занимался он воспитанием королевских детей и находил при этом время вести очень содержательный дневник.

Вообще в Кёнигсберге театр любили. Уже в середине XVIII века в городе было построено первое в Пруссии здание постоянного театра, за полвека дважды горело и пришлось строить новое.

Торжественное открытие театра на 1500 мест состоялось в присутствии королевской четы и двора 9 марта 1808 года. Замечательный подарок ко дню

рождения королевы Луизы – 10 марта. Королева музыку любила, и, конечно, с большим удовольствием послушала в тот день оперу В. А. Моцарта в двух действиях «Милосердие Тита» на итальянском языке. Летом того же года здание сгорело... Но кёнигсбержцы собрали необходимые средства, Фридрих Вильгельм III тоже не остался безучастным, и в короткий срок отстроили сгоревший театр. Новое открытие восстановленного театра с представлением оперы произошло 9 декабря 1809 года в присутствии их величеств короля и королевы.

Луиза не только слушала музыку, она ещё и училась ей. Учителем королевы был один из ведущих музыкантов Кёнигсберга первой половины XIX века Фридрих Август Риль.

Королевская чета не отгораживалась стенами замка и монаршей холодностью от жителей Кёнигсберга. Наоборот, их отношения были дружескими.

Подробности о военных годах королевы Луизы – «красавицы с заплаканными глазами», представлены в докладе Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

Луиза в дни изгнаний королевского двора в Восточной Пруссии не огораживалась вместе с семьёй стенами замка от жителей города Кёнигсберга. Часто посещала виноторговца, коммерческого советника Кристофа Рихтера в его имении под Юдиттеном.

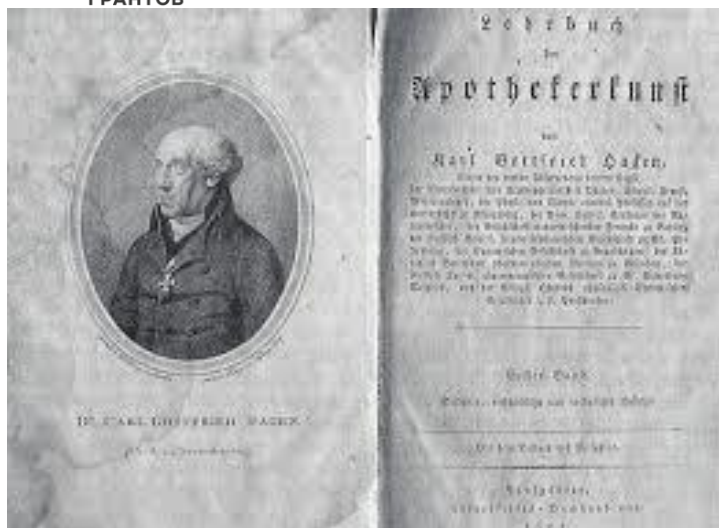
От этого имения недалеко и до старинной церкви, в которой Луиза бывала многократно: просьбы к Богу от

этих намоленных стен долетали быстрее и вернее. Свидетелями королевских поездок в Юдиттен были многочисленные аисты. Ещё около 1900 года они во множестве гнездились на Лавскер аллее, сейчас это проспект Победы, можно представить количество их во времена изгнаний Луизы...

Недалеко от замка находился дом с большим садом, владел которым военный советник, юрист и поэт Иоганн Георг Шеффнер. Он был интереснейшим собеседником и развлекал королеву чтением вслух новейшей литературы. Когда Шеффнер в 1809 году решил продать свою усадьбу, её выкупил король Фридрих Вильгельм III и подарил университету для создания там

ботанического сада. В этом месте сейчас расположен Центр экологии, краеведения и туризма по адресу улица Ботаническая, 2.

Королевских детей, принцев, обучал профессор Кёнигсбергского университета Карл Готфрид Хаген. Лучшего учителя, пожалуй, нельзя было и сыскать. Его считали уникальным по широте научных интересов, универсальным учёным: профессор физики, химии, минералогии и ботаники, основатель научной фармации. А на его лекции с демонстрацией экспериментов с электрической машиной,

гальваническим аппаратом и воздушным насосом, которые он проводил в своей аптеке, много раз приходила вся королевская семья: король, королева и принцы.
<https://docplayer.ru/32600858-Karl-gotfrid-hagen-i-kenigsbergskaya-shkola-nauchnoy-farmacii.html>

Что касается образования, то в то время в Кёнигсберге как раз проводили школьную реформу. Школа и молодёжь должны были отныне пропитаться новым духом – духом Песталоцци, созидателя теории элементарного природосообразного воспитания и обучения. Эта сторона жизни не осталась без внимания королевы Луизы.

Приверженцев знаменитого швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци в Кёнигсберге было много. Все ни полагали, что метод Песталоцци является самым лучшим и безошибочным средством облагораживания людей – как детей, так и взрослых. Но чтобы ввести этот метод в школы, требовалось обучить сначала самих учителей. С этой целью в Кёнигсберг в 1809 году пригласили Карла Августа Целлера – одного из лучших учеников знаменитого педагога Песталоцци. Его сочинение прочитал Шеффнер, представил его канцлеру Шрёттеру – о нём и его семействе рассказывали отдельно во время реализации нашего проекта на территории

Правдинского района, непосредственно касаясь истории посёлка Курортное, бывшего имения Шрёттеров в Гросс Вонсдорфе – а канцлер передал сочинение Целлера королеве Луизе.

Королева постоянно размышляла о том, как могла бы поспособствовать внутреннему развитию Пруссии, и распорядилась о приглашении Целлера. Его назначили школьным советником и наделили большими полномочиями для организации так называемых «нормальных институтов» для обучения учителей. Первый из них был создан в королевском сиротском приюте у Закхаймских ворот уже через месяц после прибытия Целлера в город.

Деятельность Целлера не оставалась без внимания королевского двора: 26 ноября 1809 года институт посетил Вильгельм фон Гумбольдт с двумя принцессами в сопровождении более чем 30 дам, а 7 декабря – королевская чета вместе с двумя своими старшими сыновьями.

К сожалению не только королевы, но и других сторонников Песталоцци, Целлер не оправдал возлагавшихся на него надежд. И через год его лишили руководства институтом.

Однако Целлер был полон идей. Ему удалось найти меценатов, которые выкупили Двор Хаген под Инстербургом (посёлок Зелёный Бор под Черняховском) и основали здесь учительский семинар Каралене, причем это место получило название после смерти королевы Луизы. 17 октября 1811 года был основан учительский семинар, начавший свою работу двумя годами позже. Были набраны 25 воспитанников, которые получали начальное образование, а с 17 лет они получали образование сельских учителей, при этом они умели делать крестьянскую работу лучше, чем просто крестьяне. Воспитанники были образованны, физически крепки благодаря прекрасному физическому воспитанию. Полученное воспитание и навыки работы в великолепном саду и на пасеке делали воспитанников уважаемыми людьми на работе в сельской местности. Ни один праздник в Гумбиннене или Инстербурге не проходил без великолепного оркестра скрипачей из Каралене, позднее названного Луизенбергом, опять же в честь незабываемой королевы Луизы. Очень многие учителя после работы в Каралене получали повышение по службе.

Но вернёмся в Кёнигсберг. Духовное утешение королевская семья находила у пастора Нойроссгартенской церкви Людвига Эрнста Боровского, на богослужениях которого она часто бывала. В минуты отчаяния, охватывающего короля и королеву, твёрдо верующий и, несмотря на свои почти 70 лет, полный сил пастор поднимал дух, внушая надежду на лучшее. А те были ему за это безмерно благодарны и неустанно эту благодарность выражали. И после смерти Луизы Боровский не оставил короля без духовной поддержки и в течение многих лет переписывался с ним.

Летом королевская семья перебралась из замка жить в хуфенское имение церковного и школьного советника Бузольта. Прежним владельцем этого имения был президент города и писатель Теодор Готлиб фон Гиппель – уроженец Гердауэн стал героем одной из наших публикаций, где подробно рассказали о нём.

Сам загородный дом был невелик, зато прилегающий к нему парк – большим и красивым. В то время здесь, вдали от городского шума и придворной суеты,

Луиза могла хоть на краткий миг забыть о превратностях судьбы, почувствовать себя обычной женщиной, матерью, помечтать о сокровенном, послушать шум ветра в листве пышных деревьев и птичью разноголосицу, сквозь которую порой пробивалось громкое аистинное щёлканье.

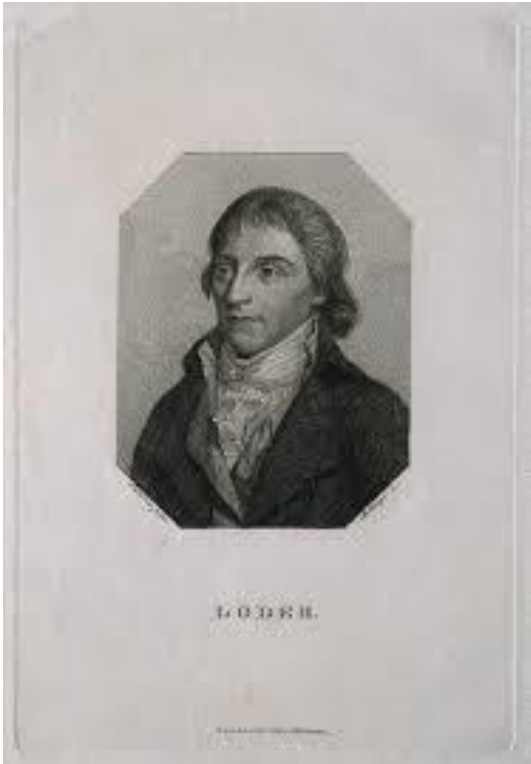
Королева любила ежедневно бывать в парке со своими детьми или, неспешно прогуливаясь по его дорожкам, беседовать с умными людьми, стараясь пополнить своё образование. Купив это имение в 1796 году после смерти Гиппеля, новый владелец Бузольт назвал его в честь своей жены Луизы Граматзки Луизенваль, то есть «выбор Луизы». Но с тех пор, как по этому парку стала гулять другая Луиза, его название слилось уже с её именем.

Своё проживание в небольшом доме Бузольта Луиза описала в письме к своей подруге Марии фон Клейст: «У меня две комнаты, у короля – одна, у камердинеров и моих женщин – по одной, и одна в крайнем случае может быть использована для еды. Вы должны признать, что это откровенно не королевское жильё, но в это отвратительное время счастье иметь ещё хотя бы это».

Христоф Гуфеланд

личным врачом короля. В дореволюционном «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» о Гуфеланде сообщалось: «...[он] не был новатором в медицине, но его громадная эрудиция, специальная и общая, здравый ум, необычайное трудолюбие, в связи с благородным характером, редкой добротой в общении с больными, чуткостью в понимании общественных потребностей, создали ему исключительное положение».

Лейб-медиком короля в Кёнигсберге был ещё один известный врач и анатом – Юстус Кристиан Лодер. Родился он в Российской империи, в Рижской губернии, но получил образование и большую часть жизни прожил в Германии, медицинское образование получил в Гёттингенском университете. Там же, в Германии, Лодер получил широкую известность, четверть века был профессором медицины в Йенском университете, а затем недолго – в прусском Галле.

После занятия французами в 1806 году Лодер последовал за королевской семьёй в Кёнигсберг, где и удостоился в 1808 году звания лейб-медика, а затем в ноябре 1809 года – и дворянства. После этого Лорд возвращается обратно в Российскую империю. И там он, называемый по русскому обычаю Христианом Ивановичем, в 1810 году становится лейб-медиком уже императора Александра I. Во время войны 1812 года лейб-медику Лодеру по распоряжению Кутузова было поручено устроить в Москве госпиталь на 6000 офицеров и 30 000 нижних чинов. С задачей этой Лодер справился.

«Раненых в Бородинском сражении перевозили в уже опустевшую Москву, где за ними хорошо ухаживали, там было всего в изобилии, даже в излишестве заготовлено», — писали современники.

https://aif.ru/society/history/hirurg_loder_kakoy_sled_on_ostavil_v_russkom_yazyke

Политическое затворничество королевской семьи во временной резиденции скрасили в 1808 году два кратковременных визита в Кёнигсберг российского императора Александра I: по дороге его в Эрфурт на встречу с Наполеоном – об этой встрече императоров в Тюрингии мы уже рассказали – и обратно.

31.Русский царь в Кёнигсберге.

Прусский король, несмотря на своё бедственное положение, решил достойно встретить дружественного монарха, прибывшего 18 сентября и остановившегося здесь на три дня. Александру был устроен торжественный въезд в город.

Обер-гофмейстерина королевы графиня Фосс записала в своём дневнике: «Царь прибыл в семь часов вечера. Все войска, какие у нас только остались, были выстроены шпалерами, кирасиры составляли эскорт царя. Король, принц Генрих и принц Август выехали к нему навстречу верхом; он сам также на коне вступил в город».

Встреча завершилась торжественным обедом во дворце.

Два последующих дня тоже прошли оживлённо. С раннего утра оба монарха отправились верхом осматривать местность, где совсем недавно происходило сражение с французами. Завершился второй день в небольшом загородном замке, приобретённом прусским королём в окрестностях Кёнигсберга. Александр не остался, как и прежде, безучастным к побеждённой Пруссии и её бедственному положению и пообещал королевской чете

переговорить с Наполеоном об облегчении участи их государства.

Вечером третьего дня Александр тронулся в дальнейший путь. Фридрих Вильгельм и Луиза не ограничились прощанием с императором у замка, а проводили его до Шпандинена (посёлок Суворова в черте города Калининграда).

Уезжал царь с возложенным на него надеждами их величеств и всего королевского двора. Они молили Бога, чтобы эти надежды не оказались напрасными.

И, конечно, королева Луиза «сильно тревожилась за результаты переговоров в Эрфурте» по словам из дневников графини Фосс.

Расставание оказалось недолгим, всего на месяц. Ибо обратная дорога Александра домой после эрфуртской встречи с Наполеоном вновь пролегла по Восточной Пруссии. Раньше императора в Кёнигсберг 20 октября прибыл его брат, великий князь Константин Павлович. Полагая, что император прибудет на следующий день, король с королевой вечер накануне его ожидаемого прибытия провели в беседе с великим князем Константином.

Спокойный вечер нарушил приехавший в четвёртом часу курьер с известием о прибытии Александра I.

Это известие произвело, по свидетельству мадам Фосс, «страшную суматоху» и «настоящую горячку», все спешно стали готовиться к встрече. Ради приезда Александра даже сняли траур по случаю недавней смерти младшего брата короля Фридриха II – принца Генриха. Но хлопоты оказались не напрасны.

Царь, как и в прошлый раз, задержался в Кёнигсберге также на три дня. Он и прусская чета были, как пишет в своём дневнике Фосс, «до глубины души счастливы тем, что снова свиделись», и весь день 21 октября провели, не расставаясь друг с другом.

Для короля Александр привёз радостные вести: он сумел уговорить Наполеона сократить на 20 миллионов франков 140-миллионную контрибуцию с Пруссии. Фридрих Вильгельм был безмерно благодарен Александру за это. Буквально плача от радости, король признался ему: «Мы уже не надеялись, что Наполеон отпустит Вас обратно». Так что последующие парады, обеды, фейерверки, а в последний день большой бал для всего города стали своего рода отражением этой радости.

Особые отношения между российским императором и прусской королевской четой сказались и в том, что в тот же год она получила приглашение от Александра I посетить Санкт-Петербург.

О ссылке королевского двора в Восточной Пруссии и подробности о военных годах королевы Луизы – «красавицы с заплаканными глазами», представлены в докладе Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

32. Император Александр и прусская королева Луиза.

20 мая 1802 года Александр отправился в свою первую заграничную поездку – в Пруссию. Эта поездка стала причиной того, что между русским императором и прусской королевской четой установилась прочная и нежная дружба, которая впоследствии явилась одним из побудительных мотивов вступления России в войну с Наполеоном.

«Во время пребывания в Мемеле, – пишет князь Адам Ежи Чарторийский, бывший в свите царя и царицы, ставший позднее на два года министром иностранных дел, постарался сделать всё, что мог, для свободы родной Польши, – королеву всегда сопровождала её любимая сестра, принцесса Сальмская, теперешняя герцогиня Кумберландская, о которой скандальная хроника могла бы

порассказать многое. Присутствие принцессы уменьшало строгость этикета, оживляло разговор и придавало более интимный характер их встречам: принцесса была прекрасной поверенной тайных помыслов своей сестры; она была бы готова и на более существенную помощь сестре в этих делах, если бы в этом встретила надобность. После одного из свиданий с Прусским двором, император, в то время сильно увлекавшийся кем-то другим, рассказывал, что серьезно встревожен расположением комнат, смежных с его опочивальней, и что на ночь он запирает дверь на два замка, из боязни, чтобы его не застали врасплох и не подвергли слишком опасному искушению, которого он желал избежать. Он даже высказал это обеим принцессам, причем был более откровенен, нежели учтив и любезен».

В 1802 году Александр приехал в Мемель 10 июня и уехал 16-го, но всего за одну неделю он буквально свел с ума синеокую двадцатилетнюю красавицу королеву, в свою очередь пленившую царя восторженностью души и вспышками весёлого кокетства, сочетавшимися с глубокой заинтересованностью сложными проблемами жизни и редкостной начитанностью. Несмотря на молодость (царь был на год моложе Луизы), Александр пустил в ход всё: пламенную мечтательность, которая выходила у него такой естественной, хотя никогда не была искренней, желание послужить идеалам человечности, пылкое стремление к славе, намерения стать на защиту угнетенной Европы, готовность каждый момент

спешить на помощь последним из последних, забыв о своем высоком сане, повинуюсь только чувству гуманности. Это была тонкая игра со стороны «прельстителея». Она достигла цели.

Один из эпизодов, произошедший на глазах Луизы, раскрывает то, как Александр доказывал свою гуманность и стремление спешить на помощь. «Был кончен один из танцев, – писала Луиза в своем „Дневнике“, – император отдыхал ещё рядом со мной, мы разговаривали. Вдруг все устремились к окнам, спрашивали: „В чем дело?“ Говорят: „Кто-то утонул“. Как ветер, Александр бросился вниз, чтобы помочь. Это был маленький мальчик, которого уже успели вытащить из воды. Я вижу в окно, как император возвращается с мальчиком восьми или девяти лет на руках. Войдя, он сам даёт ему чая, который тот пьёт с удовольствием. И приходит ко мне, будто ничего не случилось. Я говорю ему о том, как он добр, я растрогана. „Всякий сделал бы это на моем месте“, – отвечал он».

На другой день после отъезда Александра, Луиза, воспользовавшись отъездом в Петербург курьера, отправила вслед ему письмо: «Я тщетно буду стараться изобразить вам горе, в которое поверг меня ваш отъезд. Он был ужасен. Только надежда увидеть ваше императорское величество через два года несколько утешила меня». А через месяц Луиза получила письмо от своего брата, принца Георга, в котором он восхищался красотой Альп. Луиза отвечала ему письмом от 13 июля 1802 года: «Я не видела никаких Альп, но я видела людей или, лучше сказать, человека в полном смысле этого слова, который воспитан альпийским жителем (по-видимому, имелся в виду Фредерик Сезар Лагарп — швейцарский генерал и государственный деятель, приглашен Екатериной II в Россию в качестве воспитателя её внука, будущего русского императора Александра I, воспитание иностранцем основано было на «странной смеси философских и либеральных идей чуждых русской жизни») и

знакомство с которым дороже мне, чем все Альпы мира. Ибо Альпы не могут ничего делать, а он действует, распространяет вокруг себя счастье и благословение каждым своим решением. Каждый его взгляд создает кругом счастливых людей, осчастливленных его небесной добротой. Что я говорю об императоре, об единственном Александре, ты, конечно, понял с первых же слов».

Что же касается Александра, то его видимое увлечение королевой Пруссии многие считали «платоническим кокетничаньем» и «политическим флиртом», ибо во взаимоотношениях с женщинами Александра более увлекало тщеславие, нежели удовлетворение страсти.

Хотя следует признать, что удовлетворение страсти порой принимало у рано избалованного женскими ласками прекрасного и женственного принца

извращенные формы. Писатель-эмигрант Лев Дмитриевич Любимов, анализируя отношения Александра с его сестрой Екатериной Павловной, заметил: «Всех женщин любил Александр Павлович и, похоже, тою же любовью, что и прочих, сестру свою, блистательную Великую княгиню Екатерину Павловну».

И вместе с тем Александр далеко не всегда добивался физической близости с женщинами, которые нравились ему. «В числе тех женщин, с которыми проводил он целые вечера, к которым его тянуло, – имеются вовсе некрасивые, вовсе немолодые, на чью добродетель он посягать был отнюдь не намерен. В том-то и дело, что он любил всех женщин, паче всего любил женское общество – и, так как расточил свой пыл, по-видимому, преждевременно, в бесчисленных похождениях, – очень часто сознание, что победа зависит от его доброй воли, вполне удовлетворяло его, почему и заходить слишком далеко казалось ему излишним».

И потому не следует преувеличивать воздействие на Александра прусской королевы, хотя симпатия к ней и сыграла свою роль в сближении двух дворов – Петербургского и Берлинского. И всё же Чарторийский, четыре года спустя, писал Александру: «Интимная дружба, которая связала Ваше императорское величество с королём после нескольких дней знакомства, привела к тому, что Вы перестали рассматривать Пруссию как политическое государство, но видели в ней дорогую Вам особу, по отношению к которой признавали необходимым руководствоваться особыми обязательствами». Но до войны дело пока не дошло, Александр всё ещё оставался верен идее превращения России в правовое либеральное государство в духе тех идей, которые внушил ему Лагарп, хотя практика государственного управления часто показывала утопичность такого подхода к внутренним российским делам.

По материалам книги Балязина Вольдемара Николаевича «Екатерина Великая и ее семейство».

33. Зимой 1808—1809 годов в Санкт-Петербурге.

Зимой 1808—1809 годов по приглашению российского императора королевская чета гостила восемь недель в Санкт-Петербурге. Барон фон Штейн, сокративший наполовину содержание себе и своим чиновникам, требовал серьёзных мер экономии в королевском бюджете, всё, от чего можно было отказаться, вплоть до украшений королевы, было продано, и напрасно он выступал против развлекательной поездки, указывая, что любая имеющаяся в наличии денежная сумма

настоятельно необходима разрушенной войной Восточной Пруссии.

Был холодный декабрь, оставивший в дневнике Луизы такие записи:
«...Путешествие очень холодное и утомительное... Мороз чрезмерный: –22, –21, сегодня –18. В карете у нас при закрытых окнах –14 градусов. Прекрасные хорошие шубы императора не дали нам заболеть. Его внимательность перешла всё мыслимое... каждый вечер на почтовых станциях для короля и меня – петербургское пиво, так как он знает, что мы любим пить пиво».

В российской столице прусского монарха и особенно его супругу ждали. Довольно подробные и любопытные сведения об этом приводятся в воспоминаниях Филиппа Филипповича Вигеля. В ту пору он был чиновником Коллегии иностранных дел, а в последствии стал директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий и известным литератором, оставившим пространные и очень интересные мемуары. Вигель пишет: «В декабре месяце разошёлся слух, который возбудил любопытство и участие во всех жителях Петербурга, от вельможи до мещанина. Государь ожидал к себе дорогих гостей: королеву Прусскую, предмет нежнейшего и почтительнейшего сострадания всех русских, и короля, супруга её».

Уместно будет в этой фразе обратить внимание на порядок перечисления имперских гостей (сначала королевы и только потом короля) и характеристику прусского короля просто как «супруга». Да во всём Петербурге более говорили не о короле, а о королеве, «которая блистала прелестью красоты и в то же время двойным величием сана и несчастья. Любовь к ней русских умножилась всею ненавистью их к Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою против неё», – из воспоминаний Ф. Ф. Вигеля.

Мемуарист не пожалел слов для описания бедственного положения Пруссии (так в ту пору, вероятно, считали многие): «Никакое государство, не переставая существовать, не доходило ещё до столь глубокого унижения, в каком находилась тогда Пруссия: столицы её, крепости, все главные города были заняты французскими войсками, до выплаты огромной контрибуции; в одном только нетронутном углу, на самой русской границе, в

небольшом городке Мемеле, в небольшом частном доме жило, забившись, королевское семейство».

Несмотря на такую живописность описания, тут Вигель ошибается, и даже дважды. Во-первых, королевский двор давно уже из Мемеля перебрался в Кёнигсберг, а во-вторых, в Мемеле королевское семейство жило отнюдь не в «небольшом» доме.

Король с королевой прибыли в Стрельню под Петербургом в рождественский вечер 25 декабря 1808 года, что соответствовало по новому стилю 6 января 1809 года. Здесь они переночевали и в 11 часов утра отправились далее в царских экипажах. Король и королева ехали в одной карете, в другой вместе с графиней Мольтке ехала графиня Фосс.

Не доезжая до Петергофской заставы, королева остановилась на даче богатого купца, чтобы переодеться в нарядное платье и пересесть в приготовленную для неё «осьмисекольную» раззолочённую карету. Эти и дельнейшие почести, несколько ядовито отмечает Вигель, были, «может быть, не совсем приличными, но всеми одобряемыми, как великое утешение в великих горестях».

От Петергофской заставы до Зимнего дворца по обеим сторонам улиц стояли гвардейские полки. Как сумела заметить графиня Фосс, «все высокие и замечательно красивые люди». У этой заставы королеву встретил император Александр, сопровождаемый великим князем Константином Павловичем, множеством генералов и некоторыми иностранными послами. Все они вместе с прусским королём ехали шагом около кареты. Всюду королеву встречали такие толпы народа, что графине Фосс даже показалось, будто на петербургские улицы и площади вышло всё население города. Ко всем эти проявлениям почтительности и интереса добавилась пальба из пушек и звон церковных колоколов.

В Зимнем дворце короля и королеву встречал весь двор, в первом зале их ожидали обе императрицы: супруга Александра I – императрица Елизавета Алексеевна и его мать – вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Александр представил королеве двух великих князей – Николая и Михаила. Оба мальчика были, как пишет в своём дневнике графиня Фосс, поразительно хороши собой. Тогда ещё никто не знал, что королева видит перед собой не только будущего императора Всероссийского Николая I, но и будущего мужа своей дочери Шарлотты. А Николай, в свою очередь, увидел в первый раз свою будущую тещу...

Почти целый месяц они могли ежедневно встречаться друг с другом. И кто знает, не тогда ли в головах царственных особ зародилась мысль о будущем браке Николая и Шарлотты?

Жителям Петербурга, далёким от двора, очень редко представлялся случай увидеть королеву. Поэтому так искал его будущий мемуарист Вигель, которому на тот момент было только 22 года. И ему удалось досыта налюбоваться красивым станом Луизы, её бесподобными плечами, очаровательной улыбкой и взором. А ведь он сумел увидеть «только те прелести, которые двухгодичное горе не совсем ещё успело истребить в ней».

Фридрих Вильгельм и Луиза прибыли в Петербург холодной зимней порой, и весь период их пребывания в российской столице стояли сильные морозы. Это дало повод какому-то балагуру пошутить, используя игру слов, что в Петербурге выживают прусаков, имея в виду рыжих тараканов, так же, как в деревенских избах...

Во время пребывания Фридриха Вильгельма и Луизы прошло обручение великой княжны Екатерины Павловны с герцогом Георгом Ольденбургским, генерал-майором русской службы, младшим сыном не очень крупного владетельного немецкого князя, отмеченное многочисленными фейрверками, иллюминациями, маскарадами и балами. Но по воле императора во всех иллюминированных домах горели вензелевые имена короля и королевы Пруссии как доказательство того, что все торжества в городе проходили только в их честь.

И только один французский посол Арман де Коленкур, полный презрения к прусскому монарху и его жене, выставил на своём доме вензель невесты – огромную букву «Е».

Георг был некрасив, во всем посредственен, но зато скромный, услужливый, уступчив и тем самым весьма удобен для властной и честолюбивой Великой княжны. В дальнейшем принц Ольденбургский показал себя подлинным российским патриотом, отдавшим жизнь за победу в войне с Наполеоном.

Обручение и последующее замужество породили различные толки в высшем свете, поскольку принц приходился Екатерине двоюродным братом, что противоречило канонам Русской православной церкви. После венчания принц Ольденбургский, ставшего членом императорской фамилии, был назначен генерал-губернатором трех губерний - Новгородской, Тверской и Ярославской с резиденцией в Твери, которая в то время считалась одним из красивейших городов России. С тех пор тверской двор стал центром объединения русской партии, или консерваторов национально-патриотического направления.

При «тверских Афинах» Екатерины Павловны образовался политический салон, участниками которого были Федор Ростопчин, известный археолог и публикатор древних рукописей граф Алексей Мусин-Пушкин, Александр Куракин, Юрий Нелединский-Мелецкий и другие. «В оживленных беседах с ними проводили время, затрагивая все вопросы дня, причем Екатерина Павловна проявляла особый интерес ко всему русскому, а также к делам внутренней политики». Центральной фигурой салона была «Тверская полубогиня» (выражение Николая Карамзина).

Екатерина Павловна превратила свой дворец в этом городе в один из лучших литературно-художественных салонов России, в котором непременно оказывались многие выдающиеся деятели русской культуры, проезжавшие через Тверь в Петербург и Москву. Считал своим приятным долгом заезжать к своей любимой сестре и Александр, сохранивший к Екатерине Павловне самые добрые и, как утверждали, совсем не братские чувства и после её замужества.

В Твери обсуждались и решались назначения на многие ответственные посты; расположение великой княгини могло способствовать быстрой карьере или, наоборот, опале. Арман-Огюстен-Луи де Коленкур записывал в дневнике: «Говорили, будто бы она старается доказать всем, что способна воскресить все великие воспоминания, на которые указывает её имя. Она старается быть более русской, чем её

семья, или по вкусам, или по обычаям, со всеми разговаривает, объясняясь легко и с уверенностью сорокалетней женщины».

Луиза же зимой 1809 года в Петербурге наслаждалась балами, ужинами и другими публичными мероприятиями в резиденции российского императора. Но она не могла не увидеть контраста со своей собственной ситуацией: «От бриллиантов в глазах рябит... Всякого рода великолепии превосходит любые ожидания. Какие здесь вещи из серебра и бронзы, зеркала, хрусталь, картины и мраморные статуи, это грандиозно». Встречи с императором Александром I протекали достаточно прохладно по сравнению с прежней непринуждённой атмосферой общения монархов.

Царские гости покинули Петербург 31 января 1809 года. И вскоре снова оказались в ставшем уже почти родным Кёнигсберге.

Кёнигсбергские аисты не просто смотрели сверху вниз на проезжавшую королевскую карету... Они распростёрли над королевой крылья своей заботы о ней. И это подействовало! 1809 год принёс очередное пополнение в королевскую семью.

4 октября 1809 года Луиза порадовала своего венценосного супруга ещё раз, родив в Кёнигсберге десятого, последнего, ребёнка – Альбрехта. А в декабре ближе к Рождеству, получив от Наполеона позволение вернуться в Берлин, королевская семья прибыла в столицу, 23 декабря 1809 года.

О путешествии в Петербург королевской четы и подробностях военных годах королевы Луизы – «красавицы с заплаканными глазами», представлены в докладе Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

34. Обручение Екатерины Павловны.

Выполняя условия Тильзитского договора, Россия 7 ноября 1807 года объявила войну Англии, а в феврале 1808 года русские войска вторглись в Финляндию, принадлежащую Швеции.

2 сентября 1808 года Александр уехал на свидание с Наполеоном в Эрфурт, где была подписана секретная Конвенция о переходе Молдавии и Валахии от Турции к России, за что Россия принимала на себя обязательства участвовать вместе с Францией в войне против Австрии.

Таким образом, было совершенно ясно, каким путем пойдет Россия, и её внешняя политика казалась абсолютно однозначной и долговременной.

Следовало сделать столь же определенной и долговременной и внутреннюю политику, расставив политические акценты там, где они расставлены ещё не были.

Как бы успокаивая общество, как бы обращая его внимание на самые приятные стороны жизни, 1809 год начался в Санкт-Петербурге продолжительными и пышными

праздниками и балами не только в Зимнем дворце, но и во многих дворцах титулованной знати в честь прусской королевской четы – Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы.

Три недели шли эти празднества, и совершенно органично, хотя и несколько неожиданно, вплелось в эти торжества ещё одно радостное событие: в доме Романовых состоялось обручение Великой княжны Екатерины Павловны с герцогом Петром Ольденбургским.

Обручение Екатерины Павловны завершало одну из историй в доме Романовых, о которой мало кто знал в то время, когда она происходила, да и впоследствии не многие оказались осведомленными в личной жизни этой незаурядной женщины, которую при дворе не без скрытой аналогии называли «Екатериной III».

Любимая сестра Александра – четвертая дочь Павла Екатерина Павловна – была умна, красива и грациозна, имела живой и энергичный характер и редкое обаяние. Кроме того, она была безмерно честолюбива и всегда стремилась играть первую роль. В перспективе видела она себя российской императрицей и соответственно этому поступала. По словам австрийского посла при петербургском дворе Сен-Жюльена, Екатерина Павловна готовилась к тому, чтобы последовать примеру своей тезки-бабушки и когда-нибудь занять

российский трон.

Первый раз такая возможность предоставилась ей, когда Павел задумал сделать своим наследником Евгения Вюртембергского, женив его на Екатерине Павловне. И жениху, и невесте было, тогда по 13 лет, но Евгений отказался от сватовства, так как невеста показалась ему мрачной, скрытной и чопорной.

Чуть позже возникла идея выдать Екатерину Павловну за овдовевшего австрийского императора Франца, который был старше ее на двадцать лет и к тому же обладал весьма скверным характером, был очень некрасив, крайне неряшлив и неопрятен, что,

впрочем, не останавливало потенциальную невесту. Однако, как оказалось, вопрос решали без хозяина – Франц и не собирался родниться с Александром, и сватовства с его стороны не последовало.

Однако и этот пассаж не обескуражил честолюбивую Екатерину Павловну. Она увлеклась человеком ещё более пожилым, который был старше её на двадцать три года и к тому же не был разведен со своей женой, бросившей его и уехавшей за границу. Этого человека звали Петром Ивановичем Багратионом. Он был генералом, князем и внуком грузинского царя, что делало брак вполне допустимым.

Жена Петра Ивановича – урожденная графиня Екатерина Павловна Скавронская, женщина красивая, богатая и легкомысленная, по отцу была в родстве с императрицей Екатериной I, а по матери – с князем Потемкиным-Таврическим. По-видимому, она унаследовала многие качества и своей разгульной прабабки, и не менее распущенного деда. Княгиня Багратион недолго прожила со своим вечно занятым службой и походами мужем и, соскучившись по иной жизни, более ей импонировавшей, уехала в Вену, где и пришлась ко двору и в прямом, и в переносном смысле. Не только русский посол Андрей Кириллович Разумовский не чаял в ней души, но еще более увлекся ею великий женолюб и сладострастник канцлер Австрийской империи, князь Клеменс Меттерних, которому со временем княгиня Багратион подарила дочь. Оставшийся в России

Петр Иванович, хотя и не был ещё разведен, но уже почитался завидным женихом.

И, возможно, царственный альянс Великой княгини с выдающимся полководцем, любимцем армии, и состоялся бы, если бы не дворцовая интрига. Статс-секретарь М. М. Сперанский, в то время пользовавшийся у государя большим влиянием, как-то намекнул императору, что наметившийся союз небезопасен для него, ибо «Екатерина III», оперевшись на авторитет прославленного генерала, вполне сможет повторить 11 марта 1801 года.

Для впечатлительного Александра этого оказалось достаточно – Багратион был отправлен на театр военных действий в Финляндию, а несостоявшаяся невеста, поняв, что и эта её брачная комбинация не удалась, увлеклась новым кандидатом – князем Долгоруковым. И в данном случае речь шла о замужестве, но против Долгорукова выступила жена Александра, и очередной альянс снова распался.

Однако отношения генерала с блистательной Катиш не прервались даже тогда, когда великая княжна стала великой княгиней: и после ее замужества в 1809 году они продолжали вести переписку. Чтобы прекратить этот нежелательный для русского двора роман, Александр I вскоре после свадьбы сестры принял решение о необходимости пребывания Багратиона в Молдавской армии, куда тот и был назначен в помощь главнокомандующему А.А. Прозоровскому. А в 1812-м, сразу после смерти

тяжело раненного в Бородинском сражении Багратиона, Екатерина Павловна потребовала от императора, чтобы тот отыскал и уничтожил ее письма к князю. Специально отряженные чиновники не обнаружили никаких компрометирующих ее бумаг. Впрочем, среди вещей Багратиона был найден миниатюрный портрет великой княгини в золотом футляре.

В 1808 году к Екатерине Павловне сватался Наполеон. Во время Эрфуртского свидания (27 сентября – 14 октября 1808 года) Шарль Морис де Талейран по поручению Бонапарта поставил перед Александром I вопрос об упрочении союза России и Франции посредством брака императора с русской великой княжной.

«Александр был не прочь согласиться на этот брак, – писала в своих воспоминаниях одна из фрейлин при дворе российского императора, графиня София Шуазель-Гуфье, – но встретил такую сильную оппозицию со стороны вдовствующей императрицы Марии Федоровны и самой молодой великой княжны, что должен был им уступить. Они обе были женщины с характером и открыто восставали против континентальной системы, принятой Александром, расценивая ее как самую большую ошибку внешней политики Российской империи. Наполеону пришлось в первый раз со времени своего возвышения получить отказ. Это была для него первая измена фортуны!»

Наконец, 1 января 1809 года Екатерину Павловну сосватали с принцем Георгом Ольденбургским, генерал-майором русской службы, младшим сыном не очень крупного владетельного немецкого князя. Георг был некрасив, во всем посредственен, но зато скромн, услужлив, уступчив и тем самым весьма удобен для властной и честолюбивой Великой княжны, с которым и прожила в счастливом браке 3,5 года в Тверском Императорском дворце. В дальнейшем принц Ольденбургский показал себя подлинным российским патриотом, отдавшим жизнь за победу в войне с Наполеоном.

Но вернёмся в Петербург, где королева Пруссии Луиза, наслаждаясь балами в гостеприимном Петербурге, восторженно отзывалась в своём дневнике: «От бриллиантов в глазах рябит... Всякого рода великолепие превосходит любые ожидания. Какие здесь вещи из серебра и бронзы, зеркала, хрусталь, картины и мраморные статуи, это грандиозно».

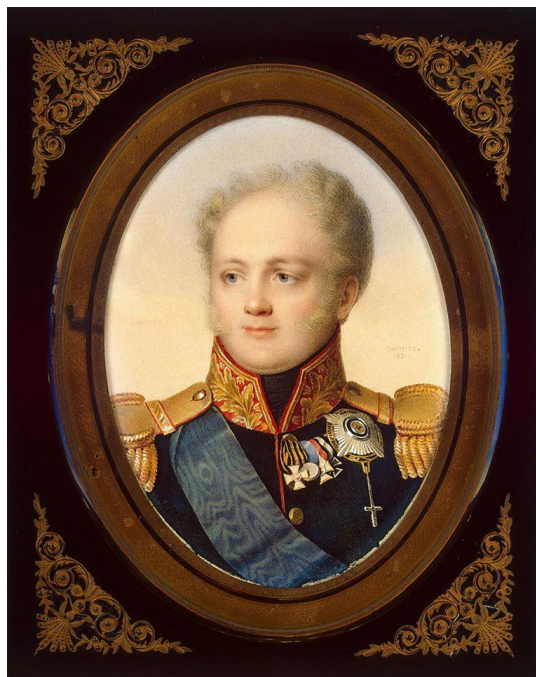
Каждую треть года Франсуа Дюваль, один из самых талантливых представителей рода швейцарских ювелиров, представлял августейшей патронессе, вдовствующей императрице Мари Фёдоровне, которая очень ценила ювелира, поскольку тот безотказно выполнял её поручения, сводные счета на различные вещи, указывая, кому те были вручены и по какому случаю.

Заботливая матушка баловала свою ненаглядную дочку Екатерину прелестными украшениями, даримыми на день рождения и именины великой княжны. Чаще всего преподносились фермуары: бриллианты окружали то «бразильский рубин» (как тогда называли привозимые из далекой Южной Америки алые турмалины), то дивный, очень крупный отечественный зеленовато-голубой аквамарин, то, наоборот, большой бриллиант окаймляли алмазы огранки «роза». В 1808 году Катрин получила от августейшей маменьки красивую «стрелу» из изумрудов и бриллиантов, а также очаровательные бриллиантовые серьги с четырьмя большими жемчужинами.

Во время пребывания прусских короля и королевы 1 января 1809 года состоялось торжественное обручение принцессы с герцогом Петром-Фридрихом-Георгом Гольштейн-Ольденбургским, сложное имя которого в России быстро переименовали в Георгия Петровича.

На пальчике сговоренной невесты красовался перстень с солитером в 18 тысяч рублей, а на груди её жениха ослепительно сверкали бриллиантовые знаки высших русских орденов: Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

Однако больше всего взгляды присутствовавших при торжественной церемонии приковывал медальон на груди обворожительной наречённой, пожалованный ей от венценосного брата: из-под громадного плоского бриллианта в 34 карата, «размером с франк», виднелся лик любезного самодержца. Фантастической была и цена сказочного медальона – 88 842 рубля.

Великая княгиня чрезвычайно ценила это пожалование. Даже выйдя после кончины Георга Ольденбургского вторично замуж и став королевой Вюртембергской, Екатерина Павловна не забыла в написанном ею в июне 1817 года завещании, специальной статьёй оговорить переход «портрета нашего возлюбленного брата, императора российского Александра, украшенного большим бриллиантом», к своему старшему сыну от первого брака, принцу-тезке венценосного дяди Александру (Фридриху-Павлу-Александру) Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбургскому. Мало того. Сия драгоценная памятная вещь становилась даже не фамильной, переходящей к старшему в роде, а государственной. Её, отныне неотчуждаемую, обязаны были по воле первоначальной владелицы выставлять при дворе герцогства Ольденбургского на обозрение желающим.

Поскольку первенец великой княгини Екатерины Павловны, дожив лишь до девятнадцати лет, скончался неженатым, то с 1829 года бесценная реликвия перешла к его младшему брату, принцу Фридриху-Константину-Петру Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбургскому, вскоре переехавшему на родину матери по приглашению августейшего дядюшки, императора Николая I.

Младший отпрыск Георга Ольденбургского, называемый теперь на русский лад «Петром Георгиевичем», столь много и достойно трудился на благо нового Отечества, зачастую тратя собственные средства на нужды просвещения, что благодарные россияне в 1889 году воздвигли на Литейном проспекте в Санкт-Петербурге памятник герцогу, выбив на постаменте слова: «Просвещенному благотворителю» (уничтожен). Женился Петр Георгиевич на принцессе Терезе Нассауской, и от этого брака пошло потомство этой русской ветви герцогов Ольденбургских.

Драгоценный медальон с портретом Александра I впоследствии оказался у внука герцога Петра Георгиевича, принца Петра Александровича Ольденбургского, ставшего супругом великой княжны Ольги, дочери императора Александра III. Брак оказался неудачным, и в конце 1915 года был с разрешения царя Николая II расторгнут. Великая княгиня Ольга Александровна утратила все свои остававшиеся в Петербурге бриллианты в революционные годы. Неясно, успел ли её экс-супруг вывезти фамильные драгоценности за границу, а поэтому судьба жалованного портрета Александра I, некогда исполненного Франсуа Дювалем, к сожалению, неизвестна.

По материалам книги Баязина Вольдемара Николаевича «Екатерина Великая и ее семейство».

35. Наполеон и Жозефина.

«Не было дня, чтобы я не любил тебя; не было ночи, чтобы я не сжимал тебя в своих объятиях. Я не выпиваю и чашки чая, чтобы не проклинать свою гордость и амбиции, которые вынуждают меня оставаться вдалеке от тебя, душа моя. В самом разгаре службы, стоя во главе армии или проверяя лагерь, я чувствую, что мое сердце занято только возлюбленной Жозефиной. Она лишает меня разума, заполняет собой мои мысли».

10 января 1810 года, был аннулирован брак Наполеона и Жозефины.

Об истории любви императора и его музы, и о её русской праправнучке...

Когда-то старая карибка предсказала юной Мари Розе Жозефе: «Ты скоро выйдешь замуж, но брак этот не будет счастливым, ты овдоеешь, и тогда ты станешь больше, чем королевой». Вскоре её пророчество начало сбываться. Поместье отца будущей императрицы очень пострадало от урагана 1766 года, и он решил исправить положение, выдав 16-летнюю дочь за виконта Александра де Богарне. Этот брак, в котором Мари Роза Жозефа

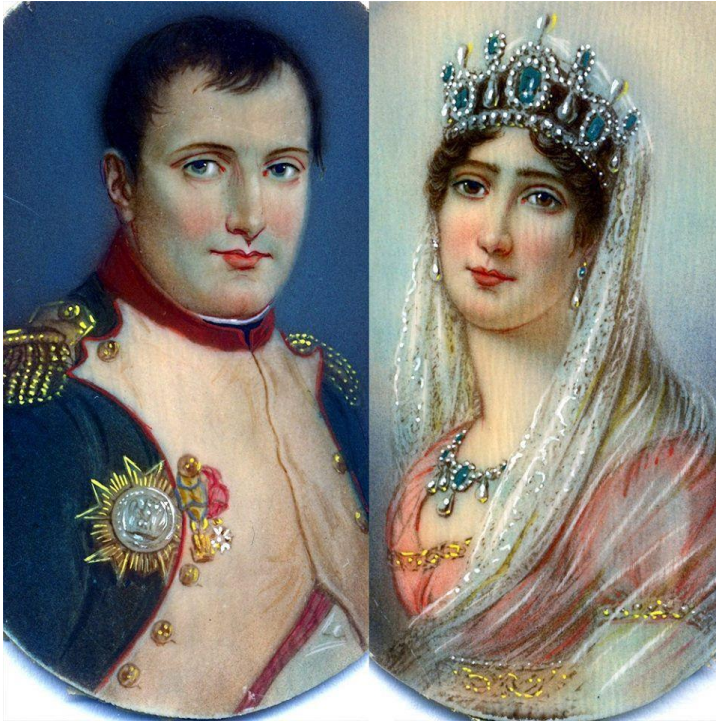
родила двоих детей, не был удачным – после появления наследников виконт, делавший успешную политическую карьеру, практически бросил семью и стал открыто вести разгульный образ, что в итоге привело к разводу. Но когда Александра де Богарне арестовали по ложному доносу, к казни приговорили не только его, но и родных, в том числе бывшую супругу, которую арестовали и бросили в тюрьму Карм. Кстати, по странному совпадению виконта обезглавили в день рождения Мари Роз Жозефы. Так сбылась первая часть предсказания.

Молодой вдове не суждено было умереть за решеткой – после переворота и последовавшей казни Робеспьера её смертный приговор был отменен, и чудом спасшаяся красавица оказалась на свободе, без гроша в кармане и с двумя детьми. Чтобы прокормить семью, ей пришлось заняться тем, что сейчас называют эскортом. Вскоре один из её покровителей виконт Поль Баррас, снимавший для неё особняк, решив избавиться от любовницы-содержанки, привыкшей к роскошной жизни и быстро превратившейся для него в обузу, познакомил её с невзрачным офицером Наполеоном Бонапартом. Он был младше 32-летней Мари Роз Жозефы на 6 лет и небогат, совершенно потерял голову от соблазнительной креолки, которую назвал Жозефиной, что означало «моя нежная любовь».

Вскоре Наполеон сделал ей предложение руки и сердца. Его возлюбленная раздумывала, стоит ли выходить за него, ведь она не относилась к нему всерьёз, да и сильных чувств не испытывала, но пылкий поклонник не собирался сдаваться и добился своего. Наполеон усыновил обоих детей Жозефины, которых полюбил и относился к ним как к родным, а в качестве свадебного подарка преподнёс супруге золотой медальон с надписью *Au destiné*, то есть «Это судьба» (по другим данным это было кольцо с сапфиром). При получении новых документов Жозефина уменьшил свой возраст на 4 года, а Наполеон наоборот прибавил себе один, и на бумаге они стали практически ровесниками...

Всего через пару дней после свадьбы Бонапарт был вынужден оставить горячо любимую супругу, чтобы принять командование французскими войсками в Италии. Он забрасывал её жаркими письмами и умолял приехать к нему, а в ответ получал лишь сухие и небрежные письма.

Жозефина вдохновляла Наполеона – перед каждым сражением он доставал её портрет и молился перед ним, как перед иконой. За его первые победы она даже получила прозвище *Notre-Dame des Victoires* (Богоматерь Победы).

А в это время его возлюбленная, называвшая мужа «смешным Бонапартиком», вовсе не скучала без него – она завела роман и превратилась в шопоголика, скупала дорогие картины, приобрела в кредит замок Мальмезон, устраивала пышные приёмы и стала законодательницей мод (это благодаря ей стали модными прозрачные платья античного силуэта без рукавов в стиле

«ампир»). Наполеон был вынужден покрывать её долги, которых становилось все больше и больше из-за расточительности Жозефины. Он прощал ей всё, в том числе и измены, настолько любил и боготворил её.

Говорят, поворотным моментом в их отношениях стало решение Бонапарта расстаться с неверной женой. Когда он выставил её вещи из дома, Жозефина испугалась не на шутку и принялась умолять мужа простить её. Именно тогда она и поняла, что любит его. Через два дня Наполеон сдался, а Жозефина превратилась в его напарницу и верную помощницу, стала его поддержкой и опорой. Она помогала писать письма и правительственные документы, читала вслух литературу и переводила иностранные депеши. Её связи открывали перед Бонапартом самые неприступные двери. В перевороте, совершённом Наполеоном и покончившим с Директорией, Жозефина тоже сыграла свою роль в организации и стала первой дамой Франции, женой первого консула. Кроме того, она была связующим звеном с той частью аристократии, которую Наполеон намеревался сделать своими союзниками. Жозефина лично вникала в дела множества эмигрантов, писала чиновникам и министрам рекомендательные письма и ходатайства о возвращении конфискованного имущества бывшим эмигрантам и восстановлении их в гражданских правах, за что её стали называть *la bonne Joséphine*, то есть «добрая Жозефина».

2 декабря 1804 года в Соборе Парижской Богоматери Наполеон провозгласил себя императором Франции и сам возложил имперскую тиару на Жозефину. Он мечтал о наследнике, но любимая не смогла подарить ему детей, и тогда Бонапарт решил заключить новый брак, чтобы сохранить династию и продлить свой род. Прежде чем сочетаться с принцессой Австрии Марией-Луизой, Наполеон в Эрфурте у Александра Первого просил руки его сестры – Екатерины Павловны, но получил жёсткий отказ от матери княжны.

После развода по настоянию Бонапарта у Жозефины сохранился титул

императрицы. Она получила Елисейский дворец, Наваррский замок, Мальмезон и три миллиона в год. Гербы, эскорт, охрана и все атрибуты царствующей особы также были оставлены ей. Все оставшиеся пять лет своей жизни экс-супруга занималась коллекционированием произведений искусств, а также любимым хобби – выращиванием растений. Она собрала богатейшую коллекцию экзотических растений со всего мира, многие из которых стали известны в Европе именно благодаря ей. А в

зверинцах, которые также организовала Жозефина, находились редкие животные и птицы, например, эму, кенгуру, черный лебедь. Но самую большую известность получила коллекция роз Жозефины – их в саду Мальмезона насчитывалось около 250 сортов. Кстати, при её жизни в честь императрицы были названы два рода растений – лапажерия в честь её девичьей фамилии и жозефиния.

Наполеон продолжал любить прежнюю жену и после развода, писал ей нежные письма, несмотря на то, что в новом браке у него появился долгожданный наследник. Он не был счастлив и тосковал по своей Жозефине. После разгрома при Ватерлоо его отправили в ссылку на остров Святой Елены. Жозефине было отказано в его

сопровождении, а спустя пару месяцев после отречения Наполеона от власти она заболела и умерла.

«Жозефина — талисман, подаренный мне фортуной, только ей одной я обязан своим величайшим возвышением», — говорил о ней Бонапарт.

До конца своих дней Наполеон продолжал думать о своей дорогой Жозефине. По воспоминаниям графа Монтолона, перед смертью на острове Святой Елены он прошептал три слова: «Армия. Франция. Жозефина».

Что касается детей возлюбленной Бонапарта, то их истории тоже впечатляют. Её дочь Гортензия (Ортанс) вышла замуж за голландского короля Людовика Бонапарта и родила будущего императора Франции Наполеона III.

Сын Жозефины Евгений (Эжен) стал вице-королем Италии и герцогом Лейхтенбергским.

Его сын Максимилиан Лейхтенбергский, вступив в брак с дочерью Николая I Марией Николаевной, стал основателем российской ветви семьи Богарне.

Одна из дочерей Эжена Жозефина вышла замуж за короля Швеции Оскара I, а другая Амелия Лейхтенбергская стала второй женой императора Бразилии Педру I и императрицей Бразилии. Все они потомки красавицы-креолки, дочери плантатора, которой в юности гадалка предсказала великое будущее.

Несколько слов о графине Дарье Евгеньевны Богарне, праправнучке Жозефины, а также великого полководца Михаила Кутузова, правнучке Николая I, дочери князя Евгения Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, и бывшей фрейлины Дарьи Константиновны Опочининой.

Она родилась 7 марта 1870 года в Мариинском дворце — дворце своей бабушки, великой княгини Марии Николаевны. Долли, как её звали в семейном кругу, училась во Франции, в 1906 году, будучи уже замужем с тремя детьми, окончила Сорбонну. С октября 1917 года у неё было баварское подданство, а через год в самый разгар гражданской войны вернулась в Советскую Россию. Вместе с мужем Виктором Маркизетти она работала в библиотеке издательства «Всемирная литература»,

организованного М. Горьким для издания классической литературы в СССР. В 1924 году, когда издательство прекратило своё существование, его библиотека превратилась в иностранный отдел Государственной Публичной библиотеки (сейчас это Российская национальная библиотека в Петербурге).

В 1927 году Дарья Евгеньевна приняла гражданство СССР, сменив имя на Дору Евгеньевну Лейхтенберг, а 10 лет спустя её обвинили в шпионаже в пользу австрийской разведки и приговорили к расстрелу. Реабилитирована она была посмертно лишь в мае 1989 года.

Об истории любви Наполеона и Жозефины снято немало фильмов. Одни из самых ярких воплощений возлюбленной Бонапарта на экране, которой Тори Амос посвятила одноименную песню – это «девушка Бонда» Урсула Андресс, Жаклин Биссет и Изабелла Росселини.

И напоследок песня Тори Амос «Josephine» <https://youtu.be/OzFgpAOjANA>

По материалам блога Адрианы Суворовой «Говорят, что...»

36. Приметой городской жизни становится появление вольных обществ любителей музыки и поэзии.

Профессиональный театр, певческие и музыкальные объединения, оперная труппа и симфонический оркестр, гастроли знаменитостей, выпуск газет, масонские ложи – всё это входит в общественную жизнь города.

Появляются традиции культурного времяпровождения. Становится привычным посещение театров, концертов, музеев, выставок. Возникают новые места времяпровождения – кофейни, кондитерские, общественные сады и спортивные площадки, кинотеатры, музыкальные арены, бесчисленное количество ресторанов, пивных – всё это заметно разнообразило жизнь горожан.

С XVIII века стали возникать в светском прусском государстве симфонические и войсковые оркестры. Музыкальному сопровождению торжеств положила начало пышная роскошная коронация Фридриха Первого Прусского в замке Кёнигсберг. Это событие позволило многим музыкантам сделать себе карьеру.

В 1721 году в Альтштадте взошла звезда Георга Риделя, которого называли «восточно-прусским Бахом». В конце XVIII века искусство «пошло в народ»: состоялись первые открытые любительские концерты в Кнайпхофском юнкерхофе (зале дворянского собрания), местная оперная труппа осуществила свои первые постановки.

Музыка звучала везде – и на плацах, и в школах, и в церквях. Домашнее музицирование, а также в светских гостиных становится частью культурной жизни увлечённых изящными искусствами. Аристократические салоны принимали эстетствующих дворян провинции и высокообразованных буржуа.

Строились пауперхаусы (Pauperhaus, «намоленное здание») – государственные школы-интернаты, предназначенные для

бедных детей. Как правило, там готовили колядников или хористов, которые пели на разных праздниках и церемониях, например, на похоронах. Кёнигсберг был известен хорошей организацией сети этих школ. При каждой школе для более-менее обеспеченных учеников функционировал такой Пауперхаус. В Тильзите на Мемельштрассе, 16 при Пауперхаузе в XIX веке жил, и, там же работал, учителем литовского языка этнографист Эдуард Гизевиус. С годами Pauperhaus Тильзита взяли на городской баланс. В 30 годах, когда боролись с иностранными названиями, Пауперхауз переименовали в приют Фалька-Киршинга.

В 1799 году Иоганн Фридрих Август Риль основал в Кёнигсберге Певческий институт, а через десять лет факультет церковной музыки и пения открылся в Альбертине.

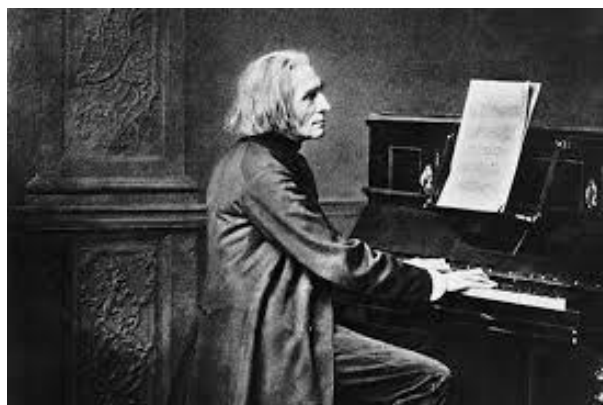
В 1835 году в Кёнигсберге прошел первый музыкальный праздник. А еще через три года была основана филармония. В 1842 году в Кёнигсберге открылась Музыкальная академия.

В этом же году в городском театре при полном аншлаге четыре вечера подряд выступал кумир Европы Ференц Лист. Обычно сдержанная кёнигсбергская публика преобразилась: женщины в зале рыдали от восторга и рвались на сцену, чтобы хоть краешком пальца дотронуться до блистательного красавца, бонвивана и щеголя. Мужчины аплодировали так, что от большой люстры на исходе четвертого концерта отвалилось несколько подвесок.

15 марта 1842 года в здании почтамта Тильзита, построенного в 1835 году по проекту знаменитого архитектора Карла Шинкеля на Хоэштрассе (сейчас улица Победы), по дороге на свои первые гастроли в Россию, Ференц Лист дал

концерт на инструменте, собранном тильзитской фабрикой по производству фортепиано, основанной в 1838 году Ф. Кирхбергом.

В Тильзите в разное время с различным размахом появляется большое количество обществ, союзов и клубов самых различных направлений, которые объединяли людей по интересам, и, в конечном счёте, действовали на благо любимому городу.

Как мы уже рассказывали, в Тильзите самыми первыми появились общества, которые объединили любителей садоводства. Это были одни из самых действенных объединений города. При активном участии Союза садоводства, Союза декоративного садоводства и Союза садоводства судебных чиновников Тильзита был заложен парк Якобсруэ. На пожертвования этих обществ благоустраивали парк, покупали заморские растения, следили за порядком и чистотой, проводили ландшафтные работы.

Любители же пения музыки в Тильзите объединялись в различные певческие кружки — «Harmonia», «Melodia», «Zukunft», мужское певческое общество «Певческая гильдия» («Songergilde») и музыкальный союз «Oratorienverein». Первые музыкальные праздники проводились в парке Якобсруэ, в помещениях, построенных для ремесленных выставках начала 20 века (1903 и 1905 годы). Затем эти постройки в Тильзите использовались для проведения музыкальных многодневных фестивалей.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 002688
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MTO9097-0. Tilsit, Provinzial-Sängerfest 1931.. (1931), ©

В 1907 году в Тильзите прошёл Первый музыкальный литовский фестиваль (Litauisches Musikfest), затем – в 1908 году. А в 1910 году, в парке был проведен большой многодневный музыкальный праздник под руководством дирижера и директора тильзитской консерватории Вильгельма Вольфа. Первый же песенный фестиваль Восточной Пруссии открылся в Инстербурге в 1908 году, а в Тильзите в

1931 году состоялся крупный песенный фестиваль.

В октябре 1918 года консерваторию в Тильзите приобрел Уго Гартунг, дирижёр и учитель музыки, уроженец Тюрингии. Как дирижёр ассоциации певцов и церкви города Тильзита он основал музыкальную службу в церкви и хор мальчиков, названный хором Лютера. В 1920 году Уго продал консерваторию и снова стал школьным преподавателем музыки. После того, как был создан городской оркестр Уго Гартунг руководил симфоническими концертами. В 1919 году как главный городской дирижёр он учредил музыкальный союз Тильзита, который ежегодно устраивал шесть симфонических концертов и три хоровых концерта.

В то время музыкальная жизнь в Тильзите была на высоте, благодаря в том числе усилиям обер-бургомистра Эльдора Поля: в 1920 году (в год Бетховена) впервые

в городе прозвучала 9-я симфония Бетховена, в 1921 году состоялось два больших концерта, весной 1923 года Гартунг провел четырёхдневный фестиваль Баха, где в Тильзите впервые была исполнена месса «си минор». В 1924 году Гартунг четырежды дирижировал при исполнении оперы «Оттон и Теофан» Генделя.

В 1924 году Уго Гартунг был переведен в гимназию Кёнигсберга. В школьном хоре он ставил Йозефа Гайдна и Баха и удостоился похвалы Эрнста Вихерта. В 1926 году Уго основал в Кёнигсберге женский хор. В Кёнигсбергском университете он возглавил академический хор, оркестр филармонии и певческий союз. В 1934 году он объединяет музыкальную и вокальную академии. С объединенной академии Гартунг представил множество больших хоровых и симфонических произведений. Со многими известными солистами Кёнигсберга Гартунг ежемесячно давал концерты по радио. Гартунг сидел в экзаменационной комиссии для церковных музыкантов. От имени провинциальной коллегии он был консультантом учителей музыки в средних школах в Восточной Пруссии. Как музыкальный воспитатель Уго Гартунг стал образцом и лидером для всего поколения восточно-прусских школьных музыкантов и многих руководителей хора.

В 1932 году Гартунг женился на полуеврейке, что, после прихода к власти фашистов, привело к тому, что он потерял все должности и был отправлен в Гумбиннен. После увольнения из системы школьного образования в 1936 году Гартунг создал у себя дома музыкальную школу, где обучал учителей и даже иностранных студентов. К 1944 году в его школе обучалось 300 учеников. Школа имела 5 штатных преподавателей и 8 преподавателей по совместительству. После налета английской авиации на Кенигсберг в августе 1944 года школа была закрыта, в январе 1945 Гартунг покинул Кенигсберг, оставив в городе 16 фортепиано, 2 клавесина, 1 портативный орган, 16 драгоценных струнных инструментов, 10000 книг и партитур, а также всё школьное и домашнее оборудование.

В Тильзите был образован и Клуб почитателей Шиллера. Влияние поэтического слова этого поэта было велико, Фридрих Шиллер ориентировал на гуманистические идеалы и его считали хранителем буржуазной нравственности.

Театр в Тильзите имеет богатую историю, а само название «Тильзит-Театр» сегодня в Калининградской области – это уже брэнд престижной площадки, привлекательной для любых гастролирующих коллективов и, конечно, требует отдельного рассказа. Выступление театральных сообществ в Тильзите впервые состоялось в большом

зале винного ресторана аптекаря Фалька на Дойчештрассе (сейчас улица Гагарина).

В 1772 году имелись общества актёра в Данциге и Кёнигсберге, которые бывали как выездные театры и в Тильзите. Типограф Генрих Пост пишет, что 15.3.1807 в конце несчастной войны актёрское подразделение 8 дней гостило в Тильзите. Они играли в стеснённых условиях за военным госпиталем на Дойчештрассе (улица Гагарина), на углу Сайлерштрассе (улица не существует, располагалась ближе к набережной реки).

Настоящее здание театра было построено на добровольные пожертвования жителей Тильзита и близлежащих к нему районов. На строительство было собрано 145 000 марок, из них наиболее значительный вклад — 60 000 марок — сделал купец Аугуст Энгельс.

Осенью 1893 года под звуки торжественной увертюры Вебера впервые открылся занавес театра. В тот вечер давали драму В. Гете «Эгмонт». Это и определило дальнейший репертуар театра, который состоял в основном из опер, оперетт и классической драмы. Тильзитская сцена явилась колыбелью многих ведущих деятелей театра и кино, она стала первой ступенью к мировой известности таких драматургов, как Франк Ведекинд и Альфред Бруст.

В 1903 году состоялась первая перестройка здания, во время которой зрительный зал был значительно расширен.

Первым директором, а также художественным руководителем театра был Эмиль Ханеманн, являясь одновременно и блестящим характерным актёром.

Восстановлением в правах немецкая «новая драма» во многом обязана Франческо Сиоли, возглавившему театр в 1908 году. Деятельность Сиоли выходила далеко за рамки «местного масштаба»: в Тильзит специально приезжали с запада, чтобы посмотреть хороший современный спектакль. Шли годы, чередовались взлёты и падения, сменялись хозяева театра. В трудные годы его пытались содержать частными

усилиями, но недолго. В начале 1933 году руководство театра взяла на себя национал социалистическая театральная организация.

В 1936 году здание театра вторично подверглось перестройке. Построенное в стиле классицизма и барокко, после реконструкции оно приобрело довольно строгий вид. «Архитектурными излишествами» оказались и два бюста великих немецких поэтов — Шиллера и Гете, как видно не вписавшихся в

идеологию национал-социалистов. Полностью изменив свой внешний вид театр получил и новое название — «театр пограничной земли».

Спустя некоторое время театр был эвакуирован вглубь Германии. А во время Второй мировой войны театр в Тильзите был закрыт, а труппа расформирована.

7 ноября 1956 года спектаклем Д. Зорина «Вечный источник» в Советске открылся городской драматический театр. Одним из первых, кто возрождал театр был Александр Бродецкий, возглавлявший труппу театра около 10 лет. В начале у театра не было собственной труппы, однако вскоре, наряду с приезжими, на сцене театра начали выступать и местные артисты. В 1966 году, на долгие пятнадцать лет, главным режиссёром театра становится Борис Григорьевич Кодоколович. 1991 году театр возглавил выпускник Щукинского училища Евгений Марчелли, который создал новый творческий имидж «Тильзит-Театра». За годы работы режиссёра театр смог принять участие в более 20 международных фестивалях в России и за рубежом в Италии, Германии, Литве, Швеции.

По материалам статьи Светланы Белшевиц и Виталия Черняева и интернет-портала https://ruwikiorg.ru/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA_%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C

37. Лось. Какой же город без Лося?

3.
→
Эмблема
Восточной
Пруссии
на серебряном
значке

Ещё в давние времена на территории юго-востока Тевтонского ордена охота за кабанами, зубрами, турами и лосями была излюбленной забавой рыцарей.

В начале 20 века гумбинненский скульптор Рихард Фризе изготовил две скульптуры оленей, которые были установлены в Роминтской пушке. Он же решил увековечить природу края в виде самого традиционного животного этих мест — лося. Будучи знакомым с мастером Людвигом Фордермайером,

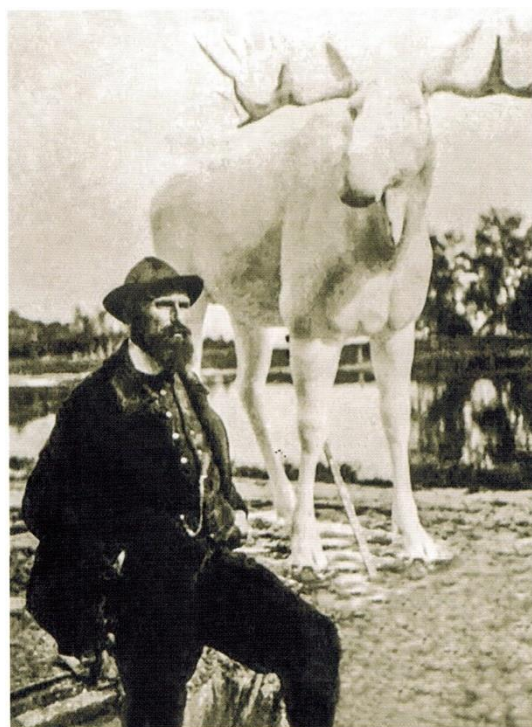
учеником Эдуарда Мане, Фризе вдохновил того изготовить скульптуру лося, а позже добился, чтобы городские власти Гумбиннена приобрели эту скульптуру и установили её. Фигура лося в центре Гумбиннена произвела впечатление и имела успех, а автор — Людвиг Фордермайер, отмеченный вниманием, задумал отлить и второго лося, правда, осуществил задумку намного позже, в 1928 году. Тогдашний премьер-министр Пруссии Отто Браун хотел подарить его своему родному городу Кёнигсбергу, но

городские власти отказались. Тогда скульптура лося была преподнесена Тильзиту, как символ мира и величия края.

Есть распространённое мнение, что бронзовый лось стал политическим подарком Тильзиту от премьер-министра Отто Брауна. Однако не стоит выпускать из вида, что Отто Браун был заядлый охотник и приезжал в Лосиную долину поохотиться на лося. Во время самой успешной охоты своей жизни Отто Браун отстрелил крупного лося, рога которого имели 20 отростков. Но якобы со временем министр-президент сумел проникнуться заботой о породистых лосях. И позже лично курировал некоторые мероприятия по охране и разведению лосей. Скульптура лося в Тильзите появилась в память об удачной охоте Отто Брауна в Эльхнидерунге – Лосиной долине, но была умно преподнесена как символ мира и величия края.

Конечно, как художественные произведения, гумбиненский и тильзитский лоси не повторяют друг друга. Каждый из них имеет свои особенности, лось из Тильзита крупнее и голова его наклонена ниже.

6. ↑ Скульптор Людвиг Фордермайер в процессе работы над статуей гумбиненского Лося

Во время работы над Лосями Фордермайер дважды в 1909 – 1910 годах приезжал из Берлина в Эльхнидерунг, в лесничество Тавеллнингкен на берегу Гильге. Художника не смущал простой деревенский сарай, ставший его мастерской. Главное – быть в лосином краю, где можно воочию увидеть животных и максимально точно изобразить их потом в натуральную величину. Кто кого нашёл – не известно, но лось-гигант, которого Фордермайер подкармливал капустными листьями, каждое утро ожидал художника на берегу. Художник устраивался на расстоянии от трёх до пятнадцати шагов, успевая делать графические и пластические наброски. По завершению «накопительного» периода последовала работа в берлинском ателье. Этудную модель послужил для гипсовой модели. Но напрашивалась доработка на месте, в лесничестве. Доставка большой модели

водным путём по рекам Шпре, Одере и пароходом из Штеттина на берега Гильге оказалась трудоёмкой.

Вновь началась желанная работа с натуры, а после необходимых правок, модель возвратилась в Берлин. С неё в 1911 году была отлита бронзовая статуя в художественной литейной мастерской. Государство купило её у Фордермайера по рекомендации художественной комиссии, после чего статуя была установлена в Восточной Пруссии, на центральной площади в городе Гумбиннене – центре

Гумбинненского правительственного округа, одного из трёх в Восточной Пруссии, наряду с Кёнигсбергским и Алленштайнским, в который входило 17 административных территорий, в том числе Инстербург и Тильзит.

Приезжал ли Фордермайер в Эльхнидерунг, создавая тильзитского лося, не известно...

В конце июня 1928 года на территории города Тильзита, преодолев путь из Берлина, была торжественно открыта скульптура «Лось», размещенная на Ангерплатце (сейчас Театральная площадь) между зданиями суда и театра – лицом к театру и тылом к зданию суда. На этот счёт острословы отпускали неприличные выражения...

В день открытия бронзовой скульптуры «Лося» на тильзитской площади царил торжественная атмосфера. «Лось» со своего постамента свысока смотрел на окрестности Тильзита. С этого момента он стал главным участником всех происходящих событий в городе на территории площади. Жители Тильзита очень полюбили эту скульптуру и всегда приходили к ней.

Лось стал городским символом, его изображение появилось на конвертах, фотографиях, открытках, посуде...

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 001114 / 2-17_1114
Tilsit, Stadt, Stadtkreis Tilsit, MT09097-0.
Eislauf auf dem Anger. (1925-1943), ©

Скульптура лося стояла на невысоком постаменте, и многие смельчаки так и норовили «покататься» на нём. А однажды, в тихую лунную ночь, после распития алкогольных напитков группа молодых людей решила окрестить лося, что собственно тут же и сделали при помощи пол-литра хорошего немецкого пива, дав ему имя «Густав». Городок был маленький и об этом случае вскоре все узнали. Так имя и прижилось. Традиция давать сохатым сохранилась, именно это имя существует и сегодня в Германии, так, например, когда недавно один лось стал мешать движению по одной из просёлочных дорог в Германии, местная пресса окрестила его именно «Густавом», несмотря на то, что вскоре

выяснилось, что это была лосиха.

Однажды, после выступления Гитлера в Тильзите в 1932 году, жители, в приступе вспыхнувших противоречивых политических чувств, отрезали один рог тильзитскому лосю.

Лось выстоял все ужасы войны, и проводил тильзитцев в изгнание. Потом встречал новых жителей города, напоминая о традициях древней земли у Мемеля.

Пришло время, когда скульптуру «Лося» посчитали лишней и в 1947 году на его место поставили стальной боевой танк, а «Лося» переместили на луг, который был расположен между Тингплацем и стадионом. «Лося» поставили просто так, без всякого постаментов. Молодежь не очень вежливо обходилась с ним, раскачиваясь на его ветвистых рогах до тех пор, пока лопасть одного рога не отломалась совсем.

Какое-то время отломившийся рог находился рядом с «лосем», а потом и вовсе исчез. Его поиски привели в закупочный пункт по сбору металлического лома. Найденную лосевую лопасть приварили обратно к скульптуре, но продержалась она недолго и была снова сломлена. Спустя некоторое время пропали совсем уже обе его лопасти. Затем, в начале 50-х годов от скульптуры «Лося» решили избавиться и отдали жалкие его остатки в бывшую столицу Восточной Пруссии – бывший Кёнигсберг, где он влачил своё жалкое существование в калининградском зоопарке, где, кстати, наконец-то, встретился со своим гумбиненским собратом.

Установка статуи Лося на предназначенную для него площадку. 24. 08. 2006. Фото Т. Урупиной

концов, поняли, на чьей стороне правда.

Возвращение гумбиненского лося в Гусев в 1991 году, могло стать сюжетом киносюжета. Бывший зам. председателя горисполкома И. И. Ахрименя, устав убеждать областное начальство в необходимости возврата лося, перешёл к решительным действиям: пригнал в калининградский зоопарк машину с подъёмным краном, погрузил скульптуру и привез её в Гусев. Чиновники серчали долго, но, в конце

В 1993 году активные жители Тильзита во главе с краеведом Исааком Яковлевичем Рутманом, городским музеем и городским отделением культуры, занялись сбором подписей и требованием «вернуть лося» в город, на прежнее место. Так в 2007 году скульптура «Лося» была вновь возвращена на территорию города Советск, где находится и поныне.

Стоит теперь он перед бывшим зданием суда. Так случилось ещё одно чудо. Тильзитский лось Густав наблюдает за городом и, как поётся в «Песне о Восточной Пруссии», вслушивается в вечность.

По материалам статьи «Лось» Т. С. Урупиной из книги «Тильзитские доминанты».

38. Союз путешественников бизнесменов.

Нельзя не отметить, сколь богаты и разносторонни были интересы тильзитцев. По мимо союзов любителей садоводства и любителей пения и музыки, здесь был Союз путешественников бизнесменов.

В былые времена Тильзит, по причине своего удобного месторасположения, размера и многочисленных ярмарок был притягательным пунктом для торговцев и их покупателей, которые приезжали в город из-за границы. После Кёнигсберга в начале XIX века, Тильзит стал вторым по численности населения городом в Восточной Пруссии.

развивали город, делая его привлекательным. Вносили свою лепту и лесоторговцы,

которые сопровождали сплавы леса из Белоруссии вниз по Неману и проводили порой долгие зимние месяцы в Тильзите в ожидании весны, когда их товар найдёт сбыт.

В середине XIX века в Кёнигсберге ощущался подъём торговли из-за Крымской войны России. Черноморские порты были блокированы. А в Кёнигсберге, помимо основного товара зерна – торговля зерном становится

главенствующим фактором для Кёнигсберга начиная с середины XVII века, пик экспорта зерновых пришелся на конец XVIII века, затем немного снизился, и к концу XIX века вывоз зерновых вновь поднялся и составил 75% от общего объёма экспорта, – появились новые виды экспорта, например, чай, который составил чуть больше половины уровня вывоза в год зерна в целом.

Ситуация на прусско-литовской границе радикально поменялась. Во время войны, с 1853 года по 1856 год, Россия подверглась всесторонней торговой блокаде, исключение составляла только Пруссия. В такой ситуации царская Россия была вынуждена открыть прусскую границу. Весь импорт в бескрайние просторы России шёл только по суше и, прежде всего, через Тильзит. По экономическим причинам, возникла политически незапланированная, внезапная

либерализация пограничного режима. Приграничная торговля приобрела фантастические размеры. Эти годы можно назвать «золотыми» в истории региона.

Но в целом военная обстановка в Европе не способствовала расцвету торговли. И всё же время технического прогресса в XIX – XX веках давало о себе знать. В 1828 году в Кёнигсберг из Эльбинга прибыл первый пароход «Коперникус», через десять лет между Кёнигсбергом, Пиллау и Данцингом курсировал пароход «Газель», а по устью Прегеля ходил паровой бот «Анна-Генриетта».

В 1855 году в рейс на Тильзит от Кёнигсберга отправился большой металлический пароход «Шнелль». В 1872 году через Кёнигсберг прошло 3740 различных судов. Однако приходится констатировать, что Кёнигсберг, хотя и развивался в торговом отношении, но всё-таки постепенно утрачивал главенствующую роль в регионе, терял монопольное право на некоторые льготы,

благодаря которым он мог сконцентрировать у себя потоки грузов (например, так называемое право «брака», то есть определение качества товаров).

К концу XIX века ввоз в Кёнигсберг состоял из колониальных товаров, каменного угля, металла, керосина, масел, химикалий, сельди и чая.

Чай, преимущественно, шёл в Россию. Вывоз складывался из льна, зерна, конопли, орехового дерева, сахара, сыров и др. В 1894 году перевозки осуществляли 2173 корабля, более 50% из них – немецкие.

Открытие в середине XIX века железнодорожного сообщения не стало поначалу сильно конкурировать с морскими перевозками. Напротив, оно способствовало быстрому массовому подвозу товаров в порты и вывозу из портов прибывающих грузов. Дешевизна морских перевозок, по сравнению с тарифами на железной дороге, становилась привлекательным моментом для перевозчиков.

Однако, приходится констатировать, что стальные пути железных дорог стали постепенно теснить перевозки по речным артериям. В 1895 году по железным дорогам в Кёнигсберг доставлено 735000 тонн товаров, а вывезено 364000 тонны, в 1923 году железнодорожный вывоз равнялся 1 400 000 тоннам, а ввоз примерно 650 000 тонн.

Необходимость поддерживать торговые взаимоотношения между предпринимателями побудила в создании Союза путешествующих бизнесменов. Таким образом происходило знакомство с местными промышленниками, крупными производителями, налаживались контакты с потенциальными партнёрами из-за границы. Немаловажную роль играло знакомство с правилами торговли, определяющими правовыми документами и возможностями, связанные с ослаблением пограничного контроля...

Некоторые общины Пруссии предоставляли услуги по «страхованию» контрабанды: нанимались специальные «транспортировщики»; закупалось необходимое количество товара за свой счёт; от заказчика получали часть денег в виде аванса + процент; оставшуюся часть денег им выплачивали, если нелегальный товар благополучно пересекал границу, если – нет, аванс не возвращался, но и часть собственных

средств терялась. Роль фурманов («транспортировщиков») выполняли приграничные жители, зачастую – евреи.

У евреев на территории России оставалась огромная семья, которая производила кустарные товары для сбыта в Пруссии. Комиссионеры в большинстве своём евреи российского происхождения, на родине имели родственников в качестве заготовителей. Подлинными пионерами торговли становились до невозможности незаменимыми. Они поставляли всё без исключения артикулы русского экспорта – зерно, бобовые, чечевицу, шкуру, овёс, лён, пеньку. Торговля и промысел процветали

ровно, как и связи с близкой Россией, которая делала невероятные гешефты. Такая вот особенность связующего характера еврейской нации. Естественным следствием которого был приезд русских торговцев в провинцию по одиночке или семьями для посещения курортов.

По материалам статьи И. Афонина и А. Губина, Светланы Белишевиц и Виталия Черняева.

39. Тильзит всегда был тесно связан со своим соседом – Литвой.

Город манил своим многообразием, в различных сферах человеческой жизни. Первым «послом» отношений стала Литовская церковь.

Церковная литовская община возникла в Тильзите уже во времена герцога Альбрехта, тогда была построена первая литовская церковь – это был фахверковый дом без башни и колоколов. Она использовалась немецким населением города во время строительства Немецкой церкви (с 1598 по 1612 годы). После нескольких

ремонтных работ в XVII и начале XVIII века церковное здание из-за ветхости было снесено.

Старая церковь была заменена на новую по планам земельного мастера Карла Людвиг Бергиуса в 1757 году.

Российская императрица Елизавета Петровна, которой присягнули все жители провинции Восточной Пруссии, выделила 1383 талера на строительство церкви.

Новая Литовская (по-другому Земельная) церковь получила овальную форму и башенку. Во внутренней части устойчивые тосканские колонны держали на постаментах деревянный свод. На восточной стене церкви стоял алтарь. Он был приобщен к архитектуре колонн. В 1853 и 1927 годы церковь претерпела обширные восстановительные работы. В 1818 году церковь получила 2 колокола из литейного завода Кёнигсберга. 9 сентября 1860 года был торжественно открыт орган.

Если Немецкая церковь насчитывала в 1925 году в целом 45 000 членов общины (территория города и городская окраина), то к Литовской церкви в том же самом году относилось 8.800 прихожан (территория города и окрестность по эту и ту стороны Мемеля). В Литовской церкви трудились 2 священника.

Церковное здание пережило Вторую мировую войну без ощутимых повреждений. Однако после пожара, вызванного, скорее всего, детскими шалостями, она сгорела и окончательно была снесена в 1952 году.

Затем Тильзит становится центром сосредоточения культурных связей ближайших Литовских земель. Естественно из года в год литовского населения становилось всё больше. Тогда и проявился постоянный интерес к литовскому языку.

В 1879 году местные немецкие любители литовского языка, этнографии и истории, создали Литовское литературное общество. Это общество объединило около 200 членов под председательством профессора Кёнигсбергского университета Альбертины Христофора Прейса. Цель общества — объединение стремлений, направленных к изучению Литвы и сохранению

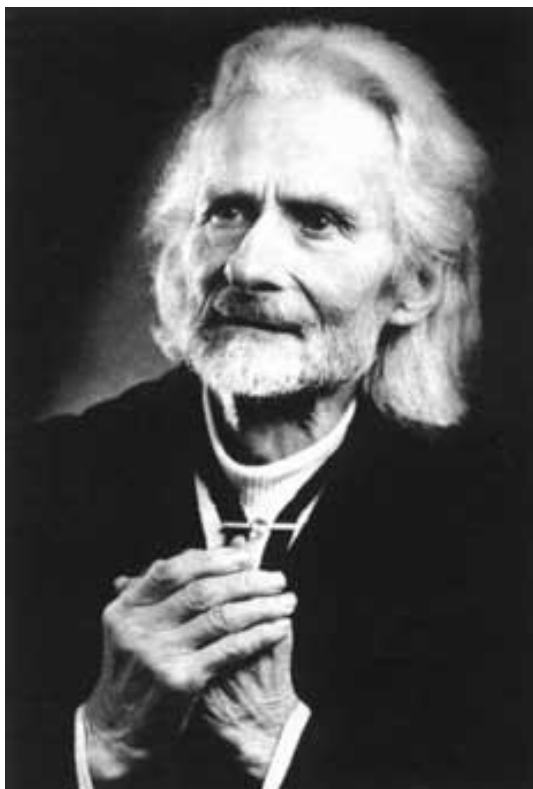
памятников литовского языка, истории и этнографии. При обществе действовал небольшой музей литовских древностей. Собрания общества происходили главным образом в Тильзите. Общество имело своё печатное издание «Mitteilungen», которое выпустило до осени 1895 года 20 выпусков. Но это общество, при всей своей широкой деятельности, было изначально направлено на просвещение немецкой части населения. Участие литовцев в делах общества было невелико вследствие малого распространения среди них знания немецкого языка и трудности получить «Сообщения».

Спустя несколько лет, в 1885 году в Тильзите из числа местных литовцев, было образовано первое литовскоговорящее культурное общество «Бируте», которое своей деятельностью ставило распространение литовского языка... По словам Сильвы Поците, историка, доктора гуманитарных наук Клайпедского университета: «До первой мировой войны в Малой Литве эпизодически или более длительное время действовало до 30 культурных обществ. Центром культурной деятельности в Малой Литве твёрдо можно назвать город Тильзит, в котором и действовало большинство обществ».

Эти общества организовывали литовские вечера, на которых исполнялись литовские песни, ставились спектакли, читались рефераты на темы истории и культуры Литвы, а также печатались литовские книги. Это развитие нарушила Первая мировая война, передел территорий, и её последствия, когда большинство литовских деятелей переехали в Клайпедский край. Но в Тильзите литовская деятельность не

прекратилась, она сконцентрировалась в обществе Tilzes giedotojai, вокруг философа и общественного деятеля Видунаса, а также владельца типографии Ензиса Ягомаста.

Видунас (настоящее имя – Вильгельмас Стороста) не только руководил обществом «Tilzes giedotojai», но и другими, менее численными литовскими обществами; организовал литовские праздники. В семье будущего писателя много внимания уделялось интеллектуальному и музыкальному образованию. Большое влияние на Вильгельмаса оказала литовская народная культура, к которой его привлекала мать, знавшая много народных песен и сказок. В особом почете в семье был родной литовский язык. После окончания начальной школы в Пилькаллене (посёлок Добровольск Краснознаменского района) Видунас закончил учительскую семинарию в Рагните (город Неман) и до пенсии (1912) работал учителем сначала в Шилутском районе, затем 20 лет в Тильзитской средней школе для мальчиков.

Во время работы в школе и после ухода на пенсию Видунас на правах вольнослушателя в университетах Грейфсвальда, Галле, Лейпцига и Берлина изучал философию, социологию, религию и мифологию разных народов, историю литературы и искусства, а также санскрит, английский и французский языки. В Лейпциге увлекся теософией, а в 1902 году основал в Тильзите кружок теософов. Философия Видунаса формировалась как творческая модель жизни. Такое направление обусловила сама жизнь, потребность выработать эффективные средства борьбы против национального порабощения своего народа. Порабощенный народ должен внутренне расти, стать морально выше своих угнетателей – такова суть философских поучений Видунаса.

Особое место в творческой биографии философа занимают его труды по истории: «Литва в прошлом и настоящем» (1916; перев. на русский в 1920) и «700 лет немецко-литовских отношений» (1932), конфискованный немецкой полицией.

Видунас рано включился в культурную деятельность своих соотечественников. В 1895 году он основал Тильзитское общество литовских певчих и в течение 40 лет руководил им, организовывал театральные

представления, праздники песен, выпускал периодические издания. В то же время Видунас пишет яркие философские драмы, трагедии, мистерии и сказки. Под грохот канонад Первой мировой войны он работал над учебником литовского языка и словарем.

В 1925 году всемирный союз писателей «Пен-клуб» избрал Видунаса своим почетным членом, и до 1989 оставался единственным литовцем, принятым в эту всемирную организацию писателей, основанную Голсуорси в 1921 году. Весной 1928 года отмечают 60-летие со дня рождения Видунаса и присваивают ему почетную степень доктора философии Каунасского университета.

Но были и другие, драматические периоды, сопровождавшиеся

постоянными преследованиями, угрозами, издевательствами. Разбушевавшиеся нацисты закидывали его камнями, обзывали «литовской собакой» и «предателем», не раз выбивали окна в его квартире. В 1938 году, обвинив в нарушении финансовых законов, Видунаса посадили в тюрьму. После того как во многих странах, в том числе в СССР («Литературная газета» и «Интернациональная газета»), напечатали меморандум по поводу ареста, Видунас был отпущен на свободу.

После Второй мировой войны философ оказался в немецком городе Детмольде, где и скончался 20 февраля 1953 года.

В память о Видунасе в Советске, на улице Ленина, 17, открыта мемориальная доска на русском и литовском языках, где написано, что здесь жил и работал литовский писатель Видунас.

С именем владельца типографии Ензиса Ягомаста и его дочери О. Витлимайтене связано издательство главной литовской газеты *Naujasis Tilzes keleivis* в 1924–1940 годы. Это общество действовало до запрета нацистской Германией всей литовской деятельности в 1935 году. К большому сожалению мало сведений о прошлом города, большая часть городских архивов была уничтожена во время войны, а оставшаяся часть «гуляет» по всей Европе, иногда всплывают отдельные экземпляры, но они не могут полностью отразить жизнь и быт старого города. Вот, к примеру, в рижских архивах нашлись данные, что тильзитские пекари в начале XX века охотно участвовали в различных торговых ярмарках, происходивших на территории России, заселённых литовцами. В конце 20 годов был проведён эстафетный бег «Рига –

Тильзит». В организации этого марафона участвовал «Спортивный союз почты Тильзита».

В городе – курорте Зеленоградск, бывшем Кранце, на доме по улице Ленина (Кенигсбергштрассе) 27 апреля 2009 года была установлена памятная доска литовским деятелям науки и культуры Фридриху и Александру Куршат. Мемориальная доска двум выдающимся литовским языковедам и лингвистам – Фридриху и Александру Куршайтисам. Оба они жили в немецком Кранце. Памятную доску разместили на

старинном здании, где жил и работал Александр Куршайтис. А появилась она благодаря инициативе работников местной библиотеки. Профессор Кенигсбергского университета Фридрих Куршайтис – автор множества словарей и учебных пособий по литовскому языку. А Александр продолжил дело своего знаменитого дяди. Ему удалось составить 4-томник литовско-немецкого словаря.

Александром Куршатам был составлен путеводитель по Тильзиту в 1911 году. Путеводитель содержал обзор истории города, его динамичную жизнь, которая отражала обильная реклама магазинов, кафе, пивных и винных погребков, ателье, галантерейно-аптечной торговли, книжных лавок и издательств.

По материалам публикаций Светланы Белшевиц, Виталия Черняева и информационного портала www.angrapa.ru

40. Святая контрабанда.

Bundesarchiv, B 145 BM-P02071
Foto: o. Ang. | o. Dat.

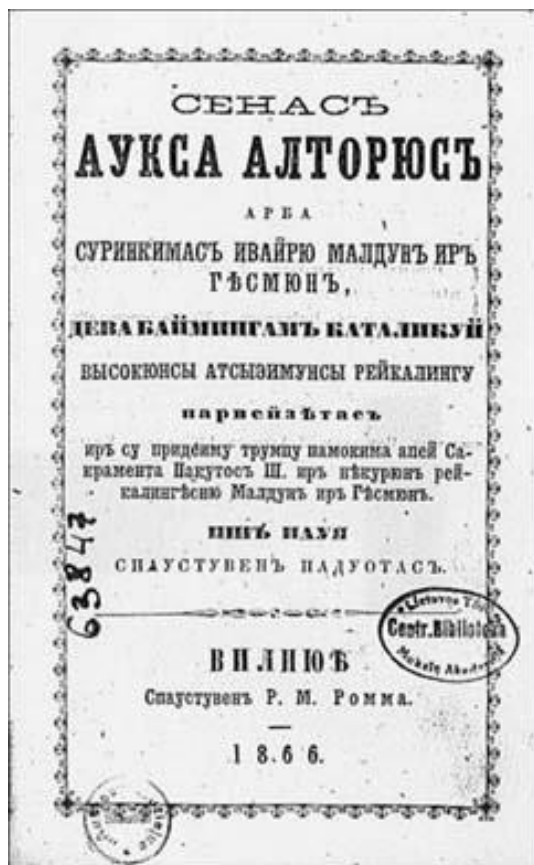
GoRetro.ru

Наверное, Восточная Пруссия – единственное место в мире, где контрабанда (в определённый отрезок времени) была СВЯТОЙ.

Ибо через границу из Восточной Пруссии в Россию нелегально перевозили (или переносили) КНИГИ. А в литовском языке с 1864 года появилось непереводаемое слово «книжняшис» – нечто среднее между некрасовским коробейником и российским народником, распространявшим

крамолу.

В январе 1863 года вспыхнуло печально знаменитое польское восстание с целью возрождения Речи Посполитой «от моря до моря». Мятеж очень скоро подавили российские войска, после чего царские власти принялись за «очищение Северо-Западного края империи от польского восстания».

Граф Муравьёв, генерал-губернатор мятежного края, уполномоченный как можно скорее превратить жителей Литвы в православных, предложил, в числе прочих радикальных средств, ввести запрет на печать литовских книг и газет латинским шрифтом. Чиновник Иван Корнилов разработал специальный кириллический литовский алфавит. И 22 мая 1864 года была закончена печать первого литовского букваря русскими буквами. Отныне предписывалось только так издавать литовские книги и преподавать в школах.

Интересно, что циркуляры о запрете печатать литовские книги латинским и готическим шрифтом остались неопубликованными, поэтому не имели юридической силы. Что не мешало им действовать «де-факто» в течение СОРОКА последующих лет!

В ответ на это сотни литовцев «ушли в контрабандисты». Историкам известно не менее 25

крестьянских организаций, члены которых нелегально распространяли **НАСТОЯЩУЮ** литовскую печать.

Литература на литовском языке печаталась в Восточной Пруссии. Основным пунктом книгопечатания и складирования готовой продукции был пограничный Тильзит (Советск). Известно, что католический епископ Валанчюс, пользуясь правами иерарха в Восточной Пруссии, назначал «своих» молодых ксендзов именно в пограничные приходы, где они, по сути, «крышевали» книжную контрабанду.

В 1870 году власти Пруссии раскрыли организацию Валанчюса. 17 человек предстали перед судом, 6 ксендзов – в административном порядке услали подальше. Но тропинки «книжняшисов» не заросли. Нищий у дверей костёла, мелкий базарный торговец, сельская бабка, ксендз, аптекарь, гимназист, кучер, «светский лев» – «имидж» книжняшиса мог быть любым. На границе в них стреляли на поражение, но люди продолжали рисковать, спасая от полного уничтожения родную письменность.

Книжняшисам помогали многие – по обе стороны границы. Русские, польские интеллигенты хранили запрещённые книги у себя дома, давали книжняшисам деньги на подкуп пограничников. Была такая неписаная традиция: если кто-то из пограничников проявлял «благосклонность», не замечая «окна выдачи книг» на границе, ему оставляли в кустах тюк с обычным товаром.

Конечно, в первую очередь боролись с «бытовыми» контрабандистами – теми, кто пытался протащить через границу товар, разрешённый для ввоза, но сделать это беспощинно. Если контрабандистов ловили, товар конфисковался, а на хозяина накладывали штраф, в пять раз превышающий стоимость «контрафакта». Тех, кто оказывал таможенникам и пограничникам сопротивление, ожидали порка плетьюми, каторга, тюрьма, арестантские роботы. Но... контрабандисты не отказывались от рискованного промысла, а только вооружались.

Конечно, среди «книжняшисов» святыми были не все. Для многих книги являлись лишь «побочным ответвлением» основного бизнеса: большинство живущих по обе стороны границы «коробейников» перебрасывали спирт и бытовые товары.

Спирт шёл из России в Восточную Пруссию, а обратно – серебро и всякая галантерейная мелочь (пошлины на законный ввоз которой были просто астрономическим).

Некоторые общины Пруссии дошли до того, что стали предоставлять услуги по «страхованию» контрабанды: в Пруссии нанимались специальные «транспортёры», которые закупали необходимое количество товара за свой счёт, а от российского «заказчика» получали часть денег в виде аванса.

Оставшуюся часть денег (с процентом!) им выплачивали, если нелегальный товар благополучно пересекал границу. Если же его «тормозили», «транспортёр» не возвращал аванс «заказчику», но терял то, что сам вложил в покупку.

Таких «транспортёров» называли «фурманами», потому что в этой роли очень часто подвизались приграничные евреи.

«Фурманы» тоже активно вооружались. Известна шайка Раудонкрутиса (он же – Юозас Юодейка, он же – Йонас Вайткус), в которой было до 400 человек. Она действовала на территории Литвы и Пруссии, и долгое время должностные лица обоих государств не могли напасть на её след, т.к. местные жители отказывались сотрудничать с полицией.

Раудонкрутиса поддерживали и дворяне, и литовские интеллигенты: зарабатывая контрабандой чая, сигар, галантереи и т.д., и т.п., он перетаскивал через границу и книги! За это святое дело ему прощались многие грехи.

На поиск Раудонкрутиса были брошены войска. Русские власти выставили 233 пехотинца и 46 казаков, примерно столько же – прусские. Пруссия пообещала за поимку Раудонкрутиса премию в 100 талеров, российская полиция израсходовала на всевозможных агентов и информаторов 555 серебряных рублей. В итоге его всё-таки взяли. В момент ареста на нём был литовский молитвенник, отпечатанный как положено, латинским шрифтом - и атаман контрабандистов вошёл в историю как спаситель литовской национальной письменности и настоящий герой.

Всего же за 40 лет запрещения литовской печати через границу было переброшено около пяти миллионов литовских книг и газет! И хотя стражам и таможенникам предусматривались специальные премии: по 10 копеек – за каждую задержанную книгу, по 10 рублей – за пуд газет или других изданий, российские жандармы смогли конфисковать не более 10 процентов «груза». Примечательно, что за время запрета только в Тильзите было издано больше литовских книг, чем всего – до 1864 года!

Более трёх тысяч книжняшисов были задержаны, около двух тысяч брошены в тюрьмы и сосланы. Родственник Йонаса Билюнаса, известного литовского писателя, вспоминал, как один из его знакомых подался в книжняшисы.

Он оказался очень ловким «контрабандистом». Лично, без всяких посредников, забирал груз в типографии в Тильзите, набивал им заплечный мешок и шёл, особо даже не скрываясь. Выглядел он как настоящий «лапотник». Никто бы и не подумал, что он вообще хоть раз в жизни держал в руках книгу.

Но... всякому везению приходит конец. При очередном переходе границы книжняшис был смертельно ранен жандармами и скончался на задворках дома в пограничной деревне. Его вдове и дочери потом передали узелок с деньгами и литовский букварь, напечатанный в Тильзите, с пятнами крови её отца...

Сам Билюнас однажды сцепился в пограничной пуще с прусским пограничником и дрался с ним, пока тот не потерял сознание. После чего, в лохмотьях, с разбитым лицом, добрался до книжного магазина, в Тильзите, где его спрятали.

В начале XX века царская власть осознала бессмысленность борьбы с литовским языком. Тем более что прогрессивные российские юристы к этому времени доказали обоснованность устного распоряжения графа Муравьёва.

Император Николай II подписал указ о снятии запрета и «книжняшисы» ушли в прошлое. Впрочем, по их тайным тропам тут же побежали

распространители газеты «Искра» и другой марксистской литературы. Но это уже совсем другая история.

А в память о «святой контрабанде» 16 марта каждого года вся Литва отмечает День Книжняшиса. На русском языке более употребим термин «книгоноши». Уникальный праздник: в каком-то смысле, наследник нашего общего имперского прошлого. Ибо, как сказал уже в XX веке поэт Мандельштам: «Только в России убивают за слово...»

А книга стоит того, чтобы за неё умереть.

Материал статьи Д. Якишиной «Контрабанда в Кёнигсберге».

41. Возвращение в Берлин.

Пятнадцатого декабря 1809 года – долгожданный отъезд в Берлин. Получив от Наполеона позволение вернуться, королевская семья прибыла в столицу 23 декабря 1809 года. Девять дней в пути и 101 залп артиллерийского салюта возвестили горожан о прибытии короля и королевы.

Это был последний салют в честь королевы и последнее Рождество Луизы. Приём берлинцев был потрясающе сердечным, как при прибытии во дворец, так и во время вечерней прогулки по

празднично освещённому городу. За этим последовала череда приёмов и торжественных обедов, театральных представлений и оперных постановок. Впервые на эти торжества были приглашены офицеры недворянского происхождения и буржуазные семейства.

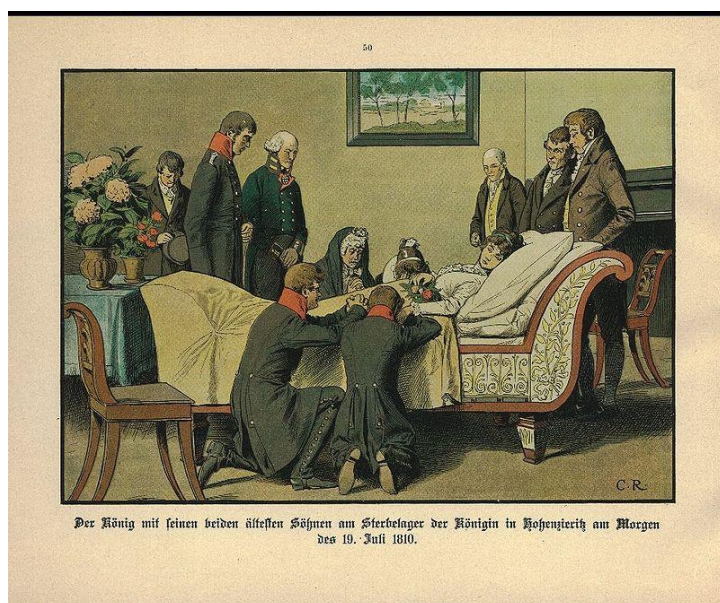
Многое в жизни Луизы, до конца которой оставалось всего полгода, отныне становится последним.

О по-прежнему мрачном политическом положении Луиза писала 27 января 1810 года в письме к Гарденбергу: «Мы всё также в высшей степени несчастны. Тем не менее, жизнь здесь в Берлине более сносная, чем в Кёнигсберге. Как минимум, блеск нищеты в прекрасном окружении, которое отвлекает, а в Кёнигсберге была нищета по-настоящему». Луиза прилагала все усилия, чтобы вернуть Гарденберга на прусскую государственную службу. Она видела в нём советника, в котором нуждался её нерешительный супруг.

Несмотря на сложившиеся предубеждения, Наполеон в конце концов согласился, ведь только Гарденбергу он мог доверить сбор колоссальных контрибуций, возложенных на Пруссию.

От поездки в Бад-Пирмонт, запланированной на лето для поправки здоровья Луизы, пришлось отказаться по финансовым и политическим причинам: Пруссия была фактически банкротом, а в Пирмонте в то время находились два брата Наполеона. Вместо этой поездки было решено съездить в Нойштрелиц, где с 1794 года Мекленбург-Стрелицем правил отец Луизы. Дармштадтская бабушка также проживала там. Графиня Фосс, которой было уже за 80, тоже отправилась вместе с королевой на экскурсию. Из письма отцу становится понятно, насколько Луиза радовалась этой поездке: «Я просто пылаю от радости и горю».

Der König mit seinen beiden ältesten Söhnen am Sterbelager der Königin in Hohenzeitz am Morgen des 19. Juli 1810.

25 июня 1810 года Луиза приехала в Нойштрелиц, Фридрих Вильгельм должен был прибыть позже. После краткого пребывания в городе-резиденции был намечен переезд во дворец Хоэнцириц, летнюю резиденцию герцога. На 30 июня 1810 года была запланирована поездка в Райнсберг, которая так и не состоялась, поскольку у Луизы начался жар и она осталась в постели. Местный врач диагностировал не опасное для жизни воспаление лёгких. Вызванный из Берлина личный

врач короля Эрнст Людвиг Гейм также не обнаружил серьёзных поводов для беспокойства. 16 июля прошёл ещё один консилиум, поскольку симптомы, выразившиеся в приступах удушья и нарушении кровообращения, значительно усугубились. Срочным курьером графиня Фосс уведомила короля, и незадолго до пяти утра 19 июля 1810 года он прибыл в Хоэнцириц вместе с двумя старшими сыновьями. Спустя четыре часа Луиза умерла.

При вскрытии тела Луизы выяснилось, что одна половина лёгкого была разрушена, также была обнаружена опухоль на сердце: годы страданий и лишений не прошли бесследно.

Графиня Фосс сделала в своём дневнике такую запись: «Врачи говорят, что полип в сердце стал следствием большого и продолжительного горя». Тело Луизы при большом стечении народа было перевезено в Берлин и выставлено на три дня для прощания в Городском дворце. Похороны состоялись 30 июля в Берлинском соборе.

Уже 29 июля 1810 года жители Гранзе подали прошение о создании памятника Луизе на том месте, где траурная процессия с телом Луизы останавливалась на ночь по пути в Берлин. Король дал согласие с условием, что памятник будет возведён на добровольно собранные средства. Памятник по проекту Карла Фридриха Шинкеля был отлит на Прусском королевском сталелитейном заводе и торжественно открыт 19 октября 1811

года. В 1813 году Фридрих Вильгельм III учредил Железный крест, датой учреждения которого он назначил 10 марта, день рождения Луизы. Шинкель изготовил награду по проекту самого короля. В 1814 году был учрежден орден Луизы, которым за особые заслуги награждались исключительно женщины.

Максимилиан фон Шенкендорф, о котором мы успели немного рассказать, проникся уважением и любовью к королеве Луизе. Ещё двумя годами раньше в присутствии королевы Макс поставил торжественное представление в замке Кёнигсберг «Янтарное ожерелье». Поэтому 1 сентября 1810 года он и Фридрих Фердинанд Доров организовали траурную церемонию в память о королеве. Музыка для этого написал композитор и музыкальный критик Иоганн Фридрих Райхардт, которого попросил об этом его племянник Доров.

Церемония состоялась в католической церкви Святой Барбары Лёбенихта и была объединена с католическим богослужением (в 1614 году эрmlandский епископ заложил камень в основание будущей католической церкви, в 1616 году церковь освятили и прочитали первую проповедь).

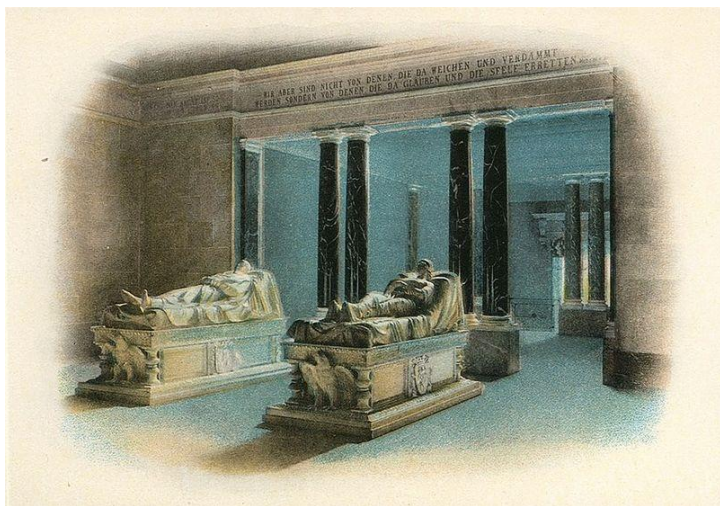
Инициатива и некоторая торопливость молодых людей вызвали в городе недовольство, ибо десятью днями позже в замковой церкви состоялось организованное магистратом большое траурное мероприятие в память о королеве Луизе. Во время панихиды в Замковой церкви 11 сентября, где горело 2 500 свечей, обер-бургомистр Хайдеман произнёс речь и звучала «Аллилуйя» Генделя.

Но на кандидата на должность государственной службы Шенкендорфа, судя по всему, недовольство

властей не произвело никакого воздействия и инициативы его не лишило. Он считал себя в праве делать то, что хотел и находил должным. И 18 сентября перед двумя тысячами слушателей был исполнен «Реквием» Моцарта. Этот концерт Шенкендорф устроил всё в той же католической церкви, что, казалось, подтверждало слухи о склонности молодого романтика к средневековому немецкому католицизму... в Лёбенихте.

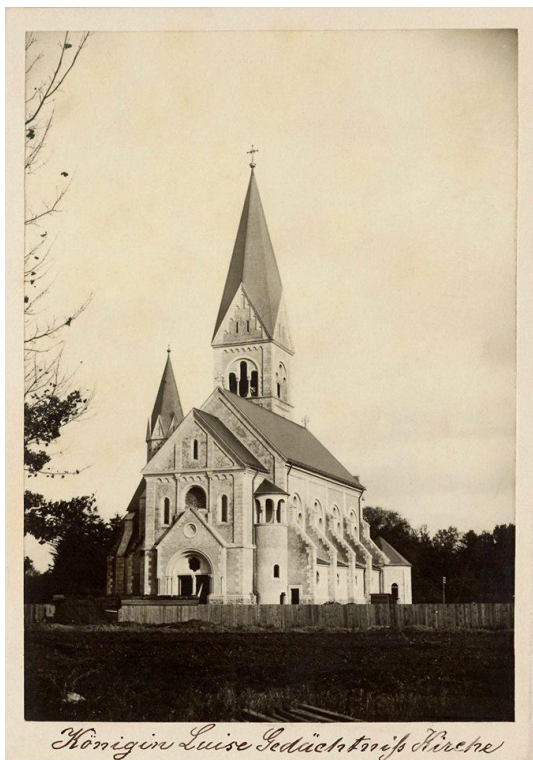
Кёнигсберг отдал последние почести любимой королеве.

Спустя пять месяцев после кончины королевы, 23 декабря 1810 года, Луиза Мекленбург-Стрелицкая обрела последнее место упокоения в мавзолее в парке при Шарлоттенбургском дворце, возведённом Генрихом Генцем при участии Карла Фридриха Шинкеля. Надгробную скульптуру королевы, шедевр Берлинской скульптурной школы, создал Кристиан Даниэль Раух в 1811—1814 годах. Фридрих Вильгельм III принимал в этой работе активное

участие, высказывая свои пожелания и предложения. Сам он также был похоронен в этом мавзолее в 1840 году. Мавзолей стал местом всенародного паломничества, важным культурным центром поклонения королеве Луизе.

Образ же Луизы, зачастую идеализированный, остался по-прежнему в сердцах у

многих. И даже после смерти прекрасной Луизы в народе ещё долго распространялись легенды, что она жива.

Это, к примеру, отметил главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал М. И. Кутузов в письме своей жене от 22 января 1813 года в восточно-прусском городе Лик (сегодня это польский город Элк): «Об королеве многие в народе думают, что она жива и спрятана в Петербурге».

Народ ошибался. И не ошибался одновременно. Да, Луиза, конечно, умерла. Но и не умерла тоже: в памяти.

Седьмого июля 1899 года в Кёнигсберге проходила торжественная церемония закладки церкви памяти королевы Луизы. В закладной камень тогда был

вложен акт с пожеланием, чтобы эта церковь стала местом «благодатной памяти о незабвенной королеве, которая в самые печальные дни нашей истории в начале этого столетия была гением Пруссии».

Эти слова не сильно преувеличили значение любимой народом королевы...

В 1901 году в Пруссию для встречи с кайзером заехал Николай II с супругой. Император побывал в Кёнигсберге на торжествах по случаю 200-летия коронации первого прусского короля. Царствующая пара посетила в парке Луизенваль мемориальную кирху по проекту архитекторов Хайтмана и Краха и возложила цветы к бюсту королеве памятника-

полуротонды – мраморного портрета Луизы скульптора Христиана Даниэля Рауха, с надписью: «Гению Пруссии, незабываемой королеве — от граждан Кенигсберга. 1874 год».

В центре посажена липа сыном прусской королевы Вильгельмом I в память подписанного Тильзитского мира 1807 года и в честь 160-летия победы над Наполеоном, в 1874 году.

О ссылке королевского двора в Восточной Пруссии и подробности о военных годах королевы Луизы – «красавицы с заплаканными глазами», представлены в докладе Бориса Николаевича Адамова, члена правления Калининградского клуба краеведов на научной конференции в Багратионовске.

42. АВГУСТОВСКИЙ КАНАЛ.

Памятник гидротехники XIX века, имеющий самое непосредственное отношение к Тильзиту, поскольку в качестве водно-транспортной артерии, соединял Вислу и Неман, обеспечивал проход судов в Балтийское море и кроме того, канал мог стать связующим звеном между Балтийским и Черным морями через Березинскую водную

систему, Двину, Огинский канал и реку Днепр.

История вопроса.

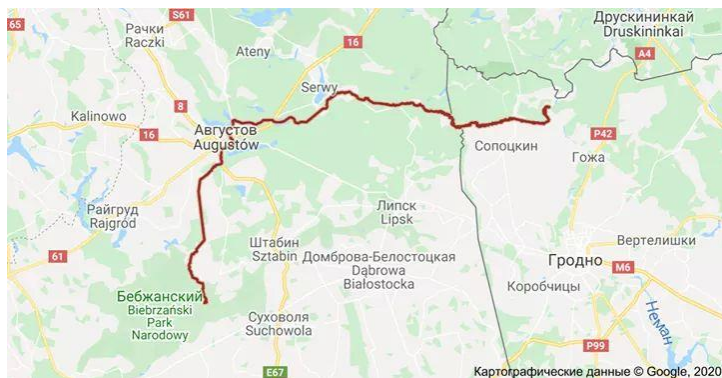
В 1815 г. по итогам Венского конгресса большая часть Великого герцогства Варшавского была присоединена к Российской империи как автономное Царство Польское, что способствовало экономическому подъёму этих земель. В ответ Пруссия, к которой также отошла

часть территории Польши, ввела экономические ограничения, препятствовавшие доставке польских товаров по реке Висле до порта Данциг, а в самом порту на польскую сельскохозяйственную продукцию были установлены пошлины, более чем десятикратно превышавшие прежние. Это был грабёж.

Сложившаяся обстановка побудила министра финансов Царства Польского князя Друцкого-Любецкого в августе 1822 г. выступить с инициативой создания окружного водного пути по рекам Нарев и Бебжа до Немана и далее до устья Виндавы (Венты) на Балтийском море.

В 1824 году проект канала общей длиной в 395 км был представлен императору Александру I, который в том же году его одобрил.

Императором также было принято решение о том, что строительство канала в пределах Царства Польского должно было осуществляться самими поляками.

По настоянию брата российского императора великого князя Константина Павловича, главнокомандующего польской армией и фактического наместника в Царстве Польском, реализацию инициативы по строительству канала взяли на себя военные власти.

Заместитель военного министра и генерал-квартирмейстер Маврикий Фёдорович (Мауриций) Гауке приказал подполковнику Игнатию Прондзинскому произвести изыскания и подготовить проект канала Нарев–Неман, вскоре получившим название Августовский по названию города Августов, ставшего центром организации работ.

В апреле 1824 г. предварительный расчёт, сделанный Прондзинским, включавший в себя более пятисот листов карт, планов и технических чертежей, был представлен в Санкт-Петербург, в Главное управление путей сообщения.

В результате предпринятых изысканий новый водный путь должен был пролегать через приток Вислы – реку Нетту, затем в Бебжу, и далее по

искусственным каналам с системой шлюзов через озёра Августовской пущи, а потом по реке Черная Ганча до Немана. Предполагалось построить и ещё одну часть канала, которая должна была соединить Неман с портом Виндава на Балтике, но этот план так и не был осуществлён.

Поздней весной 1824 года Августов посетил генерал Пётр Петрович (Пьер Доминик) Базен – один из крупнейших европейских авторитетов в области гидротехники того времени. Целью визита было выяснение деталей и устранение технических и организационных разногласий. Наконец, в июле 1824 г., в ходе совещания в городе Ломжа, была утверждена трасса канала, проходящая через город Августов, озёра Нецко, Бяле, Студзеничне и ниже озера Сервы, которое рассматривалось в качестве вспомогательного водоёма.

В конце июля приступили к зарегулированию и канализации 70-километрового участка реки Бебжа и 30-километрового – реки Нетта. Спряжались и углублялись русла, насыпались валы, строились грунтовые буксирные дороги. Окончательно планы и сметы строительства канала, предусматривающие расходы на общую сумму 7 681 587 польских злотых, были утверждены императором 15 февраля 1825 г.

Строили канал 15 лет, с 1824 по 1839 годы.

Многие строительные материалы (глину, песчаник, известковый камень) добывали непосредственно в районе прокладки канала. Камень «ломали» чаще всего в окрестностях города Сувалки. Тёсаный же камень (песчаник) доставляли из окрестностей города Опочно, известковый (мел) – с берегов реки Ганча. Глину, необходимую для получения цемента, приходилось привозить из карьеров, находившихся на расстоянии более 50 км.

Не меньшим успехом было отмечено и налаживание литейного производства на специально построенном металлургическом заводе Кароля Бжостовского. Стены канала для надёжности «сажали» на свайное поле из сосновых стволов диаметром более 40 см. Дно канала делали как из бетона, так и из древесины, в зависимости от вида грунта. Все шлюзы на канале строились из полевых валунов, булыжного камня и облицовывались красным кирпичом. Для

изготовления ворот шлюзовых камер использовалась дубовая древесина и железные оковы. На расположенных параллельно шлюзам водотоках и водоподводящих каналах соорудили плотины, схожие по конструкции со шлюзами.

Много внимания уделяли и укреплению прибрежной линии. Там, где она состояла, в основном, из песчаных пород, берег усиливался песком, смешанным с глиной, а в некоторых местах даже укладывали дёрн. Вдоль канала высаживали деревья, в основном ивы, как для упрочения берега, так и для защиты от ветров; прокладывали грунтовые буксировочные дороги шириной около 4 метров и более 60 мостов.

В период наиболее интенсивных работ на строительстве было занято до 7 тысяч человек разных национальностей. Местные крестьяне за свой труд получали освобождение от крепостной зависимости, поэтому один из шлюзов был даже назван «Свобода».

Начало сооружения канала заставило Пруссию резко изменить таможенную политику, и в 1825 г. таможенные сборы были значительно снижены. Тем не менее, строительство продолжалось.

С 1833 года работы осуществляло гражданское Управление сухопутных и водных путей сообщения. Строительство окончательно завершили в 1839 году.

Последняя часть канала («Виндавская»), которая должна была бы соединить новый торговый путь с курляндским портом Виндава (ныне латвийский Вентспилс), не была построена — способствовало этому Польское восстание 1830 года («ноябрьское»). А

главное — с 1837 года в России стали строиться железные дороги, и от продолжения строительства отказались. Законченная часть канала сохранила значение внутреннего водного пути, служащего для коммерческого судоходства и транспортировки древесины из Вислы в Неман и обратно. По каналу ходили деревянные баржи «берлины», против течения их вели по «тягловым» дорогам либо с помощью конной упряжки, либо (крайне редко) баржу тянули бурлаки.

Всего было построено 29 водопропускных плотин, 18 судоходных шлюзов, 21 камера, 14 подъёмных мостов «журавлиного» типа и 24 объекта для технического обслуживания канала.

Судоходные шлюзы и шлюзы-регуляторы компенсировали перепад высот, который составлял 54 м.

Общая длина канала в настоящее время составляет 103 км, из них 79 км приходится на территорию Польши, 24 км – на территорию Белоруссии (причём

около 46 км было прорыто вручную под руководством военных инженеров русской армии).

Особо надо отметить гармоничное соединение всех инженерных объектов с окружающей средой.

Между мировыми войнами канал впервые стал туристическим объектом. По маршруту Гродно-Августов-Гродно регулярно курсировали два пассажирских колёсных парохода. Вдоль Канала пролегал престижный туристический маршрут, обеспечиваемый превосходными условиями для плавания на лодках и байдарках. Во время боевых действий Второй мировой войны гидротехнические сооружения белорусской части канала были сильно повреждены. Отступая, немецкие войска взорвали 3 шлюза, 8 плотин и несколько мостов.

После войны польская часть канала была восстановлена и использовалась в туристических целях; белорусская часть оставалась в запустении. В 2004—2006 годах были проведены реставрационные работы и на белорусской части Августовского канала.

В 2005 году на канале был открыт международный пункт пропуска через границу только для путешественников на лодках и байдарках «Лесная-Рудовка».

В конце хотелось бы заметить, что не прошло и 15 лет со дня подписания «Тильзитского мира», где, в частности, остро стоял вопрос о существовании Пруссии как государства в принципе, и лишь твёрдая позиция Александра I позволила Пруссии сохраниться, и вот тебе «благодарность»: Россия была вынуждена строить мимо этого государства обводной канал. Впрочем, нынешняя история, мало чем отличается от прошедшей.

*Работа подготовлена координатором Проекта «История. Люди. Память» –
Эммой Басовой.*